

ТЯИНА ГИДЕЛИ БОРИСА И ГЛЕСЯ

Дмитрий Боровков

Дмитрий Боровков

ТЯИНА ГИДЕЛИ
БОРИСА И ГЛЕСЯ

ОТ РУСИ К ИМПЕРИИ

Д.А. БОРОВКОВ

ТАЙНА ГИБЕЛИ БОРИСА И ГЛЕБА

Москва
Вече

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)44
Б83

Боровков, Д.А.

Б83 Тайна гибели Бориса и Глеба / Д.А. Боровков. — М. : Вече, 2014. — 320 с. : ил. — (От Руси к империи).

ISBN 978-5-4444-1877-2

Знак информационной продукции 12+

Среди загадок русской истории особое место занимает тайна гибели двух сыновей крестителя Руси Владимира Святославича — Бориса и Глеба, убитых по приказу старшего брата Святополка, получившего в древнерусской литературе прозвище Окаянный. После изгнания Святополка началось почитание князей в княжеском роду. Память о этих страдальцах этих осталась для России священной. Русские люди, и преимущественно княжеский род, видели в них своих заступников и молитвенников. Летописи содержат много рассказов о чудесах исцеления, происходивших у их гроба, о победах, одержанных их именем и с их помощью, о паломничестве князей к их гробу и т.д.

Сохранившиеся исторические свидетельства о гибели двух князей порождают круг непростых вопросов. На них отвечает в своей книге историк Д.А. Боровков.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)44**

ISBN 978-5-4444-1877-2

© Боровков Д.А., 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

Посвящается Светлане

ОТ АВТОРА

Среди загадок русской истории особое место занимает тайна гибели двух сыновей крестителя Руси Владимира Святославича — Бориса и Глеба, убитых по приказу старшего брата Святополка, получившего в древнерусской литературе прозвище Окаянный. После изгнания Святополка началось почитание князей в княжеском роду. Впоследствии они стали одними из первых общерусских святых.

Скруплезное изучение всех сохранившихся свидетельств об этих событиях порождает круг на первый взгляд неразрешимых вопросов: если памятники древнерусской письменности дают, как кажется, вполне достоверную картину событий, происшедших тысячу лет назад, то это впечатление исчезает, как только мы обращаемся к свидетельствам латинских или скандинавских источников.

Уже не один десяток лет историки пытаются согласовать столь разные по своему типу и содержанию памятники, как древнейший из сохранившихся до наших дней летописный свод Повесть временных лет (далее — ПВЛ); созданный на рубеже XI—XII вв. цикл агиографических произведений о Борисе и Глебе; свидетельства, оставленные немецким современником — Титмаром, епископом Мерзебурга, и одну из

исландских саг, рассказывающих об участии в борьбе русских князей варяжского отряда во главе с конунгом Эймундом, причастным к убийству одного из них.

Решению этого вопроса посвящено большое количество научных и научно-популярных работ, позволяющих разрабатывать различные направления исследований. Мы стремились не только опереться на их результаты, но и, по возможности, продемонстрировать пути развития исследовательских концепций; ибо, как отмечают современные исследователи, «...значение исторической науки сводится не только и даже не столько к “реставрации” прошлого, сколько к сохранению культурного опыта человечества, включая саму историю вопроса, хронику мнений и концепций, исследование их генезиса и развития»¹.

Мы придерживались двух основополагающих принципов интерпретации источников, с одной стороны, рассматривая содержащуюся в них историческую информацию как факт социально-политического развития, а с другой — исследуя его как уникальное явление культуры. Надо отметить, что одной из причин, по которой большинство исследователей обращается к изучению династического конфликта 1015—1019 гг., является феномен братоубийства в контексте христианской традиции на Руси, поэтому чрезвычайно важным, в соответствии с современными представлениями, является установление и осуждение потенциального его инициатора. При этом, как правило, игнорируется то, что для решения поставленной задачи привлекаются памятники различных культурных традиций, в которых отношение к этому явлению было не столь однозначным.

Именно поэтому необходимо изучить отношение к феномену этого династического конфликта в широком сравнительно-историческом контексте русской, скандинав-

ской, чешской и южнославянской традиций, которые были связаны между собой в культуре средневековой Европы и одновременно имели собственные уникальные черты, особенно ярко выраженные в древнерусской историографии, ибо «Древняя Русь жила конвенциональными идеями, символами и образами, имевшими определенную сферу применения. Они были ограничены письменным преданием и неписаными правилами, нормой, каноном» (А.В. Каравашкин)². Разумеется, это не могло не отразиться на ее культурно-историческом восприятии.

Произведения Борисоглебского цикла создают богатую галерею образов участников междукняжеской войны 1015—1019 гг. Этот исторический нарратив смоделирован по аналогии с ветхозаветными сюжетами, им проникнуты не только агиографические, но и летописные труды, поэтому ее можно считать спецификой древнерусской традиции. Сквозь все произведения цикла проходят более или менее стандартные типы образов: «персонажи, в которых воплощены абсолютный “праведник” и абсолютный “грешник”» (Р. Пиккио)³. Однако даже внутри этой отдельно взятой литературной традиции сходства и отличия между памятниками весьма велики, поэтому не будет преувеличением сказать, что все они представляют собой различные «сценарии» конкретной исторической ситуации, которым удивительным образом удавалось сочетаться в сознании людей на протяжении десяти веков.

Сегодня существует тенденция к интерпретации исторических текстов как целенаправленно созданных продуктов культуры: в этом случае история становится опосредованной, увиденной глазами Другого; место исторических фактов занимают образы, обусловленные «социальными навыками мышления» (Ж. Ле Гофф). Но, позволяя рас-

ширить поле исследования, приблизиться к реконструкции человеческого сознания в исторической ретроспективе (или, быть может, лишь создать его иллюзию), этот метод выдвигает на первый план проблему межкультурного диалога во Времени — диалога, который, в сущности, является интеллектуальной игрой исследователя. Не случайно один из его основоположников, известный французский историк Марк Блок, в своей «Апологии истории» повторил слова нобелевского лауреата Андре Жида: «Игры ныне для нас уже непозволительны, кроме игры ума»⁴. Считается, что «человек прошлого, как и наш современник, воспринимает мир в особом мифологическом ракурсе: он создает свой образ действительности, активно привносит в описание исторических событий собственную систему оценок, осознанно руководствуется только ему присущими нормами или коллективными представлениями, мировоззренческими установками конкретной эпохи»⁵. Этот подход нуждается в определенной коррекции, поскольку в данном случае речь идет не только о том, как события 1015—1019 гг. воспринимались «внутри» древнерусской культуры, но и за ее пределами. Мы попытались решить изложенную в этой книге проблему, исходя из представления о том, какой представлялась война за наследство Владимира Святого на Руси, в Скандинавии или в Германии и почему именно так ее зафиксировали в дошедших до нас текстах.

Хронологические рамки книги охватывают значительный период развития междукняжеских отношений на Руси — с 70-х гг. X в. до вокняжения в Киеве Владимира Мономаха. Однако далеко не все события указанного периода были подробно освещены, поскольку эта книга — всего лишь начальный этап в разработке сложнейшей темы, так как мы

попытались рассмотреть в ней явления политической жизни Древней Руси в сравнении с аналогичными явлениями в различных регионах Европы.

Согласно пожеланию издательства древнерусские тексты в книге приводятся в переводах Д.С. Лихачёва (Повесть временных лет), Л.А. Дмитриева («Анонимное сказание о Борисе и Глебе», «Сказание о чудесах»), Н.И. Милютенко («Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба», Паримийные чтения). В примечаниях дается ссылка сначала на древнерусский текст (по «Полному собранию русских летописей» или публикации Д.И. Абрамовича «Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им» (Пг., 1916), затем — указание на перевод. Случаи, когда переводы выполнены нами, оговариваются отдельно. Древнерусские даты «от сотворения мира» приведены по современному летоисчислению. В приложениях к книге помещены летописная повесть «Об убиении Бориса», «Сказание о Борисе и Глебе» (по изд.: Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII в. М., 1978). Фрагменты «Пряди об Эймунде» в переводе Е.А. Рыдзевской приведены по изданию: Т.Н. Джаксон. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Первая треть XI в. (М., 1994), фрагменты из «Круга Земного» Снорри Стурлусона (М., 1980) — в переводе А.Я. Гуревича и М.И. Стеблин-Каменского.

Автор выражает искреннюю благодарность доктору исторических наук Владимиру Яковлевичу Петрухину, в семинаре которого был подготовлен первый вариант этой работы, и доктору исторических наук Александру Васильевичу Назаренко, который любезно разъяснил проблему соотношения титулов русских князей в ПВЛ и «Хронике» Титмара Мерзебургского.

Дмитрий Боровков

Часть 1

ВОЙНА ЗА НАСЛЕДСТВО КНЯЗЯ ВЛАДИ- МИРА. ДРЕВНЕРУССКИЕ «СЦЕНАРИИ» СОБЫТИЙ

Явление, вызывающее негодование, не может служить достоянием истории, в лучшем случае предпосылкой пока еще не сформулированной исторической проблемы.

*Бенедетто Кроче. Теория
и история историографии (1915)*

1.1. МЕЖДУКНЯЖЕСКАЯ ВОЙНА СВЯТОСЛАВИЧЕЙ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Один из «сценариев» междукняжеской войны 1015—1019 гг., сохранившийся в ПВЛ, представляет братоубийственную войну между сыновьями Владимира как финал династической трагедии Рюриковичей, разыгравшийся в последней четверти X в., когда сам Владимир в ходе борьбы за власть оказался виновником гибели старшего брата Ярополка.

По свидетельству летописи, Владимир — внебрачный сын киевского князя Святослава Игоревича и ключницы Малуши — приобщился к политике случайно, когда в 970 г. по просьбе новгородской «делегации» был отправлен княжить в Новгород под надзором Добрыни, своего дяди по матери, после того как от власти в далеком городе на Волхове отказались старшие сыновья Святослава Ярополк и Олег, которые предпочли северной окраине Руси земли полян и древлян.

Раздел княжений, предпринятый Святославом накануне его второго похода в Дунайскую Болгарию, оказался поворотным моментом для древнерусской государственности: с этого времени неделимое прежде в роду Рюриковичей господство над восточнославянскими племенными союзами, почти столетие обязанными варяжским правителям Киева данью, а в случае необходимости и военной поддержкой, оказалось раздроблено. Трудно сказать, насколько политически беспрецедентным было это решение Святослава, так как, по словам византийского императора Константина Багрянородного, сам он при жизни отца сидел на княжении в Новгороде (Немогарде)⁶.

На первый взгляд мотивы решения Святослава понять нетрудно, поскольку летопись говорит о его намерении перенести свою резиденцию из Киева в Переяславец на Дунае, завоеванный во время его первой болгарской кампании 968—969 гг. По убеждению Н.И. Костомарова, «легкость, с какою Святослав променивал русский Киев на Болгарский Переяславец, наглядно указывает, что варяжские князья за целое столетие власти над русскими славянами не выработали для себя на русской почве государственных взглядов и понятий»⁷. Для некоторых исследователей, напротив, «совершенно очевидно», что Святослав «предполагал перенести свою резиденцию на Дунай, сохранив за собой и огромное Древнерусское государство» (А.Н. Сахаров)⁸, поэтому сего-

дня говорят даже о планах создания Святославом дунайской «империи» (В.Я. Петрухин)⁹. В этом случае его оставшиеся на Руси сыновья превратились бы в обычных княжеских посадников (В.О. Ключевский)¹⁰.

Летописи умалчивают о том, разделил ли Святослав всю территорию Руси, находившуюся под его властью, или выделил только Древлянскую и Новгородскую земли, оставив остальные волости Ярополку¹¹, но, как бы то ни было, после гибели Святослава в схватке с печенегам у днепровских порогов в 972 г. братья нового киевского князя могли оказаться для него как деятельными помощниками в деле сбора дани с постоянно готовых к мятежу племенных союзов, так и потенциальными политическими противниками, хотя, как полагает А.В. Назаренко, нет никаких оснований представлять себе положение Ярополка особым сравнительно с братьями, поскольку первые Рюриковичи подобно правителям раннесредневековой Европы управляли Древнерусским государством коллективно на основе «родового сюзеренитета»¹².

Конфликт не заставил себя долго ждать: он разразился в 975 г., когда древлянский князь Олег убил за браконьерство в своих владениях Люта, сына влиятельного киевского воєводы Свенельда, который потрудился разжечь войну между Ярополком и Олегом. В 977 г. Олег потерпел поражение в битве под Овручем и погиб во время бегства. Узнав об этом, Владимир бежал «за море», и его волость перешла к Ярополку. Согласно ПВЛ, через три года Владимир вернулся с помощью скандинавских наемников-варягов: первым делом он выгнал из Новгорода киевских посадников и объявил войну брату. Принимая во внимание условность летописной хронологии для X в., некоторые исследователи принимают датировку, предложенную в «Памяти и похвале князю Вла-

димиру» Иакова-«мника», которая относит войну Владимира с Ярополком и его вокняжение в Киеве к 978 г.¹³

Далее летописный рассказ разрывается сюжетом о сватовстве Владимира к Рогнеде, дочери варяга Рогволода, который пришел «из заморья» и установил свою власть в Полоцке. По свидетельству ПВЛ, Владимир «послал к Рогволоду в Полоцк сказать: “Хочу дочь твою взять себе в жены”. Тот же спросил у дочери своей: “Хочешь ли за Владимира?” Она же ответила: “Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка”...

И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды — дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов — варягов, славян, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены»¹⁴. Включение этого сюжета в летопись, очевидно, вызвано необходимостью проиллюстрировать не только некоторые из причин соперничества Святославичей, но и дать объяснение далеко не простым отношениям в семье Владимира. Как рассказывает летописец XII в., полоцкая княжна попыталась отомстить нелюбимому мужу за гибель родственников и была приговорена к смерти, от которой ее спас один из сыновей — Изяслав.

В итоге Владимир был вынужден сменить гнев на милость, отправив жену и сына на княжение в Полоцкую землю, которая, таким образом, приобрела автономный статус в составе Древнерусского государства: на протяжении 250 лет она управлялась исключительно потомками Изяслава и лишь на некоторое время киевским князьям — потомкам его брата Ярослава — удавалось силой подчинить ее своей власти (в 1068—1071 и 1129—1132 гг.). Антагонизм между

полоцкими и киевскими князьями был столь очевиден, что Лаврентьевская летопись констатировала (под 1128 г.), что с тех пор внуки Рогволода «меч взимают» против внуков Ярослава¹⁵, хотя подобное противопоставление было не совсем корректным, поскольку киевские князья являлись внуками Рогволода, так же как и их полоцкие соперники. Рассматривая этот сюжет как вставку, надо полагать, что сам полоцкий инцидент имел место еще до объявления войны Ярополку, ибо по завершении повествования о Рогнеде составитель ПВЛ вспоминает о том, что новгородский князь «пошел на Ярополка».

«И пришел Владимир к Киеву с большим войском, а Ярополк не смог выйти ему навстречу и затворился в Киеве со своими людьми и с Блудом, и стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче — между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот и поныне. Владимир же послал к Блуду — воеводе Ярополка — с лживыми словами: “Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него”. И сказал Блуд послам Владимировым: “Буду с тобой в любви и дружбе”...

Затворился Блуд (в городе) вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, но из-за горожан нельзя было убить его. Не смог Блуд никак погубить его и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: “Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: “Приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка”. Беги же из города”. И послушался его Ярополк, выбежал из Киева и затворился в городе Родне в устье реки Роси, а Владимир вошел в Киев

и осадил Ярополк в Родне. И был там жестокий голод, так что осталась поговорка и до наших дней: “Беда как в Родне”. И сказал Блуд Ярополку: “Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заклучай мир с братом своим” — так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: “Пусть так!” И послал Блуд к Владимиру со словами: “Сбылась-де мысль твоя, и, как приведу к тебе Ярополка, будь готов убить его”. Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором мы уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною своею. И сказал Блуд Ярополку: “Пойди к брату своему и скажи ему: “Что ты мне ни дашь, то я и приму”. Ярополк пошел, а Варяжко сказал ему: “Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов”, и не послушал его Ярополк. И пришел Ярополк ко Владимиру; когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазухи. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк»¹⁶.

Князь лишился сначала власти, а затем и жизни, вследствие предательства своего доверенного лица — воеводы Блуда. «Владимир же стал жить с женою своего брата — гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк», — рассказывает далее ПВЛ, сопроводив этот факт развернутым комментарием о том, что «от греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополк отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира»¹⁷.

Относительно интерпретации этого феномена существуют значительные расхождения. По мнению И.Я. Фроянова, в данном случае речь идет «об особенностях перехода в древних обществах власти от одного правителя к другому, часто приобретаемой посредством убийства властителя со-

перником, претендующим на его должность. Этот способ практиковался и на Руси IX—X вв. Убив правителя, соперник получал не только власть, но также имущество, жену и детей побежденного». Именно поэтому «князь Владимир, умертвив Ярополка, “залеже” его жену, “от нея же родися Святополк”. Точно сказать, от кого дитя “родися” (Владимира или Ярополка), летописец не мог, а быть может, не хотел, поэтому и ограничился двусмысленностью: “бе бо от двою отцю, от Ярополка и от Владимира”. Правомерно предположить, — заключает исследователь, — что вместе с княжеским столом Владимир взял жену и сына убитого Ярополка»¹⁸.

С точки зрения Н.И. Милютенко, «женитьба была вызвана не похотливостью князя, а желанием избежать кровной мести в близкородственном кругу. Женившись на вдове убитого, Владимир предлагал самого себя в возмещение», поэтому «монахиня-гречанка не пыталась мстить князю, зато Святополк расплатился сполна, убив своих двоюродных братьев свв. Бориса и Глеба»¹⁹. По убеждению некоторых исследователей, летописное свидетельство о рождении Святополка от монахини-расстриги следует воспринимать скорее как знак идеологической отмеченности, чем как исторический факт (С.Я. Сендерович)²⁰. Как раз в последнем качестве оно интерпретируется в «Сказании страсти и похвалы Борису и Глебу», которое чаще называют «Анонимным сказанием».

Надо сказать, что взгляд его автора на события 1015—1019 гг. существенно отличался от концепции, представленной в летописании, поскольку он придает определенную тенденцию обстоятельствам рождения Святополка: «Мать его, гречанка, прежде была монахиней. Брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою.

Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев. Поэтому и не любил его Владимир, ибо не от него был он»²¹.

Хотя «Анонимное сказание» признает Святополка сыном Владимира, сам факт его рождения представлен как грех язычника. Обратим внимание на еще одну любопытную деталь: в тексте сообщалось, что «от Рогнеды Владимир имел четырех сыновей: Изяслава, и Мстислава, и Ярослава, и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки — Борис и Глеб». Несмотря на то что произведение было посвящено именно прославлению последних, его «преамбула» акцентировала внимание на Святополке.

Если летописная статья 980 г. попала в летопись до церковного прославления Бориса и Глеба, у летописца вряд ли были основания для того, чтобы отрицать родственную связь по нисходящей линии между Владимиром и Святополком. «Анонимное сказание» было составлено уже после церковного прославления князей-мучеников по инициативе Ярославичей, что вызвало необходимость дистанцироваться от компрометирующего родства со Святополком, тем более что оно, как считают исследователи, «должно было способствовать возвеличению не только святых, но и “рода праведных”, особенно Ярослава» (С.А. Бугославский)²². В любом случае и в летописи, и в «Анонимном сказании» эта легенда отвечала задачам Борисоглебской агиографии, позволяя установить символическую связь между «беззаконным» происхождением Святополка и его «окаянными» деяниями. Весьма широк и диапазон интерпретации этой легенды, вплоть до символического отождествления Святополка с Антихристом (И.Н. Данилевский)²³.

Если принять гипотезу о том, что действия Владимира были продиктованы архаическим правом, действовавшим

до Крещения Руси в конце X в., становится понятным негативное отношение к Святополку, сформировавшееся в древнерусской историографии под влиянием духовенства, которое открыло доступ к киевскому двору культурных традиций Византийской империи, хотя, быть может, влияние их на первых порах было не столь уж сильным, как это представляется тысячу лет спустя некоторым исследователям. Достаточно сказать, что наиболее отвечающий житийным канонам памятник, «Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба», вовсе замалчивает этот инцидент.

Если древнерусская историография, ориентированная на морально-этические приоритеты, сформировала два образа Владимира — негативный образ язычника и позитивный образ христианина, то историография Нового времени нарисовала портрет князя-реформатора, выступившего инициатором религиозных, правовых и административных преобразований. Мы не будем касаться здесь всех аспектов его деятельности, отметив лишь те, которые имеют ключевое значение для решения интересующей нас проблемы.

1.2. РЕФОРМЫ ВЛАДИМИРА. «ЗАГОВОР ОБОЙДЕННЫХ» И ЕГО УЧАСТНИКИ

Разумеется, среди преобразований Владимира Святославича прежде всего надо отметить принятие христианства в качестве государственной религии, имевшее колоссальное значение для формирования принципиально новой системы ценностей в древнерусском обществе. Данное явление было результатом тесного русско-византийского взаимодействия в IX и особенно в X в.; оно подвело итог длительному поиску религиозных и политических приоритетов, которым,

по свидетельству ПВЛ, были озабочены сначала княгиня Ольга, а затем ее внук Владимир. «Пример княгини Ольги, ведшей переговоры о принятии христианства как с Константинополем, так и с Римом и обратившейся за присылкой католического духовенства к германскому королю Оттону I (936—973), показывает, что до Киева дотягивались руки как “первого”, так и “второго Рима” (т. е. Константинополя. — Д.Б.)»²⁴. Да и не только... Согласно ПВЛ, сделать Владимира Святославича последователем своей религии пытались иудеи и мусульмане.

Религиозные искания киевского князя являются свидетельством идейно-политического кризиса древнерусской государственности последней четверти X в. Его спровоцировали и балканские авантюры Святослава (которого летописец устами киевлян упрекает в том, что князь «искал» чужих земель, оставив свою)²⁵, и династический конфликт Святославичей. Путем раздела княжений в 970 г. Святослав, очевидно, пытался как-то стабилизировать ситуацию, однако в первой половине 980-х гг. Владимиру пришлось вновь подчинять не только вятичей, на которых возложил дань Святослав, но и радимичей, плативших дань в начале X в. еще Олегу.

Первоначально Владимир пытался сплотить откалывающиеся племенные союзы на базе язычества. По словам летописца, он устроил в Киеве пантеон славянских божеств «и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь»²⁶. Демонстративное возвеличивание главного полянского божества Перуна над божествами других племен не способствовало консолидации племенных союзов вокруг киевского князя, а скорее воспринималось как тенденция к усилению киевской

гегемонии, против которой восстали вятичи и радимичи. Необходим был более прочный фундамент объединения.

Как позволяют судить свидетельства средневековых источников и разыскания современных исследователей, с выбором новой религии Владимир Святославич определился уже в середине 980-х гг., однако принятию христианства по византийскому обряду предшествовало обострение отношений между Киевом и Константинополем в 987—988 гг.²⁷, завершившееся захватом важнейшей греческой колонии в Крыму Херсонеса (в русских летописях — Корсунь). Одним из пунктов мирного договора, выдвинутых русской стороной, являлся брак Владимира с царевной Анной — сестрой императоров Василия II и Константина VIII, который по требованию греческой стороны мог быть заключен лишь после крещения. Это судьбоносное во всех смыслах решение способствовало коренной трансформации всех сторон жизни Древней Руси.

Как сообщает ПВЛ под 988 г., «Владимир же был просвещен сам, и сыновья его, и земля его. Было же у него 12 сыновей: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, а Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове, Когда же умер старший Вышеслав в Новгороде, посадил в нем Ярослава, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Древлянской земле, Всеволода во Владимире (на Волыни. — Д.Б.), Мстислава в Тмутаракани»²⁸.

Эта административная реформа, или «окняжение земель», способствовала территориальной консолидации Руси²⁹, сосредоточив власть в руках потомков Святослава, хотя еще в начале 980-х гг. Владимир следовал другой практике, рассаживая на княжение по городам варяжских «мужей»,

в которых, очевидно, надо видеть представителей скандинавской военной элиты, пришедшей с ним в Киев.

Вряд ли «окняжение земель» было единовременной акцией, относившейся к 988 г.: скорее всего, оно происходило постепенно, по мере того как подрастали дети Владимира. Летописец полагает, что оно происходило в два этапа. Как позволяют судить данные, приведенные В.Н. Татищевым, последний раздел княжений, в ходе которого «столы» в Ростове и Муроме получили Борис и Глеб, относился к началу второго десятилетия XI в., так как послужившая его причиной смерть князя Вышеслава и замена его на новгородском «столе» Ярославом датируется в его «Российской истории» (содержащей целый ряд уникальных сведений) 1010 г. Проблема датировки осложняется тем, что летописи предоставляют мало информации о последних годах княжения Владимира. Тем не менее это не мешает исследователям утверждать, что именно последняя его реформа была призвана радикально изменить принцип наследования верховной власти в Древнерусском государстве, ассоциировавшийся с княжеским «столом» в Киеве.

В.Н. Татищев (со ссылкой на Иоакимовскую летопись)³⁰, а затем академик С.М. Соловьев³¹ высказали предположение о том, что Владимир Святославич рассчитывал передать власть своему старшему сыну от брака с царевной Анной (считавшейся то дочерью Петра, то византийского болгарского царя императора Романа II) Борису, в обход сыновей от других браков. Поскольку и в ПВЛ, и в «Анонимном сказании» Борис и Глеб называются сыновьями неизвестной «болгарыни», следует подчеркнуть, что эта гипотеза основывается на достаточно спорном факте, появлением которого мы обязаны, скорее всего, составителю «Тверского сборника», летописного памятника первой трети XVI в.: именно

он первым назвал Бориса и Глеба сыновьями византийской царевны³². Достаточно позднее происхождение этого текста может объяснить нам причины подобного утверждения. «Тверской сборник» был составлен в период, когда в Московском государстве активно формировались «имперские представления», обусловленные установлением родственных связей московских князей с последней византийской династией Палеологов через брак Ивана III с Софьей (Зоей) Палеолог (1472), которые сформировали идеологические предпосылки к принятию царского титула Иваном IV (1547). Поэтому не исключено, что составитель «Тверского сборника» мог создать по заказу великокняжеского правительства своеобразный «исторический прецедент».

С.М. Соловьев отмечал: «Любопытно, что в летописи Иоакима матерью Бориса и Глеба названа Анна — царица, причем Татищев соглашает свидетельство киевского летописца о болгарском происхождении матери Борисовой тем, что эта Анна могла быть двоюродного сестрой императоров Василия и Константина, тетка которых, дочь Романа, была в супружестве за царем болгарским. Если б так было, то для нас уяснилось бы предпочтение, которое оказывал Владимир Борису, как сыну царицы и рожденному в христианском супружестве, на которое он должен был смотреть как на единственно законное. Отсюда уяснилось бы и поведение Ярослава, который, считая себя при невзгоде Святополка старшим и видя предпочтение, которое оказывал отец Борису, не хотел быть посадником последнего в Новгороде и потому спешил объявить себя независимым»³³.

Представления о «порфирородном» происхождении Бориса и Глеба способствовали появлению гипотезы о десигнации (изменении порядка престолонаследования в пользу младшего сына), которая получила широкое распростране-

ние в XIX—XX вв.: сегодня она является общепризнанным историографическим фактом³⁴. Наиболее оригинальную его интерпретацию предложил польский славист А.В. Поппэ, реконструкция которого выглядит так.

Под влиянием царевны Анны, ставшей после Крещения Руси единственной законной женой Владимира, были приняты шаги по «византизированию наследования киевского стола», то есть введению соправительства по византийскому образцу в пользу Бориса и его младшего брата Глеба. Как полагает исследователь, братья получили этот статус, а возможно, даже были коронованы благодаря усилиям придворной «византийской партии» еще при жизни отца, так как церковная служба Борису и Глебу (Роману и Давыду) говорит о том, что «разумное житие свершая, цесарским венцем от уности украшен, пребогатый Романе»³⁵ (крестильное имя Бориса), хотя это могло быть не более чем агиографическое преувеличение, примеры которого мы рассмотрим ниже.

Косвенным доказательством того, что традиционный порядок престолонаследия (согласно родовому старшинству) был реформирован, является для А.В. Поппэ свидетельство немецкого миссионера Бруно Кверфуртского о том, что один из сыновей киевского князя (как полагают, это был Святополк, хотя подобное утверждение не бесспорно)³⁶ в 1008 г. отправился в качестве заложника к печенегам (позднее он был единственным из сыновей Владимира, кто прибегал к услугам кочевников в борьбе за власть). Согласно этому предположению, «политическое завещание» Владимира, заложившее правовые основы реформы, «должно было обеспечить рожденным от Анны сыновьям, Борису и Глебу, киевский стол и верховные права на всю Русь, в то время как остальные его сыновья должны были бы довольствоваться периферийными уделами без каких-либо видов на Киев».

Вскоре после смерти Анны в 1011 г. сложился «заговор обойденных», который составили туровский князь Святополк и новгородский Ярослав, а возможно, и Мстислав Тмутараканский. Первым против Владимира выступил Святополк, поплатившийся заключением под стражу; следующим поднял мятеж Ярослав, отказавшийся выплачивать установленную дань, но лично подготавливавший карательную экспедицию Владимир умер 15 июля 1015 г. На «столе», в отсутствие Бориса, который во главе отцовской дружины оборонял Русь от печенегов, неожиданно оказался Святополк, освобожденный из тюрьмы усилиями своих сторонников. После погребения отца он устранил наиболее опасных политических конкурентов — Бориса и Глеба, — однако новым его соперником в борьбе за Киев выступил Ярослав, который позднее был представлен агиографами мстителем за убийство братьев, поскольку его собственные права на киевский «стол» были далеко не бесспорны³⁷.

Н.А. Баумгартен и некоторые другие исследователи полагают, что после смерти Анны Владимир Святославич женился на дочери графа Куно Энингена из дома Вельфов, которая, по свидетельству немецких источников, вышла замуж за некоего «короля ругов»³⁸. В связи с изменением политического курса позиции «византийской партии» при киевском дворе, существование которой предполагает А.В. Поппэ, действительно могли пошатнуться, чем не преминули воспользоваться Святополк и Ярослав. Но если большинство предположений Поппэ носит гипотетический характер (и наиболее уязвимым из них является проблема отождествления Анны с загадочной «болгарыней»), то последние утверждения основаны на синтезе летописных сообщений 1014—1015 гг. с «Хроникой» Титмара Мерзебургского. В конце VII книги своего труда немецкий хронист «ради осуждения» расска-

зывает «об образе действий короля Русского Владимира», который был «без меры чувствен и свиреп». «Имея трех сыновей, — продолжает Титмар, — он отдал в жены одному из них дочь князя Болеслава, нашего гонителя; поляки отравили вместе с ней Рейнберна, епископа Кольберга», но «названный король, услышав, что его сын, подстрекаемый Болеславом, тайно готовится восстать против него, тайно схватил его вместе женой и названным отцом (епископом Рейнберном. — Д.Б.) и заключил отдельно друг от друга, под стражу». Рейнберн скончался в заточении, «Болеслав же, узнав обо всем этом, не преминул за него отомстить, как только мог. После этого дни короля истекли, и он умер, оставив все наследство двум своим сыновьям; третий сын тогда находился в тюрьме, откуда позже, улизнув, бежал к тестю; в тюрьме, правда, осталась его жена». «Сыновья его разделили между собой государство, и во всем подтвердилось слово Христово. Ведь я опасуюсь, — заключает епископ, — что последует то, исполнение чего предвещает голос истины; ведь говорит он: “Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет” и прочее. Пусть молится все христианство, дабы Бог изменил этот приговор в тех землях!»³⁹

Исследователи убеждены, что русские известия «Хроники» записаны со слов очевидцев; в то же время многократно подчеркивалась ее тенденциозность, ибо «подавляющее число славянских князей Титмар изображает как воплощение дурной власти» в соответствии «с идеальной этической моделью “неправедного правителя”, и образ киевского князя отнюдь не является исключением: «Этот пассаж не столько служит задаче построения сюжета или предоставления полной информации, сколько обнаруживает желание хрониста описать и осудить “дурного правителя”» (М.Ю. Парамонова)⁴⁰. Заметим, что осуждение грехов Владимира является

общим местом для «Хроники» мерзебургского епископа и древнерусской традиции, предоставляя весьма интересный материал для сравнительно-исторических наблюдений.

Однако подобным образом хронист критиковал не только правителя Руси. О польском князе Титмар писал, что Болеслав I, унаследовавший в 992 г. государство, разделенное на уделы, «изгнав мачеху и братьев, а также ослепив своих родичей Одило и Прибувоя, с лисьей хитростью опять объединил его. Но, начав править самовластно, он стал попираť человеческие и божеские законы. Так, женившись на дочери маркграфа Рикдага, он впоследствии отослал ее назад. Затем, взяв в жены венгерку, родившую ему сына по имени Бесприм, он точно так же прогнал и ее. Третьей женой его стала Эмнильда, дочь почтенного господина Добромира, которая, будучи верной Христу, склонила неустойчивый дух своего мужа к добру, и чрезвычайно щедрой милостынею, а также постом, не прекращала один за другим смывать его грехи». Грехи польского князя, с точки зрения мерзебургского епископа, заключались в том, что его внешняя политика нанесла ущерб авторитету Священной Римской империи⁴¹.

«Хроника» Титмара предоставляет в распоряжение исследователей уникальную информацию. По свидетельству епископа-хрониста, после заключения в мае 1013 г. в Мерзебурге мирного договора между Болеславом I и немецким королем Генрихом II поляки напали на Русь при немецкой и печенежской поддержке. Война, очевидно, была скоротечной, и, как думают некоторые из историков (М.Б. Свердлов, А.Б. Головкин и др.), по заключении мира состоялся брак туrowsкого князя Святополка с дочерью Болеслава — первый династический союз Пястов с Рюриковичами. Он послужил для польского князя инструментом политических интриг, в результате которых его дочь, зять и тайный эмиссар, епи-

скоп Колобжегский Рейнберн, были посажены под арест князем Владимиром⁴².

Относительно датировки этого матримониального союза существуют значительные расхождения⁴³, так как часть исследователей (Н.Н. Ильин, В.Д. Королук и др.) полагает, что он мог предшествовать войне 1013 г., которая в этом случае рассматривается как месть Болеслава за арест дочери и зятя; сторонники этой точки зрения относят брак Святополка к 1009—1012 гг. Надо полагать, он был не единственным достижением матримониальной дипломатии Киева и Гнезно, так как в «Истории» В.Н. Татищева под 1014 г. сообщается: «...пришли ко Владимиру послы Болеслава ляцкого, с ними же были послы чешские и угорские, о мире и любви, просили каждый дщери его. Он же обещал Болеславу дать за чешского старшую, а за угорского другую, которую весьма любил, и обещал весною съехаться во Владимире граде на Волыни»⁴⁴. Весной 1015 г. Владимир, очевидно, уже начал готовиться к войне с Ярославом, поэтому планируемый съезд, если переговоры о нем имели место в действительности, не состоялся.

Вообще, мы имеем довольно скудные известия о внешней политике Владимира в последние двадцать лет его правления. ПВЛ (под 996 г.) сообщает, что Владимир жил в мире с соседними правителями: Болеславом Польским, Стефаном Венгерским и Ольдржихом (Андрихом) Чешским. Согласно Никоновской летописи, в 1001 г. к Владимиру приходили послы от папы римского и от «королей чешских и угорских»⁴⁵. В.Н. Татищев не исключал того, что князь Владимир обращался к королю Венгрии Иштвану I за консультацией по религиозным вопросам⁴⁶. Если информацию Никоновской летописи можно отнести и к домыслам книжников XVI столетия, когда устанавливались внешнеполитические контакты Москвы с европейскими государствами и московское

правительство для поддержания своего имиджа нуждалось в создании исторических прецедентов, то сообщение ПВЛ заслуживает пристального внимания. Скорее всего, оно описывает внешнеполитическую ситуацию 1012 г. (когда Ольдржих стал князем Чехии) или первой половины 1013 г., то есть до польско-русской войны, упоминаемой Титмаром Мерзебургским.

Что касается свидетельства немецкого хрониста о пребывании Святополка в тюрьме в момент смерти Владимира, то, как отмечает А.В. Назаренко, «понимать Титмара так, будто Святополк бежал из Киева уже летом 1015 г., означает признать фальсифицированной всю картину событий 1015—1018 гг., рисуемую древнерусскими источниками, — причем не только в ее “идейной” основе (Святополк — зачинщик усобицы и убийца братьев), но и, что важнее, во всех деталях летописной хронологии, согласно которой первая схватка между Ярославом и Святополком произошла только в 1016 г.»⁴⁷. По мнению исследователя, положение дел проясняется, если предположить, что Святополк бежал в Польшу после поражения у Любеча и что мерзебургский хронист описывал ситуацию такой, какой она сложилась к 1016 г.

Мы еще вернемся к интерпретации этого сообщения Титмара, а сейчас обратим внимание на оригинальный памятник средневековой историографии — «Польскую историю», составленную в третьей четверти XV в. краковским каноником Яном Длугошем, который использовал не дошедшие до наших дней летописные материалы. Как отметил академик М.Н. Тихомиров, в «Истории» Длугоша «особый интерес представляет рассказ о смерти Владимира и распре между его сыновьями, так как сведения об этих событиях даны им в редакциях, не известных по русским источникам»⁴⁸.

Рассказывая о разделе княжений между сыновьями Владимира, Длугош отмечает, что за тремя младшими сыновьями, «а именно Станиславом, Позвиздом и Судиславом, он укрепил Киевское и Берестовское княжества, которые должны были перейти к ним только после его смерти. Ярослав же, один из сыновей, которому был выделен Ростов, тяготясь тем, что он отлучен от Киевского княжества, которого домогался, со своими племенами и другими, которых нанял за деньги, хитростью подступает к Киеву и, поскольку [все] верили, что он пришел с миром, занимает крепость и овладевает отцовской казной. Отец, Владимир, очень горько переживая это, собирает войска из всех княжеств, которые разделил среди сыновей, намереваясь вступить в битву с Ярославом. Ярослав, узнав об этом, посылает [послов] и нанимает печенегов и варягов, чтобы противостоять отцу.

Между тем отец, князь Владимир, в горе из-за того, что сын Ярослав поднял враждебный мятеж, тяжело заболевает и, поставив во главе войска сына Бориса, посылает против Ярослава, [а] сам от усилившейся болезни немного времени спустя умирает в крепости Берестове и, доставленный в Киев, погребается под мраморной плитой в церкви Святой Девы, которую сам при жизни построил. Множество русских стеклось, чтобы почтить его погребение, громко плача над его гробом, возглашая, что безвременно потеряли отца и освободителя отечества, насадителя на Руси христианской веры. Оба сына, Борис и Святополк, не зная, что их отец, князь Владимир, ушел из жизни, вступают в битву с Ярославом и его народом, и Ярослав, побежденный со своими союзниками печенегами и варягами, бежит. Святополк же занимает Киев и захватывает княжение, тогда как другой брат, Борис, бездействует, оплакивая отцовскую смерть.

Хотя упомянутого князя Бориса воины с великим <...> уговаривают прогнать брата Святополка [и] самому овладеть Киевским княжеством, он, отвергая настойчивые уговоры воинов, отвечает, что брата Святополка по смерти отца он будет почитать вместо отца и никогда ничего против него не предпримет. А Святополк, отвечая брату Борису неблагодарностью, направляет новгородцев, мужей Велиала, которые молящегося на своем ложе Бориса закалывают копьями, а вместе с ним убивают его оруженосца Григория, родом венгра, защищавшего своего господина. Затем Святополк посылает к другому брату, Глебу, хитростью приглашая его к себе, но тот, узнав от брата Ярослава, только что побежденного, что зовут его на смерть, сдерживает шаг [и] останавливается, великим плачем оплакивая смерть отца и убийство брата. Наконец, приходят другие мужи, посланные Святополком, и убивают Глеба, отрубив [ему] голову. Тела и Бориса, и Глеба, доставив в Киев, погребают в одной могиле в церкви Святого Василия»⁴⁹.

Созданная Яном Длугошем реконструкция событий 1014—1015 гг., вот уже более пяти веков являющаяся достоянием историографии, поражает воображение не меньше, чем гипотеза А.В. Поппэ, относящаяся к последним достижениям историографической мысли. Если одна ее часть совпадает со свидетельствами древнерусской традиции, то другая, напротив, не имеет аналогов в известных на сегодняшний день источниках. С одной стороны, она как будто подтверждает предположения о реформе престолонаследия и десигнации младших сыновей Владимира, с другой же — главная отрицательная роль в событиях 1014 — первой половины 1015 г. отводится Ярославу, против которого выступают Борис и Святополк; затем коалиция распадается, и Святополк устраняет своего союзника, превратившегося после смерти

Владимира в политического конкурента. Несмотря на то что действия Святополка в изложении Длугоша выглядят несколько нелогично, ибо в качестве наследника киевского «стола» упомянут вовсе не Борис, это не мешает некоторым исследователям модифицировать описанную ситуацию.

Как, например, полагает Н.И. Милютенко, «расхождение источника Длугоша с “Повестью временных лет” не так велики, как кажется на первый взгляд. Уникальным, по сути, является только известие о том, что Ярослав надеялся наследовать верховную власть после Владимира и, обманувшись в ожиданиях, начал войну с отцом. Возможно, никакого разграбления Киева, о котором пишет Длугош, на самом деле не было. Ярослав мог прибыть к отцу с вполне мирными намерениями (в тексте сказано, что он “пошел обманом против Киева”), и все ограничилось частной дракой новгородско-варяжской дружины с киевлянами. Достаточно вспомнить, что летом того же 1015 г. варяги так надоели своими выходками самим новгородцам, что они полностью перебили княжеских наемников»⁵⁰. Исследовательница также допускает, что Ярослав инспирировал нападение печенегов, которым противостоял, согласно ПВЛ и «Анонимному сказанию», Борис. Однако источники не позволяют говорить о каких-либо контактах Ярослава Мудрого с кочевниками — напротив, его борьба с печенегами завершилась в 1036 г. окончательной ликвидацией печенежской угрозы Киеву⁵¹. Еще академик Б.Д. Греков отмечал, что новгородские князья, как правило, опирались на поддержку скандинавских наемников, тогда как кочевники были традиционными союзниками южнорусских князей⁵².

Тем не менее Н.И. Милютенко не исключает, что «недолго до смерти Владимир предполагал соправительство Святополка с Борисом, а возможно, и Глебом по византий-

скому образцу»⁵³. В этом случае Святополк как старший представитель дома Рюриковичей вполне мог выполнять функции регента⁵⁴, однако для принятия подобной гипотезы необходимо исходить как минимум из того, что к 1015 г. конфликт между Владимиром и Святополком, о котором сообщает Титмар Мерзебургский, был исчерпан. Как бы то ни было, к моменту смерти Владимира Святополк опирался на поддержку вышгородских «болярцев», которым, по свидетельству летописи и «Анонимного сказания», он поручил убийство Бориса. Правда, их социальное положение до сих пор остается спорным, поскольку одни историки видят в них членов княжеской дружины⁵⁵, а другие — лидеров вышгородской общины⁵⁶.

По словам С.М. Соловьева, впервые рассмотревшего династический конфликт 1015—1019 гг. в сравнительно-историческом аспекте, причиной междукняжеской вражды была «давняя ненависть Святополка к Борису как сопернику, которому отец хотел оставить старший стол мимо его; явное расположение дружины и войска к Борису, который мог воспользоваться им при первом случае, хотя теперь и отказался от старшинства; наконец, что, быть может, важнее всего, пример соседних государей, с одним из которых Святополк находился в тесной связи, объясняют как нельзя легче поведение Святополка: вспомним, что незадолго перед тем в соседних славянских странах — Богемии и Польше — обнаружилось стремление старших князей отделяться от родичей насильственными средствами. Первым делом Болеслава Храброго польского по восшествии на престол было изгнание младших братьев, ослепление других родичей; первым делом Болеслава Рыжего в Богемии было оскотление одного брата, покушение на жизнь другого, а Святополк был зять Болеслава польского; почему ж то, что объясняется само

собою в польской и чешской истории, в русской требует для своего объяснения какого-то кодекса родовых прав?»⁵⁷

Если изменение Владимиром I порядка наследования киевского «стола» в пользу младших сыновей все же имело место в действительности, то надо сказать, что этот политический акт являлся беспрецедентным для своего времени, по крайней мере в славянских странах. Позже подобную инициативу проявил Болеслав Храбрый, отстранивший от наследования старшего сына Бесприма в пользу младшего сына Мешко⁵⁸. Его воцарение также было связано с изменением статуса польских правителей, находившихся (согласно Мерзебургскому соглашению 1013 г. и Бауценскому миру 1018 г.) в вассальной зависимости от Священной Римской империи. Кризис власти, разразившийся в империи со смертью Генриха II в июле 1024 г., позволил Болеславу пойти на беспрецедентный шаг. В начале 1025 г. он был коронован польскими епископами без санкции папы Иоанна XIX⁵⁹. Как писал составитель «Кведлинбургских анналов» (а вслед за ним и другие имперские хронисты), «Болеслав, герцог Польский, получив известие о смерти императора, августа Генриха, возгордился душой, наполненной ядом, так, что даже возложил на себя корону, безрассудно сделавшись узурпатором. После этого для самонадеянной и дерзкой души его в скором времени последовала божья кара. Ибо, будучи приговоренным к страшной смерти, он внезапно умер»⁶⁰. Первый король Польши скончался в Познани в возрасте 68 лет 17 июня 1025 г., завещав престол своему сыну Мешко.

Впрочем, факт коронации 1025 г., с возмущением отмеченный в немецких источниках, не помешал польской средневековой историографии создать миф о возведении Болеслава I в королевское достоинство императором Оттоном III, посе-

тившим Гнезно в 1000 г., чтобы поклониться мощам святого Войтех-Адальберта. Как пишет Галл Аноним, «увидев его славу, мощь и богатство, римский император воскликнул с восхищением: “Клянусь короной моей империи, все, что я вижу, превосходит то, что я слышал”. По совету своих магнатов в присутствии всех он прибавил: “Не подобает называть столь великого мужа князем или графом, как одного из сановников, но должно возвести его на королевский трон и со славой увенчать короной”. И, сняв со своей головы императорскую корону, он возложил ее в знак дружбы на голову Болеслава и подарил ему в качестве знаменательного дара гвоздь с креста Господня и пику св. Маврикия, за что Болеслав, со своей стороны, подарил ему руку св. Адальберта. И с этого дня они настолько прониклись уважением друг к другу, что император провозгласил его своим братом, соправителем Империи, назвал его другом и союзником римского народа. Мало того, Оттон уступил ему и его потомкам все права Империи в отношении церковных почетных должностей в самой Польше или в других уже завоеванных им варварских странах, а также в тех, которые еще предстояло завоевать; договор этот утвердил папа Сильвестр привилегией святой римской церкви»⁶¹.

Разумеется, эти представления на протяжении всего Средневековья воспринимались как исторические только в Польше, хотя на их основании можно констатировать, что подобная тенденция являлась в определенной степени универсальной, и, как мы можем убедиться на примере современных дискуссий о политическом статусе Владимира Святославича после Крещения Руси, они являлись общим местом не только средневековой историографии. Принципиальное различие, однако, состоит в том, что официальное изменение статуса Болеслава I отражено в письменных ис-

точниках, то есть может восприниматься как факт, зафиксированный исторической памятью, позитивный для поляков и негативный для немцев, тогда как в отношении Владимира мы таких фактов лишены.

Поэтому не будем забывать, что это всего лишь гипотезы, призванные заполнить лакуну в истории последних лет княжения Владимира Святославича; гипотезы, исходящие из представления о том, что брак киевского князя с византийской принцессой привел не только к повышению его политического статуса, но и к реорганизации институтов власти. Подобные представления опираются прежде всего на данные нумизматики. «Нам известны достоверные княжеские знаки Владимира Святославича на пяти типах его монет (златники и четыре типа сребреников), Святополка Ярополковича на трех типах его монет (сребреники Святополка и так называемые “Ярослава — I и II типов”) и Ярослава Владимировича на одном типе его монет (“Ярославле сребро”)*», — писал академик Э.Л. Янин в первом томе своего исследования актовых печатей Древней Руси (вышедшем в 1970 г.)⁶². На основании этих, теперь уже скорректированных, данных современные исследователи приходят к выводу, что «в средневековом мире символов регалии, с которыми изображен Владимир на сребрениках I типа, чеканенных в 988—990 гг. в связи с женитьбой русского князя на царевне Анне (это мнение представляется наиболее убедительным), венец, скипетр и верхняя одежда, подобные императорским, свидетельствовали о принадлежности Владимира к высшей иерархии в византийской системе, но не равного императорскому положению (отсутствие державы)*» (М.Б. Свердлов)⁶³.

Возникает парадоксальная ситуация, когда историки затрудняются точно определить новый статус киевского

князя, но, отрицая имперский характер его правления, с одной стороны, они фактически признают его — с другой, свидетельством чего служат как рассмотренные выше исследовательские реконструкции, так и дискуссии о правомерности применения к Владимиру в «Слове о Законе и Благодати» Илариона восточного титула «каган», близкого по значению к императорскому⁶⁴.

Интересна точка зрения академика Г.Г. Литаврина, который в своих построениях как раз опирается на то, что «Иларион в своем “Слове” называет Владимира “единодержцем... земли своей”, “Повесть временных лет” именует Ярослава Мудрого самовластцем русской земли». Оба термина являются, несомненно, кальками греческих титулов “монакратор” и “автократор”, которые (особенно — второй) носил византийский император, не деливший власти с соправителями, и между которыми Константин Багрянородный не проводит различия.

Именно эти определения, — отмечает исследователь, — послужили главным аргументом для высказываемого в историографии вывода, что Древняя Русь XI столетия являлась абсолютной монархией, а киевский князь был, подобно византийскому императору, самодержцем. Однако подлинно адекватный византийскому титулу смысл этот термин мог приобрести лишь в соединении с титулом “император” (“василевс”)».

Вследствие этого автор приходит к выводу, что «содержание понятия “самодержец” в Византии и на Руси не было равноценным уже в теории. И хотя этот термин означает не только независимость, но и единовластие (именно в этом смысле его употребляют и Константин Багрянородный, и Иларион, и русский летописец), это единовластие василевса и киевского князя было различным также и на практике».

С точки зрения Г.Г. Литаврина, правитель Киева «был не единственным среди всех прочих, как византийский император, — он был лишь первым среди равных, как монархи стран Западной Европы»⁶⁵.

Если учесть, что некоторые из историков говорят даже не столько о значении титула «каган»⁶⁶, сколько о существовавшем в Поднепровье с IX в. «Русском каганате» — явно призванном заменить традиционные представления о «Русской земле» как древнейшем государственном образовании в Поднепровье⁶⁷, — то вопрос с частным применением этого титула переходит в проблему типологического определения киевской государственности как «имперской», возвращая к известным представлениям Карла Маркса об «империи Рюриковичей»⁶⁸.

Подводя итог этим рассуждениям, можно сказать, что события 1014—1015 гг. доказали неэффективность политических экспериментов крестителя Руси. Как правило, современные исследователи согласны с тем, что «к концу правления св. Владимира Русь оказалась в состоянии кризиса. Недовольные его реформами и укреплением власти с перспективой передачи ее одному из братьев, сыновья начали воевать друг с другом и с отцом. Фактически каждый из них стремился к тому же, чего хотел добиться св. Владимир — единой державой. В последние годы его жизни уже было ясно, что междоусобица после его смерти неизбежна, и он принимал меры, чтобы избежать ее. Они оказались недостаточны» (Н.И. Милютенко)⁶⁹. На первых порах Владимиру удалось «пресечь внутрдинастическую оппозицию, связанную с внешнеполитической поддержкой польского князя Болеслава Храброго, приостановить династический кризис, скрыто существующий в наличии старшей княжеской ветви в лице Святополка Ярополчича и младшей ветви Владимира

Святославича и его сыновей», но «в том же году произошло восстание против власти отца новгородского князя Ярослава» (М.Б. Свердлов)⁷⁰.

Поскольку основным источником для реконструкции борьбы за наследство Владимира является ПВЛ, где под 1015 г. помещена повесть «Об убиении Борисове» (в некоторых списках — «Об убиении Бориса и Глеба»), мы должны совершить экскурс в историографию Начального летописания, прежде чем вернемся к реконструкции событий.

1.3. С ЧЕГО НАЧАЛОСЬ НАЧАЛЬНОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ?

Первые опыты по изучению летописания предпринимались еще в XVIII столетии В.Н. Татищевым и А.Л. Шлёцером, положившим начало попыткам реконструкции «первоначального» текста древнейшей (как тогда считалось) русской летописи — ПВЛ. Но, несмотря на то что летописи долгое время являлись первостепенным источником по истории Руси, изучение их продвигалось крайне медленно. В 1820 г. молодой археограф (впоследствии академик) П.М. Строев высказал мнение о том, что летописи представляют собой компиляцию «общих сборников» (сводов), наслаивавшихся друг на друга. Эта мысль предопределила дальнейшие пути их изучения. Подлинный интерес к истории русского летописания появился лишь в середине XIX в. Тогда, в частности, было выдвинуто предположение о зарождении летописной традиции в середине XI столетия (Н.И. Костомаров); предпринята попытка разложения летописных сводов на составные части (академик К.Д. Бестужев-Рюмин), которая, однако, не имела конструктивного подхода к летописи как к цельному памятнику.

Классическая парадигма древнерусского летописания была создана крупнейшим его исследователем, академиком А.А. Шахматовым, сформулировавшим в работах 1908—1916 гг. концепцию о четырех летописных сводах, которые предшествовали сохранившемуся тексту ПВЛ. На основании текстологических реконструкций исследователь выделил Древнейший Киевский свод 1037—1039 гг., Печерский свод 1073 г. (или свод Никона), Начальный свод 1093—1095 гг. (составление которого связывается с именем печерского игумена Иоанна) и так называемую первую редакцию ПВЛ, составленную печерским монахом Нестором в 1113 г., которому, по мнению Шахматова, принадлежало «Житие» основателя монастыря Феодосия и «Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба».

Уже в начале XIII в. Нестору приписывалось составление рассказов о печерских затворниках (вошедших в «Киево-Печерский патерик» и в ПВЛ под 1074 г.), а также некоего «Летописца» (обычно отождествляемого с ПВЛ). Ипатьевский список (начало XV в.) упоминает, что летопись была составлена «черноризцем Феодосьею монастыря Печерского», а Хлебниковский список прямо приписывает составление ПВЛ Нестору. Труд Нестора, по мнению А.А. Шахматова, сохранился в двух редакциях. Вторая редакция дошла до нас в составе Лаврентьевской летописи 1377 г.; ее изложение было доведено до 1110 г. и оканчивалось припиской игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра (Шахматов считал его сначала составителем ПВЛ, позднее редактором текста Нестора). Третья редакция (законченная, как полагал исследователь, в 1118 г.) легла в основу Ипатьевской летописи. Составление второй редакции ПВЛ связывалось с именем Владимира Мономаха, а третьей — с именем его сына Мстислава Великого⁷¹. Как отметил А.А. Гиппиус, схема,

предложенная А.А. Шахматовым, почти столетие сохраняет «значение главного ориентира в данной области, роль своего рода “классификатора” научной традиции, по отношению к которому группируются, разбиваясь на русла и потоки, различные исследовательские подходы и гипотезы»⁷².

К проблеме Начального летописания вплотную примыкает проблема происхождения Борисоглебского цикла, поскольку одним из текстов, входящих как в состав ПВЛ (под 1015 г.), так и в состав «Анонимного сказания», является повесть «Об убиении Борисове». Наиболее распространенные реконструкции цикла связаны с Древнейшим Киевским сводом 1037—1039 гг., составитель которого мог составить первую редакцию повести (по терминологии А.А. Шахматова — сказание) «Об убиении Борисове» на основе вышегородских церковных записок. «Небогатое фактическим содержанием, оно не давало ни христианских имен братьев, ни даты, ни места их убиения. Тем удивительнее сохранение в нем имен убийц обоих братьев. Кажется, в этом случае им использовано киевское предание, приписывающее исполнение злодеяния соседним вышегородцам». Во второй половине XI в. этот рассказ был дополнен в Новгородском своде за счет местных известий о мятеже Ярослава, а при составлении Начального свода — расширен за счет утраченного «Жития Антония Печерского» и народных преданий о Борисе и Глебе.

«Общий состав сказания по Древнейшему своду, — писал А.А. Шахматов, — представляется мне в следующем виде. В связи с сообщением о предсмертной болезни Владимира говорилось, что он послал бывшего у него в то время Бориса против печенегов; возможно, что при этом указывалась причина, почему Борис оказался у Владимира; он вывел его из Владимира, опасаясь злобы, которую питал к Борису Святополк; Владимир скончался на Берестовом; Святополк,

узнав о смерти отца, приехал вскоре в Киев из Вышегорода и принял меры к тому, чтобы скрыть от киевлян это событие; ночью же он отправился тайно в Вышегород, призвал к себе Путьшу и вышегородских старшин и уговорил их тайно умертвить Бориса. В ту же ночь бояре вывезли Владимирово тело из берестовского терема и поставили его в Св. Богородице. Далее сообщалось о погребении Владимира. После краткой похвалы Владимиру составитель Древнейшего свода сообщал, что Святополк сел на отцовском столе и начал склонять киевлян в свою пользу путем подкупов: одних он дарил одеждой, других — кунами. Киевляне колебались: сердце их не было со Святополком, так как братья их были с Борисом. Борис, возвращавшийся в то время в Киев, получает известие о смерти отца. Дружина уговаривает его идти в Киев и сесть на отцовском столе. Но Борис отказывается поднять руку на старшего брата; войско оставляет его. Чтобы усыпить бдительность Бориса, Святополк посылает к нему лестные предложения. Но одновременно к его стану приходят убийцы, которые под покровом ночи подкрадываются к его шатру. Здесь в Древнейшем своде (как у Нестора и в Начальном своде) сообщалось о том, что Борис пел в это время псалмы и каноны, затем помолился на икону и лег спать. Убийцы напали на Бориса и пронзили его копьями; вместе с Борисом пал его слуга, желавший защитить собою тело своего господина. Тело Борисово завернули в шатер и повезли тайно в Вышегород, где похоронили у церкви Св. Василия. Далее были названы имена убийц. Святополк посылает погоню за Глебом, бежавшим из Киева на север. Погоня настигает Глеба; убийцы овладевают его кораблем; Горясер приказывает повару Глебову, Торчину, зарезать его, что тот и исполняет. Тело Глебово оставлено в пустом месте между двумя колодами, но впоследствии его взяли и пере-

везли в Вышегород, где и положили рядом с братом. Убийцы возвратились к Святополку, который вознесся после этого еще больше и послал убить своего брата Святослава, бежавшего в Угры; погоня настигла последнего в Угорской горе. Далее сообщалось о походе Ярослава против Святополка»⁷³. Таким представлялось классику летописеведения происхождение текста повести «Об убиении Борисове» в ПВЛ.

Гипотезу А.А. Шахматова, изложенную в одной из глав его «Разысканий о древнейших русских летописных сводах» (1908), в разные годы разделяли С.А. Бугославский, М.Д. Присёлков, академик Д.С. Лихачев. Недавно было высказано мнение, что текст повести «Об убиении» по Древнейшему своду отразился в первой редакции Проложного сказания Борису и Глебу (Н.И. Милютенко), хотя до сих пор преобладало представление о появлении первой редакции Проложного сказания на рубеже XI и XII вв. (академик Н.М. Никольский, А.А. Шахматов)⁷⁴. Проблема заключается в том, что начальные звенья шахматовской реконструкции летописания покоятся на довольно шатком основании: гипотеза о Древнейшем Киевском своде была подвергнута сомнению как современниками Шахматова, так и его последователями. В силу этого следует рассмотреть аргументы, на базе которых можно было бы постулировать его существование.

Древнейший Киевский свод представлялся А.А. Шахматову как монотематическое повествование, составленное в 1039 или 1040 г. по случаю освящения в Киеве храма Святой Софии и учреждения митрополии. В состав свода, согласно мнению исследователя, помимо вышегородских записок о Борисе и Глебе, с одной стороны, входили письменные сказания об Ольге и Владимире, сказание о варягах-мучениках Федоре и Иоанне (согласно ПВЛ, убитых киевлянами в 983 г.), а с другой — предания о русских князьях Кие, Олеге,

Игоре и Святославе, предание о войне между Ярополком, Олегом и Владимиром и т.д.⁷⁵ В рассказе ПВЛ о гибели Олега говорилось, что его могила сохранилась «до сего дне» у Овруча. Под 1044 г. упоминалось, что останки Олега и Ярополка были выкопаны, крещены и перезахоронены в церкви Святой Богородицы⁷⁶. Это противоречие дало А.А. Шахматову возможность определить верхнюю дату составления Древнейшего свода.

Надо сказать, что гипотеза о Древнейшем своде — отнюдь не единственная в историографии. Академик В.М. Истрин, один из оппонентов концепции Шахматова, возводил летописную традицию к «Хронографу по великому изложению», составленному на Руси в середине XI в. на основе перевода византийской «Хроники Георгия Амартола». Исследователь считал, что «Хронограф по великому изложению» отразился в древнерусских компиляциях по античной истории — Полной и Краткой палаях, «Еллинском летописце» второй редакции. Согласно О.В. Творогову, этот «Хронограф» существовал в нескольких редакциях, наиболее ранняя из которых была использована при составлении Начального свода 1093—1095 гг.

По мнению академика Д.С. Лихачева, предания о языческих и христианских правителях являлись основой «Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси», составленного в начале 40-х гг. XI в. в кругу придворных книжников Ярослава Мудрого под руководством Илариона. Параллельно этой точке зрения были сформулированы гипотезы о существовании в X в. «Повести о полянах-руси» (академик Н.М. Никольский) и «Сказания о первых русских князьях» (академик М.Н. Тихомиров).

Часть исследователей связывала зарождение летописной традиции со сводом 996 г., который якобы велся при

Десятичной церкви, основанной Владимиром Святославичем (академик Л.В. Черепнин, академик П.П. Толочко) и даже с «Летописью Аскольда», якобы составленной в Киеве в конце IX столетия и реконструируемой на основе данных Никоновской летописи (академик Б.А. Рыбаков, М.Ю. Брайтчевский)⁷⁷. Поскольку все они выполняют такую же конструктивную функцию, как и Древнейший свод, по сути дела, речь идет о терминологическом определении гипотетического «протографа» Начального летописания, и лишь потом — о фактическом его составе.

Летописные статьи первой половины 1040-х гг., читающиеся в ПВЛ (за исключением известия о походе на Византию в 1043 г.), возводились Шахматовым либо к новгородскому летописанию XI в., либо к «Житию Антония Печерского». Наиболее вероятным окончанием Древнейшего свода ему представлялась летописная статья 1039 г. об освящении прибывшим из Византии митрополитом Феопемптом церкви Святой Богородицы, которая, по его мнению, была тесно связана с летописной статьей 1037 г. о закладке и освящении храма Святой Софии. Отождествляя освящение церкви Богородицы с освящением Святой Софии, он предлагал объединить в одно целое летописную статью 1039 г. с текстом «Похвалы Ярославу и книгам» под 1037 г. Таким образом, было сформировано представление о Древнейшем Киевском своде 1037–1039 гг.

По утверждению Шахматова, первоначальный объем «Похвалы Ярославу» был несколько меньше, чем сегодня читается в ПВЛ, так как собственно «Похвала книгам» представлялась ему вставкой из Паримийника, сделанной при составлении Начального свода 1093–1095 гг., хотя в более ранней работе он полагал, что «Похвала Ярославу и книгам» являлась первой частью «Сказания о начале Печерского

монастыря», помещенного в ПВЛ под 1051 г.⁷⁸ Шахматов приписывал инициативу в создании Древнейшего свода Феопемпту, упоминаемому в летописях в качестве первого русского митрополита, назначенного Константинопольским патриархатом, но сомневался в том, чтобы при дворе киевского митрополита велась погодная запись событий, подобно тому как такая запись велась, по его предположению, при дворе новгородского епископа. Эти взгляды А.А. Шахматова развил М.Д. Присёлков, однако позднее гипотеза о провизантийском характере Древнейшего свода была подвергнута критике⁷⁹.

Итак, можно выделить комплекс аргументов, на которых базируется гипотеза о Древнейшем своде: закладка храма Святой Софии и учреждение Русской митрополии; противоречие между летописными статьями 977 и 1044 гг. о месте захоронения Олега; зависимость «Слова о Законе и Благодати» от летописной «Речи философа» к князю Владимиру (ПВЛ 986 г.); гипотетическая взаимосвязь летописных статей 1037 и 1039 гг.

Предположение о том, что составление Древнейшего свода приурочивалось к основанию Киевской митрополии, принималось как исторический факт до тех пор, пока не была сформулирована гипотеза о ее учреждении в конце X в. и «титულлярных» митрополий в Чернигове и Переяславле в XI столетии⁸⁰. Это достаточно популярное утверждение в большей степени базируется на греческих, чем на древнерусских источниках (и потому противоречит их прямым, хотя и весьма путаным указаниям на статус киевских иерархов), поэтому разделяется далеко не всеми⁸¹.

Тем не менее Я.Н. Щапов предлагает даже конкретную дату учреждения Киевской митрополии — 996—997 гг., допуская, что «тесно связанный с константинопольским двором

через княгиню Анну, сестру императора, Владимир в поисках оптимального решения вопроса об административной структуре местной церковной организации через несколько лет после смены государственной религии принял в принципе ту форму управления церковью, которая существовала в империи и принадлежащих к ее культурному кругу странах»⁸². Это утверждение тесно связано с гипотезами об изменении в конце X в. международного статуса Киевской Руси, о которых мы говорили выше, и, таким образом, у нас есть возможность если не понять всю глубину социально-политических и культурных трансформаций, имевших место после 988 г., то хотя бы получить представление о том, какое значение придается в современной историографии влиянию Византии на реформаторскую политику Владимира.

Что касается летописной статьи 1044 г., первая часть которой сообщает о перезахоронении Ярополка и Олега Святославичей, источником ее А.А. Шахматов считал княжеский синодик. Однако во второй части статьи 1044 г. сообщается о вокняжении Всеслава Полоцкого, родившегося в сорочке, которую он носит на себе «до сего дне»⁸³. Эта запись, очевидно сделанная современником, весьма актуальна для периода 1066—1071 гг., когда между Киевом и Полоцком велась борьба за обладание Новгородом. Вероятно, она была занесена в новгородскую летопись в середине 1060-х гг., откуда тридцать лет спустя перешла в Начальный свод⁸⁴. Существует и другая точка зрения, согласно которой летописное указание «до сего дне» представляет собой трафаретный литературный оборот, который не должен интерпретироваться буквально (И.Н. Данилевский)⁸⁵.

Таким образом, летописная статья 1044 г., используемая для датировки Древнейшего свода, в целом имеет достаточно позднее происхождение. Характерно, что в

статье 1044 г. не указано, по чьей инициативе проводилось перезахоронение князей, хотя в других статьях 1020 — середины 1050-х гг. летопись всегда подчеркивает политическую инициативу Ярослава. Однако мероприятия по эксгумации останков категорически осуждались Церковью, в силу чего участие Ярослава в этой неканонической процедуре сознательно замалчивалось, сам факт перезахоронения был зафиксирован уже после смерти князя. Следовательно, она не может служить надежным хронологическим указанием для датировки составленного при Ярославе Древнейшего свода, так как хронологическая корреляция событий, случившихся в 1044 г. в Киеве и Полоцке, могла быть установлена искусственно. Апеллируя к «Слову о Законе и Благодати» как сочинению, основанному на материалах Древнейшего свода, А.А. Шахматов в значительной степени обесценил это наблюдение, не установив точной даты его появления (так что в контексте современных представлений о датировке этого памятника появление Древнейшего свода как его источника можно относить и к 1038, и к 1050 гг.).

Чтобы обосновать гипотезу о том, что Древнейший Киевский свод завершался летописной статьей 1037—1039 гг., А.А. Шахматов был вынужден сделать ряд предположений, которые позволили бы выделить ее из комплекса летописных статей эпохи Ярослава. Согласно одному из них, «Похвала Ярославу и книгам» читалась в Древнейшем своде в настоящем времени, а при составлении свода 1073 г. была переписана в прошедшем времени, хотя объективных доказательств этому, разумеется, нет. Напротив, исследования свидетельствуют о том, что летописная статья 1037 г., подводящая итоги деятельности Ярослава, создавалась задним числом. Иными словами, есть больше оснований для того, чтобы относить ее составление ко времени после смерти

Ярослава, чем воспринимать как текстологическую грань между этапами Начального летописания⁸⁶.

Ни один из рассмотренных нами аргументов не может в полной мере ни гарантировать точной датировки Древнейшего свода, ни объяснить цели его составления. С учетом этого можно констатировать, что гипотеза о его существовании по меньшей мере нуждается в модификации. В условиях кризиса представлений о том, что Древнейший свод приурочен к учреждению Киевской митрополии, заслуживает внимания гипотеза А.Н. Насонова о том, что он был приурочен к объединению «Русской земли» под властью Ярослава в 1036 г.⁸⁷, но, кроме проблемы идейно-политической мотивации, она не разрешает других спорных вопросов. Один из наиболее приемлемых вариантов разрешения ситуации состоит в том, что этот свод, не заканчиваясь на 1037—1040 гг., мог продолжаться на манер средневековых европейских анналов⁸⁸.

Таким образом, из критики гипотезы о Древнейшем своде вовсе не следует, что при Ярославе не существовало летописной традиции вообще. Нельзя не учитывать характеристику князя, данную в «Похвале» под 1037 г., которая сообщает, что Ярослав «любил книги, и много их написав, положил в церкви Святой Софии, которую создал сам»⁸⁹. Понятное дело, что «любовь Ярослава к книгам, в том числе покровительство деятельности писцов и переводчиков, — деяния, благодаря которым князь заслужил в позднейшей русской традиции прозвище “Мудрый”, — не были, конечно, простыми проявлениями “библиофильства”» (В.Я. Петрухин)⁹⁰. Исходя из летописного свидетельства можно как минимум предполагать, что в свободное от государственных дел время князь занимался если не «написанием книг» в современном смысле этого слова, то по крайней мере их перепиской. Сомнительно, чтобы столь просвещенный правитель, учитывая

экстраординарные обстоятельства своего прихода к власти, не был заинтересован в формировании определенных представлений у современников и потомков и обошел своим вниманием летописание.

При чтении летописного текста можно заметить, что большая часть известий ПВЛ за первую половину XI столетия касается именно деятельности Ярослава, регулярно упоминающегося с 1014 г. Согласно А.А. Шахматову, летописные статьи 1014—1016, 1018, 1021, 1024, 1030, 1036, 1042, 1044—1045, 1050, 1052 гг. полностью или частично восходили к новгородскому летописанию⁹¹. Однако, оставаясь на почве той же «исторической школы», извлекавшей данные о происхождении отдельных летописных известий из упоминавшихся в них же географических объектах, можно с тем же успехом предполагать, что указанные статьи написаны в Киеве «Летописцем Ярослава».

В пользу этой гипотезы можно привести следующие наблюдения: исключительное внимание летописи к Ярославу и его семье; (летопись отмечала) не только веки деятельности киевского князя, но и рождение его сыновей (случай исключительный в истории раннего летописания), что позволяет предполагать, что эти факты первоначально могли фиксироваться при княжеском дворе и, возможно уже после смерти Ярослава, были обработаны придворным летописцем вместе с материалами княжеского синодика; при этом фактографический материал отбирался так, что деятельность братьев Ярослава и его племянника Брячислава Полоцкого либо замалчивалась вообще, либо описывались только те ее эпизоды, которые были непосредственно связаны с военной деятельностью киевского князя (как это было в случае с его соправителем Мстиславом Тмутараканским).

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что некоторые статьи ПВЛ за годы правления Ярослава посвящены главным образом сражениям, в которых участвовал князь. Эти «батальные сюжеты» смоделированы по одному «шаблону», что особенно заметно, например, при сопоставлении Любечской битвы 1016 г. и сражения на Буге в 1018 г. Поэтому у некоторых исследователей создается впечатление, что «история правления Ярослава была скорее военной, чем церковной. Это тем более удивительно, что образованные русские люди того времени были исключительно клириками». Вместе с тем «Летописец Ярослава отличался большой свободой суждений», — отмечает автор этой гипотезы Н.И. Милютенко, относя на его счет панегирики Мстиславу Тмутараканскому⁹².

Автором этих панегириков со времени А.А. Шахматова считался печерский монах (впоследствии игумен Печерского монастыря) Никон, причастность которого к летописанию была установлена следующим образом. Обратив внимание на то, что с 1060-х гг. в центре внимания ПВЛ находились то события в Киеве, то события в Тмутаракани (с указанием календарных дат), исследователь высказал предположение, что эти сведения могли принадлежать Никону, который, согласно «Житию Феодосия Печерского», был вынужден бежать из Киева в Тмутаракань, спасаясь от преследований князя Изяслава, откуда вернулся перед киевским восстанием 1068 г. Поскольку «Житие Феодосия» приписывало ему книжные занятия, это дало Шахматову основание утверждать, что Никон не только продолжил Древнейший свод, но подверг его радикальной переработке, внося целый ряд новых сюжетов и разбив летописный текст по годам⁹³. Гипотеза о летописце Никоне, ставшая одной из ключевых в шахматовской концепции Начального летописания, полу-

чила распространение среди исследователей, хотя некоторые из них подвергают ее сомнению⁹⁴.

По нашим представлениям, летописная работа на Руси в XI в. не ограничивалась каким-то одним княжеским или монастырским скрипторием. Не исключено, что высокий уровень развития древнерусской мысли, свидетельством которого может служить, например, «Слово о Законе и Благодати», способствовал не только возникновению княжеской летописной традиции при Ярославе и ее расширению при его сыновьях, но и формированию независимого летописания, причем не только в Печерском монастыре, который, по мнению некоторых исследователей, вряд ли мог сразу монополизировать летописную работу в Киеве⁹⁵. Обращение к летописным данным о событиях последней четверти XI в. действительно заставляет предполагать существование противоборствующих идейно-политических тенденций, которые, очевидно, пройдя несколько этапов, нашли свое отражение в ПВЛ. Их выявление требует специального исследования, поэтому в этой книге мы ограничимся лишь сопоставлением повести «Об убиении Борисове» с летописной традицией, которую относят к эпохе Ярослава.

1.4. ПОВЕСТЬ «ОБ УБИЕНИИ БОРИСОВЕ» И «ЛЕТОПИСЕЦ ЯРОСЛАВА»

Повесть «Об убиении Борисове» ориентирована на противопоставление Бориса и Святополка; в ней акцент делается, с одной стороны, на популярности Бориса среди киевлян, потенциально опасной для Святополка, несмотря на то что Борис отказывается от возможности воспользоваться преимуществами, которые предоставляли в его распоряжение дружина отца и киевское «общественное мнение»,

а с другой — на противоположных стремлениях Святополка, стремящегося нейтрализовать Бориса обещанием увеличения удела и между тем подготавливающего его убийство. Впрочем, представление о том, что Борис пользовался поддержкой киевлян, в котором нас пытаются убедить памятники Борисоглебского цикла, отнюдь не бесспорно: по сообщению «Тверского сборника», киевляне отказались похоронить его в городе, оттолкнув приставшую к берегу ладью с телом Бориса, которое после этого было захоронено в Вышгороде⁹⁶. Однако не факт, что этой поддержкой располагал Святополк, поскольку повесть «Об убиении», а за ней и «Анонимное сказание» сообщают о том, что смерть Владимира некоторое время скрывалась, но если в первом случае есть основания предполагать, что она скрывалась от Святополка, то во втором случае утверждается, что скрыл ее сам Святополк⁹⁷.

Повесть «Об убиении» рисует колоритную картину его действий: «Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: “Преданы ли вы мне всем сердцем?” Отвечали же Путша с вышгородцами: “Согласны головы свои сложить за тебя”. Тогда он сказал им: “Не говоря никому, ступайте и убейте брата моего Бориса”. Те же обещали ему немедленно исполнить это». В повести «Об убиении» присутствует агиографический элемент «провиденциального историзма», отразившийся не только в том, что князь-страстотерпец заранее знает о «злом умысле» Святополка, но и «окаянный» князь оказывается в курсе того, что первая попытка убийства Бориса не удалась (на этот факт обратил внимание В.Я. Петрухин). «Убив же Бориса, окаянные завернули его в шатер, положив на телегу, повезли, еще дышавшего. Святополк же окаянный, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов

прикончить его. Когда те пришли и увидели, что он еще жив, то один из них извлек меч и пронзил его в сердце»⁹⁸.

Это противоречие давно привлекает внимание исследователей. А.А. Шахматов полагал, что в летописном тексте были соединены киевское и вышгородское предание о смерти Бориса⁹⁹. Существует и альтернативная точка зрения, согласно которой он испытал влияние скандинавского источника (архетипа), общего для повести «Об убиении Борисове» и «Пряди об Эймунде», где сообщается об убийстве варягами русского конунга Бурицлава. Гипотеза о том, что в древнерусской традиции произошло восприятие скандинавского литературного архетипа (С.М. Михеев)¹⁰⁰, представляется достаточно интересной. Однако следует подчеркнуть, что в повести «Об убиении» он оказался под сильным воздействием агиографических элементов. Поэтому не исключено, что она могла появиться только в церковных кругах, отдельно от того летописного контекста, в котором читается сейчас. Можно предположить, что местом составления повести «Об убиении» была церковь Святого Василия в Вышгороде, который с середины XI столетия стал центром Борисоглебского культа.

В повести «Об убиении» рассказ об убийстве Бориса органично связан с сюжетами об убийстве других братьев, Глеба и Святослава. Расправившись с Борисом, Святополк стал думать: «Вот убил я Бориса; как бы убить Глеба?» И, замыслив Каиново дело, послал, обманывая, гонца к Глебу, говоря так: «Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет: сильно он болен». Глеб тотчас же сел на коня и отправился с малою дружиною, потому что был послушлив отцу. И когда пришел он на Волгу, то в поле споткнулся конь его на рытвине, и повредил Глеб себе немного ногу. И пришел в Смоленск, и отошел от Смоленска недалеко, и стал на Смядыне в насаде.

В это же время пришла от Предславы весть к Ярославу о смерти отца и послал Ярослав сказать Глебу: «Не ходи: отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком»».

Во время молитвы Глеба по отцу и брату «внезапно пришли посланные Святополком погубить Глеба. И тут вдруг захватили посланные корабль Глебов, и обнажили оружие. Отроки же Глебовы пали духом. Окаянный же Горясер, один из посланных, велел тотчас же зарезать Глеба. Повар же Глеба, именем Торчин, вынув нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка». Сначала Глеб был брошен на берегу между двумя колодами, «затем же, взяв его, увезли и положили его рядом с братом его Борисом в церкви Святого Василия»¹⁰¹.

Святослав, княживший в Древлянской земле, в отличие от своих сводных братьев, попытался спастись бегством, но был настигнут убийцами в Карпатских горах. Это свидетельство летописи подвергается сомнению на том основании, что о его гибели ничего не сообщается в «Чтении» Нестора, хотя причиной этого могло быть то обстоятельство, что Святослав не был канонизирован Церковью, а следовательно, не было необходимости упоминать его в каноническом житии князей.

Исследователи отмечают, что летописная повесть «Об убиении Борисове» по своей сути памятник агиографический (А.В. Поппэ), возможно, даже предназначавшийся для чтения в церкви (С.А. Бугославский)¹⁰², а значит, на начальной стадии формирования в нем отразилось церковное влияние. Поэтому она, скорее всего, восходила не к «Летописцу Ярослава», а к отдельному «сказанию», написанному, как думал А.А. Шахматов, на основе записей, составлявшихся при церкви в Вышегороде, где были погребены Борис и Глеб¹⁰³. Можно думать, что древнейшая редакция вышегородских записок могла послужить источником для повести

«Об убиении Борисове», а позднейшая была использована в «Сказании о чудесах Бориса и Глеба» и «Чтении» Нестора.

При чтении ПВЛ нельзя не заметить, что текст, распределенный по летописным статьям 1014—1016 гг., представляет единый, логически связанный сюжет (за исключением повторов в начале каждой статьи, сообщений об известии Предславы и о сборах Ярослава в поход, где уже отразилось позднейшее влияние Борисоглебского культа и, в частности, приведены баснословные цифры о размерах его войска). Лейтмотивом летописного повествования является противостояние Ярослава и Святополка, в то время как повесть «Об убиении Борисове», помещенная в середине статьи 1015 г., существенно отличается от него по своему характеру (что отметил еще С.М. Соловьев, после которого она рассматривалась некоторыми исследователями как вставное произведение)¹⁰⁴. В качестве иллюстрации, подтверждающей эту гипотезу, приведем летописный рассказ 1014—1016 гг. (за исключением «Похвалы Владимиру» как «новому Константину», рассмотренной ниже, а также повести «Об убиении», полный текст которой помещен в приложении).

«В год 6522 (1014). Когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав не давал этого в Киев отцу своему. И сказал Владимир: “Расчищайте пути и мостите мосты”, ибо хотел идти войною на Ярослава, на сына своего, но разболелся.

В год 6523 (1015). Когда Владимир собрался идти против Ярослава, Ярослав, послав за море, привел варягов, так как боялся отца своего; но Бог не дал дьяволу радости. Когда Владимир разболелся, был у него в это время Борис. Между тем печенеги пошли походом на Русь, Владимир послал против

них Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер июля в пятнадцатый день. Умер он на Берестове, и утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве. Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули его в ковер и спустили веревками на землю; затем, возложив его на сани, отвезли и поставили в церкви Святой Богородицы, которую сам когда-то построил. Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нем — бояре как по заступнике страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе. И положили его в гроб мраморный, похоронили тело его, блаженного князя, с плачем <...>.

Святополк же окаянный стал княжить в Киеве. Созвав людей, стал он им давать кому плащи, а другим деньгами, и роздал много богатства. Когда Ярослав не знал еще об отцовской смерти, было у него множество варягов, и творили они насилие новгородцам и женам их. Новгородцы восстали и перебили варягов во дворе Поромоньем. И разгневался Ярослав, и пошел в село Ракомо, сел там во дворе. И послал к новгородцам сказать: “Мне уже тех не воскресить”. И призвал к себе лучших мужей, которые перебили варягов, и, обманув их, перебил. В ту же ночь пришла ему весть из Киева от сестры его Предславы: “Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, а на Глеба послал, берегись его очень”. Услышав это, печален был Ярослав и об отце, и о братьях, и о дружине.

На другой день, собрав остаток новгородцев, сказал Ярослав: “О милая моя дружина, которую я вчера перебил, а сегодня она оказалась нужна”. Утер слезы и обратился к ним на вече: “Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и убивает братьев своих”. И сказали новгородцы: “Хотя, князь, и иссечены братья наши, — можем за тебя бороться!” И собрал Ярослав тысячу варягов, а других воинов 40 000, и по-

шел на Святополка, призвав Бога в свидетели своей правды и сказав: “Не я начал избивать братьев моих, но он; да будет Бог мстителем за кровь братьев моих, потому что без вины пролил он праведную кровь Бориса и Глеба. Или же и мне то же сделать? Рассуди меня, Господи, по правде, да прекратятся злодеяния грешного”. И пошел на Святополка. Услышав же, что Ярослав идет, Святополк собрал бесчисленное количество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу на тот берег Днепра, а Ярослав был на этом.

В год 6524 (1016). Пришел Ярослав на Святополка, и стали по обе стороны Днепра, и не решались ни эти на тех, ни те на этих, и стояли так три месяца друг против друга. И стал воевода Святополка, разъезжая по берегу, укорять новгородцев, говоря: “Что пришли с хромцом этим? Вы ведь плотники. Поставим вас хоромы наши рубить!” Слыша это, сказали новгородцы Ярославу, что “завтра мы переправимся к нему; если кто не пойдет с нами, сами нападем на него”. Наступили уже заморозки, Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиной своей. Ярослав же с утра, исполчив дружину свою, на рассвете переправился. И, высадившись на берег, оттолкнули ладьи от берега, и пошли друг против друга, и сошлись в схватке. Была сеча жестокая, и не могли из-за озера печенеги помочь; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили на лед, и подломился под ними лед, и стал одолевать Ярослав, видев же это, Святополк побежал, и одолел Ярослав. Святополк же бежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском¹⁰⁵.

В свете гипотезы С.М. Соловьева новую интерпретацию получает сюжет о послании Предславы к Ярославу с известием о смерти Владимира и убийстве Бориса, который присутствует также и в повести «Об убиении», где, однако, говорится, что Ярослав в свою очередь послал пред-

упреждение об опасности Глебу, который, несмотря на это, продолжал путь из Мурома в Смоленск, навстречу своим убийцам. А.А. Шахматов пришел к выводу о том, что второе упоминание в летописной статье послания Предславы к Ярославу является вставкой, сделанной составителем Начального свода из «Жития Антония Печерского»¹⁰⁶. Однако это впечатление возникает лишь в том случае, если воспринимать повесть «Об убиении» как единое целое со статьей 1015 г. При исключении этой повести послание Предславы в летописном контексте представляется вполне логичным, поэтому есть все основания отнести его к первоначальному рассказу «Летописца Ярослава». Сюжет о посланцах Ярослава, сообщивших Глебу о смерти Владимира и убийстве Бориса, изначально мог иметь чисто конструктивную функцию (повод для оплакивания Глебом отца и брата), когда повесть существовала отдельно, а при ее включении в летопись способствовал установлению дополнительной связи с летописным рассказом.

Если заглавие «Об убиении Борисове» вошло в летопись позднее, чем сама повесть, логично предположить, что ее начало было сокращено или соединено с предшествующим текстом о болезни Владимира. Верхний текстологический шов повести, проходящий в летописном тексте от слов: «Святополк сел в Киеве по смерти отца своего, и созвал киевлян, и стал давать им подарки» (в оригинале: «Святополк седе Кыеве по отци своем, и созва кыяны и нача даяти им именье»), установлен в определенной степени искусственно. Нижний текстологический шов вполне определенно локализуется после сообщения об убийстве Святослава Древлянского: «Святополк же окаянный стал княжить в Киеве. Созвав людей, стал он им давать кому плащи, а другим деньгами, и роздал много богатств» (в оригинале: «Святополк же оканныи нача

княжити в Києве, созвав люди, нача даиати одним корзна, а другим кунами и раздаиа множество») ¹⁰⁷.

Если воспринимать летописную статью 1015 г. как единое целое, то присутствие этой дублировки можно объяснить лишь тем, что первой «благотворительной акцией» Святополк отметил свое вокняжение, а второй — устранение своих политических конкурентов, которое, согласно повести «Об убиении», было совершено втайне. Однако в контексте ситуации это объяснение является слишком натянутым. Поэтому указанная дублировка о вокняжении Святополка, скорее всего, возникла, когда в летописный текст была вставлена повесть «Об убиении Борисове». При этом чтение: «Святополк же оканныи нача княжити в Києве, созвав люди, нача даиати одним корзна, а другим кунами и раздаиа множество», которое в силу своей подробности, очевидно, было первоначальным, оказалось оттеснено на второй план и подверглось модификации за счет определения «оканный», которое связало бы его с предшествующими действиями нового правителя, описанными в повести. Итак, судя по структуре статьи 1015 г. ПВЛ, в ней можно выделить три текстологически самостоятельные части: «Похвалу Владимиру» как «новому Константину», повесть «Об убиении Борисове» и остальной текст, восходящий к «Летописцу Ярослава».

Исследователи неоднократно обращали внимание на текстуальную связь летописной «Похвалы Владимиру» со «Словом о Законе и Благодати» Илариона. Например, А.А. Шахматов постулировал зависимость «Слова» от Древнейшего свода. М.Д. Присёлков, напротив, предполагал между сводом и «Словом» идейно-политический антагонизм. Л. Мюллер пришел к выводу, что «Похвала Владимиру» может иметь «временной и литературный приоритет» по отношению к

«Слову»; но в то же время не исключал, что и автор летописной статьи испытал на себе влияние Иларионовых идей¹⁰⁸.

В «Слове» Илариона о Владимире говорится: «О подобный великому Константину, равный <ему> умом, равный любовью ко Христу, равный почтительностью к служителям его! Тот со святыми отцами Никейского Собора полагал закон народу <своему>, — ты же, часто собираясь с новыми отцами нашими — епископами, со смирением великим совещался <с ними> о том, как уставить закон народу нашему, новопознавшему Господа. Тот покори́л Богу царство в еллинской и римской стране, ты же — на Руси: ибо Христос уже как и у них, так и у нас зовется царем. Тот с матерью своею Еленой веру утвердил, крест принеся из Иерусалима и по всему миру своему распространив <его>, — ты же с бабкою твоею Ольгой веру утвердил, крест принеся из нового Иерусалима, града Константинова, и водрузив <его> по всей земле твоей. И, как подобного ему, соделал тебя Господь на небесах сопричастником одной с ним славы и чести <в награду> за благочестие твое, которое стяжал ты в жизни своей»¹⁰⁹.

Если в «Слове» Илариона сравнение Владимира с Константином условное, то составитель «Похвалы Владимиру» не только сопоставляет их по подобию, но и отождествляет: «То новый Константин великого Рима; как тот крестился сам и людей своих крестил, так и этот поступил так же. Если и пребывал он прежде в скверных похотных желаниях, однако впоследствии усердствовал в покаянии, по слову апостола: “Где умножится грех, там преизобилует благодать”. Удивления достойно, сколько он сотворил добра Русской земле, крестив ее. Мы же, христиане, не воздаем ему почестей, равных его деянию. Ибо если бы он не крестил нас, то и ныне бы еще пребывали в заблуждении дьявольском, в котором и прародители наши погибли. Если бы имели мы усердие и молились

за него Богу в день его смерти, то Бог, видя, как мы чтим его, прославил бы его: нам ведь следует молить за него Бога, так как через него познали мы Бога. Пусть же Господь воздаст тебе по желанию твоему и все просьбы твои исполнит — о царствии небесном, которого ты и хотел. Пусть увенчает тебя Господь вместе с праведниками, воздаст услаждение пищей райской и ликование с Авраамом и другими патриархами, по слову Соломона: “Со смертью праведника не погибнет надежда”¹¹⁰.

Вряд ли можно отрицать, что сопоставление Илариона по подобию первично по отношению к тому отождествлению, которое читается в летописях; в противном случае придется допустить, что в своем «Слове» придворный пресвитер воспользовался сопоставлением по подобию, в то время как летописец уже перешагнул незримую грань между римским императором и киевским князем. И напротив, это противоречие устраняется, если предположить, что «Слово» Илариона послужило идеологическим импульсом для составителя «Похвалы».

Повесть «Об убиении Борисове» и летописный рассказ о событиях 1014—1018 гг. можно отождествить с «агиографическим рассказом» и «светской сагой» — первоисточниками Борисоглебского цикла, существование которых в первой половине 1950-х гг. постулировал один из ведущих немецких славистов Лудольф Мюллер, допустив только, что не клирики Вышегородской церкви опирались на «агиографический рассказ», а составители этого рассказа использовали вышегородские записки.

Можно предлагать разные гипотезы относительно того, когда эта повесть, составленная в церковных кругах, стала частью летописной традиции: вероятно, это произошло не ранее 70-х гг. XI в., в период интенсивного развития

культы князей-мучеников и связанных с ним произведений агиографического цикла. Поскольку ПВЛ не упоминает о почитании Бориса и Глеба до 1072 г., вряд ли правомерно предполагать, что повесть «Об убиении» была соединена с «Летописцем Ярослава» ранее этого времени. Если следовать гипотезе, связывающей появление хронологической канвы древнерусского летописания с Печерским сводом 1073 г., надо думать, что инициатором включения повести в летопись под 1015 г., да и автором самого заголовка «Об убиении Борисове», был Никон. Согласно альтернативным представлениям, разделение летописного текста по хронографическому принципу было осуществлено лишь в 1090-х гг. в Начальном своде¹¹¹, хотя при этом не учитывается, что в сохранившейся части Синодального списка НЛ, также отражающей Начальный свод, подобное хронографическое разделение отсутствует; следовательно, оно вполне могло появиться и в ПВЛ.

1.5. ПЕРВЫЙ РАУНД БОРЬБЫ ЗА КИЕВ. СВЯТОПОЛК И ЯРОСЛАВ

Возвращаясь к рассмотрению династического конфликта 1015—1019 гг., обратим внимание на одну метаморфозу древнерусской историографии. ПВЛ сохранила факты, в определенной степени дискредитирующие Ярослава. Отказавшись выплачивать дань в том размере, как давали «все князья новгородские», Ярослав оказался на грани разрыва с отцом, для борьбы с которым нанял варягов. Для Руси XI в. его поведение было беспрецедентным и с точки зрения христианства должно было подвергнуться осуждению. Ярослав оказался в двух шагах от совершения тяжкого греха, но... «Бог не вдасть диаволу радости». Как писал в свойственной

ему литературной манере Н.М. Карамзин, «небо, отвратив войну сию богопротивную, спасло Ярослава от злодеяния редкого»¹¹². После внезапной смерти Владимира к власти пришел Святополк, совершивший не менее тяжкое преступление — убийство Бориса, в результате чего протагонисты этой исторической трагедии поменялись ролями; хотя, по словам современных исследователей, легитимность вокняжения Святополка в Киеве, несмотря на его «беззаконное» происхождение, не подвергалась сомнению до тех пор, пока он не сделался убийцей братьев¹¹³.

Здесь мы должны обратить внимание на специфику отражения династического конфликта 1015—1019 гг. в источниках и историографии: если ПВЛ и «Чтение» Нестора рассматривают его как внутрисемейный, то «Анонимное сказание» — скорее как противостояние старшей и младшей ветви Святославичей. К такому же мнению, как мы уже имели возможность убедиться, склоняется и большинство историков. Основанием для подобного утверждения служат данные нумизматики. Сегодня известны два типа древнерусских монет, на аверсе которых помещено изображение князя с легендами «Святополк на столе» (I тип) и «Петрос» [возможно, крестильное имя Святополка] (II тип), которые могли быть выпущены соответственно в 1015—1016 и 1018—1019 гг. Это дало основания говорить по крайней мере о юридическом преимуществе Святополка в борьбе за киевский «стол». Весьма интересным представляется тот факт, что на реверсе этих монет, где по традиции помещалось изображение «княжеского знака», был изображен двузубец, тогда как «княжеским знаком» на монетах Владимира Святославича являлся трезубец.

Это обстоятельство позволило исследователям предполагать, что двузубец был «княжеским знаком» Ярополка

Святославича, сыном которого, судя по всему, считал себя Святополк¹¹⁴. «Тот факт, что Святополк и Владимировичи являлись двоюродными братьями, позволяет сделать вывод, что старейшинство Святополка определялось не только его старшинством по отношению к Владимировичам, но и тем, что он являлся сыном старшего среди Святославичей, то есть представлял собой старшую династическую ветвь. Поэтому можно предположить, что Святополк стремился утвердить принцип наследования стольного города и верховной власти на Руси по прямой нисходящей линии старших сыновей, то есть развитый династический принцип наследования власти» (М.Б. Свердлов)¹¹⁵. Если мы принимаем эту гипотезу, то Святополк, как ни парадоксально это звучит, выступает перед нами в качестве «реформатора», продолжающего дело Владимира гораздо более радикальными методами, которые оказались неприемлемы для современников и потомков, отождествляясь в их сознании со злодеянием библейского Каина. Если исходить из буквальной интерпретации заявлений Святополка в рамках гипотезы А.В. Назаренко, можно предположить, что его действия могли быть направлены на ликвидацию «родового сюзеренитета».

Не менее спорными представляются и летописные версии Любечской битвы. Подробное ее описание в Новгородской I летописи старшего и особенно младшего извода (далее — НІЛМ), восходящее, очевидно, к более ранней летописной традиции, чем ПВЛ, тем не менее демонстрирует определенную зависимость от южнорусского источника, объединяя события 1016 и 1019 гг. Суть проблемы заключается в том, можно ли признать основой НІЛМ Начальный свод 1093—1095 гг.¹¹⁶ или отнести ее к позднему новгородскому летописанию¹¹⁷. Решение этой фундаментальной проблемы в рамках настоящей работы вряд ли возможно, но следует

отметить такие особенности, как численность войска Ярослава, принимавшего участие в битве, которая выглядит более правдоподобно, чем в ПВЛ.

По свидетельству НІЛМ, перед походом на Святополка Ярослав собрал 4000 воинов: «Варягов было тысяча, а новгородцев 3000, и пошел на него. Святополк же, услышав о том, собрал бесчисленное множество воинов, выйдя против него к Любечу, и встал на этой стороне [реки] со множеством воинов. Ярослав же, придя, встал на [противоположном] берегу Днепра, и стояли тут 3 месяца, не смея сразиться. Воевода Святополка, по имени Волчий Хвост, езда возле реки, начал укорять новгородцев: “зачем пришли с этим хромцом, — вы плотники, а мы заставим вас хоромы рубить!” И начал Днепр замерзать. И был преданный Ярославу муж у Святополка, и послал к нему Ярослав отрока своего ночью. И сказал ему: “то сделаю, что велишь: меду мало варено, а дружины много”. И тот муж так ответил Ярославу: “если меду мало, а дружины много, то к вечеру дать”. И понял Ярослав, что ночью велит биться. Тем же вечером переплыл Ярослав на другую сторону Днепра и оттолкнул лодьи от берега, и той же ночью пошел на битву. И сказал Ярослав дружине: “отличитесь, повязав головы свои полотнищем”. И была ожесточенная битва, и бились, хватаясь за руки (т. е. врукопашную), и по низинам кровь текла. Многие верные видели ангелов божьих, помогающих Ярославу, и до рассвета победили Святополка. И бежал Святополк к печенегам, и между Чехией и Польшей погиб окаянный, и так окончил злую жизнь свою, и дым до сего дня есть [в том месте]. А Ярослав пошел к Киеву, сел на стол отца своего Владимира»¹¹⁸.

В НІЛМ говорится о воеводе по прозвищу Волчий Хвост, провоцировавшем воинов Ярослава на столкновение со

Святополком. Этого воеводу, командовавшего авангардом в карательной экспедиции Владимира на радимичей, упоминает под 984 г. и ПВЛ. Это дает основания полагать, что Святополку удалось заручиться поддержкой некоторых соратников Владимира. Только НІЛМ говорит о том, что Ярослав в свою очередь пользовался поддержкой некоторых приближенных Святополка, которая сыграла ключевую роль в подготовке Любечской битвы 1016 г.

Впрочем, уже в течение нескольких десятилетий эта дата вызывает сомнения у историков. Как отмечал исследователь древнерусской хронологии Н.Г. Бережков, «восточные славяне приняли вместе с христианством византийское летосчисление от с[отворения] м[ира], но удержали свое исконное весеннее начало года, начинали год мартом, а не сентябрем, как византийцы. Между сентябрьским годом и мартовским годом с тем же обозначением (числовым) мыслимо два отношения: или мартовский год начинался полугодом позже сентябрьского (был, как прежде говорилось в литературе, “моложе” сентябрьского по своему началу), или — полугодом раньше его (был “старше” сентябрьского). Год, начинающийся шестью месяцами позже сентябрьского, называется в литературе мартовским; для года, начинающегося шестью месяцами раньше сентябрьского, Н.В. Степанов предложил название ультрамартовский, и оно может считаться принятым. Мартовский год совпадает с мартом — августом сентябрьского года, имевшего то же обозначение, и с сентябрем — февралем следующего сентябрьского года; ультрамартовский год охватывает март — август сентябрьского года с предшествующим обозначением и сентябрь — февраль сентябрьского года с одинаковым обозначением. Иными словами: мартовское обозначение года одинаково с сентябрьским

обозначением в марте — августе и меньше сентябрьского на единицу в сентябре — феврале; ультрамартовское обозначение превышает сентябрьское на единицу в марте — августе и совпадает с ним в сентябре — феврале. Ультрамартовское обозначение на всем протяжении года единицею больше мартовского»¹¹⁹. В летописной статье 1015 (6523 г. от «сотворения мира») ПВЛ и НЛМ пользовались мартовской системой летоисчисления, из чего следовало, что Любечская битва, приуроченная к 1016 (6524) г., относится к 1015 календарному году. Летописи сообщают, что трехмесячное противостояние Ярослава со Святополком на берегах Днепра, очевидно, начавшееся осенью, завершилось уже в период заморозков. Таким образом, сражение могло иметь место зимой 6523 г.

Впрочем, если следовать тексту ПВЛ, Любечская битва не привела к немедленному вокняжению Ярослава в Киеве, о котором говорится под 1016 г.; лишь в статье 1017 г. сообщается о том, что Ярослав вошел в Киев и погорели церкви¹²⁰. Это дает основания предполагать продолжение борьбы за власть и после «сечи» у Любеча. Кроме ПВЛ о пожаре в Киеве в 1017 г. сообщает также Титмар Мерзебургский. Интересно, что Софийская I летопись, чьи сведения о событиях этого года совпадают со сведениями мерзебургского епископа, относит к этому времени начало градостроительной деятельности Ярослава, в том числе и закладку храма Святой Софии, о чем ПВЛ сообщает под 1037 г.¹²¹ Надо сказать, что этот акт Ярослава представляется более логичным для 1017, чем для 1037 г., так как в этом случае масштабные градостроительные работы (к которым мы еще вернемся) можно объяснить реконструкцией Киева после пожара.

Вряд ли можно согласиться с исследователями, которые, исходя из формального анализа текстов, утверждают, что летописец «не оценивает права отдельных героев по единой шкале политической легитимности», «не определяет степень обоснованности и законности их действий» и что единственным оправданием борьбы с соперником служит «обвинение противника в инициировании конфликта, отсылка к необходимости самозащиты и мести за братьев, истолкованной как осуществление божественного возмездия» (М.Ю. Парамонова)¹²². Напротив, древнерусские книжники приложили немало усилий для того, чтобы оправдать переход киевского «стола» от Святополка к Ярославу не только с этой точки зрения. Как было установлено анатомическим исследованием останков Ярослава Мудрого в 1939 г., его возраст, сообщаемый в летописной статье 1054 г., — 76 лет — оказался несколько завышен и, по заключению антропологов Д.Г. Рохлина и В.В. Гинзбурга, не превышал 70 лет, поэтому некоторые из биографов киевского князя сегодня относят его рождение к первой половине 980-х гг.¹²³

Учитывая экстраординарность событий 1015–1019 гг., следствием которых стало отстранение представителя старшей княжеской ветви, летописцы, а за ними и агиографы попытались приписать Ярославу хотя бы возрастное старшинство. По словам П.П. Толочко, «видимо, уже во время правления Ярослава летописная традиция претерпела изменения и постепенно стала формироваться мысль о его старшинстве, а следовательно, и преимущественном праве на киевский престол»¹²⁴. Таким образом, вокняжение новгородского князя в Киеве было представлено легитимным и с формальной и с фактической точки зрения.

1.6. РАУНД ВТОРОЙ. НА АРЕНУ ВЫХОДИТ БОЛЕСЛАВ ХРАБРЫЙ

Бегство Святополка в Польшу после поражения у Любеча отнюдь не прекратило междоусобной войны: династический конфликт только обострился, выйдя на европейский уровень. Под 1018 г. ПВЛ сообщает о том, что Святополк при вооруженной поддержке Болеслава Храброго нанес Ярославу поражение в битве у реки Буг и таким образом вернулся на киевский «стол». Существует точка зрения, согласно которой Болеслав сначала пытался установить контакты с Ярославом, посватавшись к его сестре Предславе, но получил отказ, ставший причиной войны.

В октябре 1017 г. между Польшей и Священной Римской империей открылись мирные переговоры в Мерзебурге, которым было суждено подвести финальную черту в вооруженном конфликте между ними¹²⁵. По утверждению Титмара, Генрих II «только тогда узнал, что король Руси, как и обещал ему через своего посла, напал на Болеслава, но, овладев [неким] городом, ничего [более] там не добился»¹²⁶. Комментируя ситуацию в Мерзебурге, автор этого перевода А.В. Назаренко полагает, что император узнал о действиях своего союзника Ярослава против поляков задним числом¹²⁷. Очевидно, к тому времени между двумя правителями уже велись военные действия, с которыми обычно связывается поход Ярослава к Берестью, о чем мы знаем из НЛМ. После того как Генрих II выбыл из игры, Ярослав, считает исследователь, создал антипольскую коалицию с участием Дании и Швеции¹²⁸.

ПВЛ рассказывает об этой войне следующее: «В год 6526 (1018). Пришел Болеслав на Ярослава со Святополком и с поляками. Ярослав же, собрав русь, и варягов, и словен, пошел против Болеслава и Святополка и пришел к Волюню,

и стали они по обеим сторонам реки Буга. И был у Ярослава кормилец и воевода, именем Буда, и стал он укорять Болеслава, говоря: “Проткнем тебе колом брюхо твое толстое”. Ибо был Болеслав велик и тяжек, так что и на коне не мог сидеть, но зато был умен. И сказал Болеслав дружине своей: “Если вас не унижает оскорбление это, то погибну один”. Сев на коня, въехал он в реку, а за ним воины его. Ярослав же не успел исполчиться, и победил Болеслав Ярослава. И убежал Ярослав с четырьмя мужами в Новгород,

Болеслав же вступил в Киев со Святополком. И сказал Болеслав: “Разведите дружину мою по городам на покорм”; и было так. Ярослав же, прибежав в Новгород, хотел бежать за море, но посадник Константин, сын Добрыни, с новгородцами рассек ладьи Ярославовы, говоря: “Хотим и еще биться с Болеславом и со Святополком”. Стали собирать деньги от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен. И привели варягов, и дали им деньги, и собрал Ярослав воинов много. Когда же Болеслав сидел в Киеве, окаянный Святополк сказал: “Сколько есть поляков по городам, избивайте их”. И перебили поляков, Болеслав же побежал из Киева, забрав богатства, и бояр Ярославовых, и сестер его, а Настаса — попа Десятинной церкви — приставил к этим богатствам, ибо тот обманом вкрался ему в доверие. И людей множество увел с собою, и города Червенские забрал себе, и пришел в свою землю. Святополк же стал княжить в Киеве. И пошел Ярослав на Святополка, и бежал Святополк к печенегам¹²⁹.

Учитывая то, что в летописной статье 1018 г. имя Болеслава везде предшествует имени Святополка, надо думать, ее составитель хотел подчеркнуть его второстепенное положение в период пребывания Болеслава на Руси. Напротив, летопись никак не комментирует изменившегося статуса Ярослава,

который остался киевским князем только потому, что новгородцы во главе с посадником Константином Добрыничем изъявили желание оказать ему поддержку в дальнейшей борьбе за Киев. Достаточно объективное описание злоключений киевского князя натолкнуло Б.А. Рыбакова на мысль о том, что первоначально она имела оппозиционный характер по отношению к Ярославу и принадлежала к новгородской «Остромировой летописи», составленной в середине XI в., а при включении в киевское летописание была подвергнута редакторской правке.

Исследователям так и не удалось найти доказательства существования «Остромировой летописи», поэтому с тем же успехом в авторе статьи 1018 г. можно было бы видеть летописца, лояльно настроенного к Болеславу I¹³⁰, но если учесть, что древнерусская традиция в целом негативно относилась к польским соседям, невозможно найти причин для этого исключения. Кроме того, единственным регионом, испытывавшим сильное польское влияние, была Юго-Западная Русь, где камнем преткновения оказались «Червенские города», но вряд ли в XI в. здесь могла сформироваться независимая полонофильская традиция, учитывая, что польская оккупация «Червенских городов» продолжалась менее пятнадцати лет — с 1018 по 1031 г. В то же время, как отмечалось исследователями, ПВЛ, в отличие от Киево-Печерского патерика и памятников новгородского летописания XV в., ничего не сообщает о каких-либо насильственных действиях поляков в Киеве, напротив, осуждая их избиение по приказу «окаянного Святополка» (А.Г. Кузьмин)¹³¹.

Как свидетельства ПВЛ, так и свидетельства более позднего летописания подтверждаются не только показаниями польских источников, но и хроникой Титмара. По словам епископа, нельзя было умолчать о прискорбном несчастье,

случившемся на Руси: «Ведь Болеслав, напав на нее, согласно нашему совету, с большим войском, причинил ей большой вред. Так, в июле месяце, 22-го числа этот князь, придя к какой-то реке, стал там вместе со своим войском лагерем и велел приготовить необходимые [для переправы] мосты. Русский король, расположившись возле него со своими людьми, с тревогой ожидал исхода будущего, условленного между ними сражения. Между тем враг, подстрекаемый поляками, был вызван на битву и, в результате внезапного успеха, был отброшен от реки, которую оборонял. Ободренный этой суматохой Болеслав, требуя, чтобы союзники приготовились и поторопились, тотчас же, хоть и с большим трудом, но перешел реку. Вражеское войско, выстроенное против него, напрасно старалось защитить свое отечество. Уже в первой схватке оно подалось и более уже не оказывало сильного сопротивления. Там тогда было перебито огромное количество бежавших [врагов] и очень мало победителей».

Несмотря на то что «с того дня Болеслав, развивая успех, преследовал разбежавшихся врагов», Ярослав, очевидно, находился не в столь плачевном положении, как представляют нам летописи, поскольку «силой захватил некий город, послушный его брату, и увел его жителей». После битвы при Буге Болеслав «был принят всеми местными жителями и почтен богатыми дарами». Уже через три недели союзникам удалось войти в Киев: «Оставленный своим обращенным в бегство королём, этот город 14 августа принял Болеслава и Святополка, своего господина, от которого долго отказывался; и вся страна та из страха перед нами обратилась к его милости. Архиепископ того города почтил прибывших в храме Св. Софии, — который в прошлом году сгорел по причине несчастного случая, — с мощами святых и прочими украшениями»¹³².

Некоторые историки отмечали, что, «судя по Титмару, Святополк не был еще “окаянным” в глазах киевского духовенства» (В.Д. Корольюк)¹³³. Если допустить, что этим архиепископом мог быть Иоанн I¹³⁴, согласно памятникам Борисоглебского цикла стоявший у истоков почитания князей-мучеников, его поведение представляется более чем странным. Можно, однако, предположить, что Титмар перепутал архиепископа с настоятелем Десятинной церкви Анастасом Корсунянином¹³⁵, который, по свидетельству ПВЛ, вошел в доверие к Болеславу: он вполне мог возглавлять посольство Болеслава к Ярославу в Новгород, о котором далее сообщает хронист, а несколько позже, судя по летописному рассказу, обеспечивал вывоз в Польшу награбленных в Киеве богатств.

А.В. Назаренко обратил внимание на то, что Титмар, говоря о Святополке, титулует его *senior* («господин»), тогда как и по отношению к Владимиру и Ярославу, и по отношению к датским, венгерским, английским государям он применяет титул *rex* («король»). Как отмечает исследователь, «этот факт выглядит многозначительным, особенно если учесть, что в термин *rex* хронист явно вкладывал значение государственного суверенитета, никогда не применяя его к полабским, чешским или польским князьям. Возможно, это связано с оценкой Титмаром законности притязаний Святополка (ср. его убеждение, что Святополк не участвовал в разделе державы по смерти отца: *Thietm. VII, 73*) или политическими симпатиями хрониста к Ярославу, союзнику Германии в борьбе против грозного Болеслава Польского»¹³⁶. После общения с автором этой гипотезы мы решили предложить альтернативные трактовки данного исторического факта.

Вряд ли указанное Титмаром обстоятельство можно интерпретировать как признание нелегитимности Святополка, — на страницах его «Хроники» он отнюдь не выгля-

дит таковым, тем более что епископ называет Святополка «господином» города (Киева). На наш взгляд, различие в титулатуре могло быть связано либо с тем, что юрисдикция Святополка, в отличие от юрисдикции Ярослава, могла быть слишком ограничена территориально; либо с тем, что власть Святополка ограничивалась определенной формой зависимости от Польши, в то время как Ярослав был самостоятельно действующим правителем. В пользу последнего предположения говорит и летописный сюжет об «избиении» поляков в летописной статье 1018 г.

Ближайшая параллель к нему встречается в ПВЛ под 1069 г., когда был истреблен польский контингент, приведенный в Киев польским князем Болеславом II, союзником свергнутого князя Изяслава Ярославича. Этот рассказ появился не ранее 1070-х гг. и был также направлен на дискредитацию Святополка, обошедшегося с союзниками так же, как со своими братьями. Кроме того, сюжетная близость событий 1018 и 1069 гг. — приход поляков в Киев и их избиение киевлянами — еще в XIX столетии породила утверждение о том, что события 1069 г. были перенесены летописцем на события 50-летней давности.

А.А. Шахматов полагал, что летописная статья 1018 г. являлась одним из первых плодов летописной работы Никона¹³⁷. Надо сказать, что подобное смешение событий 1018 и 1069 гг. стало общим местом и для польской средневековой историографии, где сохранились предания о том, что при вступлении в Киев Болеслав I ударил мечом в киевские Золотые ворота, хотя, согласно ПВЛ, они были воздвигнуты через двадцать лет после пребывания польского князя в столице Руси¹³⁸.

Как рассказывает Галл Аноним, «Болеслав, не встретив себе никакого сопротивления, войдя в город, большой и бога-

тый, обнаженным мечом ударил в золотые ворота. Спутникам же своим, удивлявшимся, зачем он это сделал, с язвительным смехом сказал: «Как в этот час меч мой поражает золотые ворота города, так следующей ночью будет обесчещена сестра самого трусливого из королей, который отказался выдать ее за меня замуж; но она соединится с Болеславом не законным браком, а только один раз, как наложница, и этим будет отомщена обида, нанесенная нашему народу, а для русских это будет позором и бесчестьем». Так он сказал и подтвердил слова делами»¹³⁹.

Об оскорблении, которое Болеслав Храбрый нанес киевской династии в отместку за отказ выдать за него дочь Владимира Святославича, писали не только польские хронисты. Как сообщают летописи, восходящие к так называемому Новгородско-Софийскому своду 1430-х гг., польский князь «вошел в Киев со Святополком и сел на столе Владимира. И тогда Болеслав положил себе на ложе Предславу, дочь Владимира, сестру Ярослава»¹⁴⁰. По свидетельству Титмара, из захваченных в Киеве сестер Святополка «одну, уже давно им желанную, старый развратник Болеслав незаконно увел с собой»¹⁴¹.

Вопрос о том, собирался ли польский князь вокняжиться на киевском «стол», остается спорным. Например, В.Д. Королук сначала полагал, что, «отправляясь на Русь, польский князь и определенная часть его окружения отнюдь не ставили своей целью только восстановление на Киевском престоле свергнутого Ярославом Святополка. Речь, возможно, шла о прочном подчинении Киевской Руси власти польского князя, может быть, даже о захвате Болеславом киевского стола», однако позднее он пришел к выводу о том, что подобное мнение должно быть отвергнуто. Тем не менее оно разделяется некоторыми исследователями и сегодня¹⁴².

Разрешить этот вопрос вряд ли возможно, хотя, если рассмотреть предшествующую политическую деятельность Болеслава, следует упомянуть о том, что в 1003—1004 гг. он пытался объединить под своей властью Польшу и Чехию в обход Генриха II, что и положило начало его длительному конфликту со Священной Римской империей. Так что, по крайней мере теоретически, подобная перспектива у него была, если допустить наличие в политике Болеслава универсалистских тенденций. Хотя, быть может, это всего лишь представления позднего летописца, так как они не подтверждаются даже Галлом Анонимом.

Как бы то ни было, на некоторое время город действительно стал резиденцией Болеслава: отсюда он отправил посольства к императорам Священной Римской империи и Византии, а также попытался договориться со бежавшим в Новгород Ярославом. Когда Святополк, тяготившийся опекой тестя, якобы отдал приказ о тайном истреблении поляков, Болеслав был вынужден уйти в Польшу.

Недавно противоречивые свидетельства источников о действиях Болеслава получили несколько иную интерпретацию. По мнению А.В. Назаренко, «дело было не так просто, как то изображают поздние польские и древнерусские источники, и статус Предславы как именно наложницы определился лишь после разрыва польского князя со Святополком. В Киеве же Болеслав разыгрывал представление о своем очередном (пятом по счету!) браке, ведя двусмысленную политику: для Генриха II он был (псевдо) лояльным вассалом, перед Константинополем выставлял себя хозяином Руси, а перед Святополком и киевлянами хотел выглядеть верным союзником»¹⁴³.

Свидетельство ПВЛ о бегстве Болеслава из Киева также давно подвергается сомнению, так как вступает в противо-

речие с западными источниками. При критике летописного сообщения обычно учитывается, что Болеслав увел из Киева значительное количество пленных (800 из которых четверть века спустя были возвращены на Русь внуком Болеслава Казимиром I) и обоз с княжеской казной, а значит, его отступление не могло быть столь поспешным, как это изображается ПВЛ.

Вопрос о сроках пребывания Болеслава Храброго в Киеве остается спорным. Например, Галл Аноним сообщает, что «Болеслав в течение десяти месяцев владел богатейшим городом и королевством русских и непрерывно пересылал оттуда деньги в Польшу: а на одиннадцатый месяц, так как он владел очень большим королевством, а сына своего Мешко еще не считал годным для управления им, поставил там [в Киеве] на свое место одного русского, породнившегося с ним, а сам с оставшимися сокровищами стал собираться в Польшу»¹⁴⁴.

Выкладки склонного к преувеличению польского хрониста вряд ли можно соотнести с летописной хронологией, тем более что, по свидетельству Титмара, после вокняжения зятя Болеслав вернулся домой — поскольку этот факт мог быть зафиксирован лишь до смерти мерзебургского епископа, последовавшей 1 декабря 1018 г., долгое время существовало предположение, что Болеслав находился в Киеве осенью 1018 г. достаточно короткий период времени¹⁴⁵. Текстологические исследования А.В. Назаренко показали, что этот пассаж Титмара, изложенный в VII книге его «Хроники» и в силу этого воспринимающийся как анахронизм по отношению к более подробному изложению кампании 1018 г. в конце VIII книги, на самом деле относится к событиям 1017 г.¹⁴⁶ Согласно его точке зрения, на первых порах Болеслав отвоевал для Святополка Берестье, а на следующий год — киевский «стол»¹⁴⁷. Но едва польский князь покинул

Киев, положение Святополка ухудшилось настолько, что он был вынужден вновь бежать от пришедшего из Новгорода Ярослава, на этот раз к печенегам. Решающая схватка между соперниками была еще впереди.

1.7. МИФ ИСТОРИИ ИЛИ МИФ ИСТОРИКА. А БЫЛ ЛИ СВЯТОПОЛК «ОКАЯННЫМ»?

Особый интерес в ПВЛ представляет летописная статья 1019 г., рассказывающая о том, что «пришел Святополк с печенегами» и Ярослав собрал множество воинов и вышел против него на Альту. «Была же тогда пятница, и всходило солнце, и сошлись обе стороны, и была сеча жестокая, какой не бывало на Руси, и, за руки хватаясь, рубились, и сходились трижды, так что текла кровь по низинам. К вечеру же одолел Ярослав, а Святополк бежал. И когда бежал он, напал на него бес, и расслабили все члены его, и не мог он сидеть на коне, и несли его на носилках. И бежавшие с ним принесли его к Берестью. Он же говорил: “Бегите со мной, гонятся за нами”. Отроки же его посылали посмотреть: “Гонится ли кто за нами?” И не было никого, кто бы гнался за ними, и дальше бежали с ним. Он же лежал немощен и, привставая, говорил: “Вот уже гонятся, ой, гонятся, бегите”. Не мог он вытерпеть на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый Божиим гневом, и прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией, и там бедственно окончил жизнь свою».

Далее следовал пространный комментарий летописца: «“Праведный суд постиг его, неправедного, и после смерти принял он муки окаянного: показало явно... посланная на него Богом пагубная кара безжалостно предала его смерти”, и по отшествии от сего света, связанный, вечно терпит муки.

Есть могила его в том пустынном месте и до сего дня. Исходит же из нее смрад ужасен <...>. Ламех убил двух братьев Еноховых и взял себе жен их; этот же Святополк — новый Авимелех, родившийся от прелюбодеяния и избивший своих братьев, сыновей Гедеоновых; так и свершилось»¹⁴⁸.

В историографии давно сложилось мнение, что рассказ о гибели Святополка является одним из мифов или, если угодно, стереотипов древнерусской литературной традиции: он представил финал династического конфликта в соответствии со стандартной литературной оппозицией: как борьбу «праведного» мстителя с «неправедным» братоубийцей. По мнению Д.С. Лихачева, этот рассказ впервые был включен в Печерский свод 1073 г. Никоном¹⁴⁹. В настоящее время это утверждение подвергается сомнению¹⁵⁰, так как анализ различных версий гибели Святополка в памятниках Борисоглебского цикла позволяет настаивать на более позднем его происхождении.

Характерно, что в НІЛМ, которая до 1016 г. считается отражением Начального свода, приводится лишь короткий сюжет о бегстве Святополка к печенегам и его смерти «межи Чахи и Ляхи», где «дым до сего дни есть»¹⁵¹. Очевидно, подробный рассказ о гибели Святополка появился в летописной традиции лишь на рубеже XI—XII вв., в Начальном своде или ПВЛ. По мнению В.Я. Петрухина, текст ПВЛ в НІЛМ подвергся сокращению новгородским летописцем, заменившим во второй части статьи 1016 г. киевские события новгородскими¹⁵². С точки зрения И.Н. Данилевского, большая часть летописного рассказа 1019 г. восходит к «Анонимному сказанию», составленному до появления ПВЛ.

По мнению Данилевского (восходящему к сформулированной в 1920-х гг. концепции Г.М. Бараца), летописец, излагая официальную версию династического конфликта,

дискредитирующую Святополка, представлял узкому кругу «посвященных» читателей путем привлечения широкого круга параллельных текстов (2-я книга Маккавеев, «Хроника Георгия Амартола») информацию о его невиновности в форме своеобразного текстологического «ребуса», ключом к которому является упоминание о том, что после смерти Святополк «вечно мучим есть связан», имеющее сюжетные параллели как в апокрифической Книге Еноха, так и в канонической Книге Левит, где описываются искупительные жертвоприношения иудеев в пустыне. Таким образом, Святополк фигурально предстал перед «посвященным» читателем летописного текста как «козел отпущения». Об этом, как считает исследователь, свидетельствует и упоминание Святополка в перечне сыновей Владимира под 980 г., порядок которого со времен А.А. Шахматова соотносится с перечнем сыновей библейского патриарха Иакова по «Сказанию Епифания Кипрского о 12 драгоценных камнях на ризе первосвященника», согласно которому Святополк соответствует седьмому сыну Иакова Дану, который «замышлял» на младшего брата Иосифа так же, как Святополк на Бориса, однако ни тот ни другой не успели осуществить своих намерений...¹⁵³ Смысл летописного текста, по И.Н. Данилевскому, следует понимать так: «Нечестивый Святополк, повинный в пролитии крови человеческой, бежал от Ярослава как злодей и богохульник Антиох из Персии. И не было ему спасения. И умер он неведь где, подобно Ироду Окаянному, приняв муки за свое неверие. И после смерти вечно мучим, связанный в пустыне»¹⁵⁴.

Комментировать оригинальные аргументы И.Н. Данилевского довольно трудно, еще труднее поверить в них, поскольку подобная точка зрения обусловлена методологической парадигмой, в которой ПВЛ рассматривается как

«книга жизни», составляемая накануне Страшного суда. По словам исследователя, «мы привыкли думать, что летопись составлялась по княжескому заказу и соответственно предназначалась именно для князя. Обилие в летописи косвенных цитат, сложная образная система, на которой строится летописное повествование, заставляют усомниться в том, что автор адресовал свое произведение только ему. Обнаружить в летописи выявленный нами второй смысловой ряд, основанный на использовании библейских образов, очевидно, было по силам лишь просвященному человеку. Следовательно, можно полагать, что летописец адресовал сокровенный “текст” своего труда совершенно определенной аудитории». Но... созданный им «отчет» «в первую очередь предназначался для Того, кому в конце концов должны были попасть летописные тексты. А уж Он-то, вне всякого сомнения, разберется с любым “ребусом”, созданным человеком. Этого потенциального читателя летописец ни при каких условиях не мог игнорировать при составлении летописного известия. Ему же лгать нельзя. Перед Ним меркнет воля любого князя, любые “мирские страсти и политические интересы”. Забывать об этом — значит отказаться от того, чтобы понять летописца, а следовательно, и от того, что он написал. Летописец был христианином в полном смысле слова и хотя бы уже потому не мог не ориентироваться в своих поступках на христианскую систему нравственных ценностей. Для того чтобы понять это, надо просто захотеть услышать человека, мыслящего и говорящего иначе, чем мы. И чуть-чуть усомниться в собственной непогрешимости»¹⁵⁵.

Однако этого исследователь как раз не делает. «Методика верификации Данилевского включает в себя такие ходы, которые необходимо обнажить, чтобы не оказаться в поле гипнотического воздействия исследовательских манипуляций»,

а сам «принцип “верификации” таков: одно предположение порождает другое, сразу становясь “безусловным” фактом и опорой для нового предположения»¹⁵⁶. Как показал автор этих строк А.Л. Юрганов, Данилевский произвольно сближает летописные и библейские тексты — следствием этого является мистификация, игнорирующая буквальный смысл летописного сообщения. Если учесть, что метод Данилевского ориентирован как раз на демистификацию источников, то возникает ситуация, когда историк разрушает один миф, чтобы тут же создать другой.

На наш взгляд, виды этих мифов будут разными: в первом случае это миф источника, а во втором — миф историка. Миф историка альтернативен: его всегда можно отвергнуть, чтобы создать другой. Миф источника безальтернативен, потому что, отвергая его, мы подрываем основы исследования. По нашему мнению, источник можно подвергнуть критике, но окончательно отвергнуть его нельзя. Если следовать по пути И.Н. Данилевского, то, во-первых, необходимо будет признать, что древнерусские книжники, выполняя мирские политические «заказы», испытывали столь сильный трепет перед недремлющим оком Всевышнего, что, опасаясь неминуемой кары за свои прегрешения, «шифровали» для Него тайные «текстограммы» о реальном положении дел; а во-вторых, как доказать, что предполагаемое исследователем «генетическое досье» источника не являлось альтернативным и было использовано летописцем в действительности?

Как отмечает А.Л. Юрганов, идея «доносительства» противоречит природе божества, как ее понимали в Средние века. «Богу ничего не надо “сообщать”, Он не нуждается в почтовой информации, любые грехи Ему ведомы без всякой подсказки. От человека Он ждет только покаяния, но покаяние — это признание в грехах, прежде всего само-

му себе. Бог не глуховатый и не подслеповатый старичок, который не может, в силу своего неопределенного возраста, обойтись без помощников. Если прав Данилевский, то летописец — худший из еретиков, потому что он думает, что Бог не всевидящий и не всезнающий...» И «даже если мы на минуту согласимся с Данилевским (ну, допустим, абстрактно), что летописец действительно пишет для главного Читателя, — допускает критик, — то что же прочтет Он, получив такое “сообщение”? Святополк виноват в тяжких грехах (даже в неверии), и Святополк подобен козлу отпущения, которому приписаны все грехи. Виноват — и не виноват одновременно. Можно только догадываться, что подумает Бог, прочитав очередной “донос” слегка тронувшегося умом филера...»¹⁵⁷

Обратим внимание на лингвистические аргументы: так, смысл эпитета «окаянный», используемого в летописи в качестве характеристики Святополка, расшифровывается И.Н. Данилевским как «многострадальный», «несчастный». Действительно, и в древнерусском, и в церковнославянском языке, как сообщает словарь И.И. Срезневского, прилагательное «окаянный» использовалось в значении «несчастный», «жалкий», «грешный», «печальный», но в данном случае оно могло использоваться только в значении «проклятый», что следует из приведенной здесь же цитаты Псковской I летописи: «Володимер не любяше окаянаго Святополка»¹⁵⁸.

По предположению Б.А. Успенского, опирающегося на церковнославянское значение слова, на первых порах это применявшееся к Святополку определение понималось именно в первом значении и было связано с его уподоблением Каину из-за его происхождения от двух отцов — Ярополка и Владимира¹⁵⁹. Но если следовать этой логике, то «много-

страдальными» и «несчастливыми» надо признать и пятерых вышегородских бояр, которым Святополк поручил убийство Бориса и которые вместе с ним удостоились в памятниках Борисоглебского цикла эпитета «окаянный». В противном случае придется констатировать, что этот эпитет применялся к Святополку в первом значении, а к его пособникам — во втором. Конечно, учитывая его лексическое многообразие, можно допустить и такое объяснение, хотя оно открывает путь для смысловых манипуляций.

Согласно утверждению И.Н. Данилевского, единственным исследователем, которому удалось понять смысл эпитета «окаянный», был Н.М. Карамзин. Однако знаменитый историк имел в виду, что «имя окаянного осталось в летописях неразлучно с именем сего несчастного князя» не только потому, что «злодейство и есть несчастье», но и потому, что он заслужил «проклятие современников и потомства»¹⁶⁰.

Здесь возникает закономерный вопрос: можно ли предположить, что Н.М. Карамзин оказался в интерпретации летописных текстов прозорливее современных исследователей, как полагает И.Н. Данилевский? Вряд ли. Хотя бы потому, что он принадлежал к историкам, не подозревавшим о том, что летописный текст содержит какую-либо «закодированную» информацию. Поэтому фраза Карамзина не может иметь того смыслового значения, которое ей приписывает И.Н. Данилевский: она соотносится не с моральными приоритетами летописца, а с нравственными ценностями «историка государства Российского».

Сравнение Святополка с библейскими братоубийцами Каином и Ламехом подчеркивает стремление летописца к представлению его преступления в библейской ретроспективе. Следует обратить внимание на то, что во всех

древнерусских текстах была допущена одна и та же ошибка: под Ламехом имелся в виду сын библейского судьи Гедеона Авимелех. Однако, как полагает И.Н. Данилевский, Святополк отождествлялся не с Авимелехом, сыном библейского судьи Гедеона, о чем прямо говорится в летописном тексте, а с Авимелехом — филистимлянским царем, дважды едва не совершившим тяжкого проступка...¹⁶¹ Таким образом, летописец якобы пытался доказать непричастность Святополка к гибели Бориса и Глеба. Впрочем, исследователь не исключает, что летописец мог сравнивать с Авимелехом и Владимира Святославича, поскольку матерями обоих были рабыни¹⁶².

Спорность подобных интерпретаций не помешала И.Н. Данилевскому дать «окаянному» князю следующую характеристику: «Святополк был сыном своего времени. Возможно, жесток и коварен, подобно большинству своих современников-правителей. Но мало кто из них даже после смерти был так опозорен перед потомками, как он. Даже после смерти он не освободился от того, что мы называем политикой: на него, видимо, удалось “списать” целый ряд политических преступлений, совершенных другими, скажем, тем же самым Ярославом Мудрым»¹⁶³.

Эта гипотеза не была принята исследователями. По словам А.Ю. Карпова, «летописец вполне ясно обозначил свой выбор. Помимо прочего, Авимелех-братоубийца приходился незаконнорожденным сыном Гедеону, что означало двойную аналогию с князем Святополком, незаконнорожденным сыном Владимира. Достаточно привести развернутую цитату из летописи: “Се же Святополк новый Авимелех, иже ся бе родил от прелюбодаянья, иже изби братью свою, сыны Гедеоны; тако и съ бысть”. Совершенно очевидно, что какая-либо

двусмысленность и “амбивалентность” в этой характеристике Святополка отсутствуют напрочь»¹⁶⁴.

Мы рассмотрели здесь далеко не все постулаты концепции И.Н. Данилевского и аргументы его критиков, так как подобный анализ весьма усложнил бы сюжет этой книги (более подробно идеи Данилевского рассмотрены А.А. Шайкиным)¹⁶⁵. На наш взгляд, изложенного выше вполне достаточно для того, чтобы читатель мог получить представление о наиболее оригинальной интерпретации династического конфликта 1015—1019 гг. в современной историографии. Подводя итог, надо констатировать, что аргументы, приведенные И.Н. Данилевским, дали новый импульс развитию проблемы, но отнюдь не способствовали ее решению.

1.8. БРАТОУБИЙСТВО В БИБЛЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ. ПАРИМИЙНЫЕ ЧТЕНИЯ БОРИСУ И ГЛЕБУ

Рассказ ПВЛ о борьбе Ярослава со Святополком под 1015 и 1019 гг. частично совпадает с текстом паримийных чтений Борису и Глебу. Паримии, или адаптированные для богослужения фрагменты из Ветхого и реже Нового Завета, как правило, читались в церкви во время Великого поста и вечерних служб накануне больших церковных праздников. Одна из их разновидностей (так называемые исторические паримии) вместо традиционного библейского сюжета о Канине и Авеле — беспрецедентный случай для этого жанра! — содержит сюжет о Борисе и Глебе. Паримии Борису и Глебу читались 2 мая (в день перенесения мощей мучеников) и 24 июля (в день гибели Бориса), однако чтение их не считалось канонически обязательным, и они могли заменяться библейскими паримиями, считает Б.А. Успенский¹⁶⁶. Он же отмечает, что в исторических паримиях Борис и Глеб фи-

гурируют как один обобщенный образ мученика, объяснив это обстоятельство влиянием католической службы святому Вячеславу.

Сам факт существования Борисоглебских паримий уже давно вызывает недоумение: не исключено, что в данном случае «история Бориса и Глеба воспринималась как библейское повествование в переводе на язык русской истории — на конкретный язык русских реалий»¹⁶⁷. Подобное утверждение покоится на культурологических представлениях о том, что история в средневековой Европе воспринималась лишь в той мере, в какой она соответствовала библейским образцам, наделенным высшим духовным смыслом. Поэтому, на наш взгляд, необходимо выделить два уровня исторического восприятия, характеризующие современного человека и субъекта «другой» эпохи, воспринимаемой, с одной стороны, с позиции критического рационализма, а с другой — в исключительно религиозном контексте, где ключевым критерием достоверности является уподобление реальных исторических событий аналогам, зафиксированным библейской традицией.

Можно вполне обоснованно утверждать, что «культурная оппозиция» между ними заключается в своеобразии ментальных установок, определяющих интерпретацию исторического процесса. Вследствие этого то, что признается «историчным» в настоящий момент, возможно, не считалось таковым в эпоху Средневековья и, напротив, то, что было историчным для человека другой эпохи, зачастую игнорируется сейчас. В этом плане паримийные чтения Борису и Глебу с точки зрения Средневековья, несомненно, являлись «историчными» благодаря параллелям между Святополком, Борисом и Глебом, с одной стороны, и Каином и Авелем — с другой.

Если абстрагироваться от современных рационалистических представлений, можно сказать, что Борисоглебские паримии органично вписываются в ту культурную атмосферу, которая сложилась в течение первого столетия после Крещения Руси, когда в «Слове о Законе и Благодати» Киев отождествлялся с «Новым Иерусалимом»¹⁶⁸, а составитель ПВЛ без колебаний формулировал антитезу между царем Соломоном и князем Владимиром, который был «такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было семьсот жен и триста наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был невежда, а под конец обрел себе вечное спасение»¹⁶⁹.

Паримийные чтения Борису и Глебу — «типичное произведение нашей начальной письменности, главной характеристикой которой является творческое самоопределение внутри новой традиции, внутри заданного жанра. Как «Повесть временных лет» есть оригинальное творчество внутри хронографического жанра, так Паримийные чтения Борису и Глебу есть небывалое творчество внутри нового жанра библейских чтений». По утверждению Н.Н. Невзоровой, «столь непосредственное и смелое отношение к источнику возможно было только в самый ранний период восприятия христианства»¹⁷⁰.

Паримии, возникновение которых в настоящее время относится к первой половине XI в., еще более, чем ПВЛ, представляют династический конфликт 1015—1019 гг. в «смысловом контексте» Библии. Однако в их фокусе находятся не Борис и Глеб, а Святополк и Ярослав — братоубийца и мститель. Князья-мученики остаются на периферии сюжета: об их гибели сообщается как бы между прочим, на уровне факта, а не феномена. Составителя интересует именно осуждение братоубийства как явления, противоречащего религи-

озным представлениям, а вовсе не прославление тех, кто пал жертвой братоубийцы, — история их рассматривалась лишь как своеобразная иллюстрация общей идеи. Здесь внимание акцентируется прежде всего на мотиве «праведной мести», выраженном в молитве Ярослава перед сражением, — для составителя паримии эта мотивация является достаточной, и он еще более подчеркивает его введением агиографически стилизованного сюжета о помощи ангелов Ярославу во время битвы. Парадокс заключается в том, что светская традиция Борисоглебского цикла нашла свое воплощение в церковных паримиях, сформировавших стереотип мстителя за убитых братьев.

Как заметил С.А. Бугославский, «Ярослав применил в своей политической борьбе со Святополком не только вооруженную силу, но и перо писателя-публициста, опиравшегося на авторитет религиозных идей и традиций». Еще дальше пошел немецкий теолог Г. Подскальски, утверждавший, что в паримии история братоубийства и отмщения наблюдается глазами Ярослава Мудрого¹⁷¹. Согласно одной из гипотез, в основу паримийных чтений легла «Повесть о мести Ярослава за убитых братьев». По словам ее автора Н.И. Милютенко, «следы деления единого рассказа видны в “Повести временных лет” под 1015—1016 и 1018—1019 гг. Знаменательно, что оба рубежа в делении текста приходятся на стыки фрагментов, совпадающих с Паримийным чтением, со светскими летописными рассказами. В первом случае это описание новгородского веча, сборов Ярослава в поход (1015 г.) и Любечской битвы (1016 г.), во втором — рассказ о найме варягов в 1018 г. и описание Альтской битвы под 1019 г.»¹⁷².

Сопоставление паримии с летописными статьями 1015/16 и 1019 гг. по ПВЛ и НІЛМ в принципе не исключает того, что они могли восходить к общему протографу, правда,

в этом случае надо ориентироваться на совпадения между паримией и ПВЛ, поскольку текст НИЛМ контаминирует описание битвы у Любеча в 1016 г. и описание битвы на Альте в 1019 г. Можно предполагать, что гипотетическая «Повесть о мести за убитых братьев» входила в состав «Летописца Ярослава», который был использован в летописной (ПВЛ) и агиографической («Анонимное сказание») традиции, и в несколько модифицированном виде — при составлении паримийных чтений (так как существуют некоторые сомнения в том, что «Повесть о мести за убитых братьев» сохранилась в первоначальном виде именно в паримии).

Паримии состоят из трех чтений, представляющих собой изложение междукняжеской войны 1015—1019 гг. в контексте библейских фрагментов, которые своим каноническим авторитетом были призваны дискредитировать братоубийство как неприемлемое для христианина. В первом паримийном чтении говорилось: «Нехорошо замышлять зло» (Книга притчей, 17:26) против брата своего. «О, горе душе твоей, потому что ты собрал совет злой» (Книга Исаии, 3: 9—10) против двух праведных братьев своих. Сказал так: «Перебью братьев своих и буду один властитель на Руси». И не знал, что меч Божий точится на него, потому что не вспомнил Иоанна Богослова, обличающего его: «Возлюбленные, если кто скажет, что любит Бога, а брата своего ненавидит, тот — лжец» (1-е послание Иоанна, 4: 20)».

Нетрудно догадаться, что здесь осуждается не названный по имени Святополк. Его грех имеет вполне светскую мотивацию. Стремление к единовластию приводит к помыслам о братоубийстве, включенным в контекст Книги притчей, который раскрывает «перспективу грехопадения»: «...этот окаянный и братьев своих возненавидел, “сердце нечестивого немилостиво” (Книга притчей, 12:10). “Когда доходит без-

умный до глубины зла и не опасается, настагает его оскорбление, и поругание”, и бездна глубокая, и мука вечная, “и в конце увидят его на дне ада” (Книга притчей, 16:25)».

Второе паримийное чтение рассказывает о Ярославе, частично совпадая с текстом ПВЛ. Ярослав узнает о гибели Бориса и готовящемся убийстве Глеба и обращается к помощи новгородцев: «Ведь он и сам в то время был в ссоре с новгородцами, и они не хотели помогать ему против Святополка. Но вспомнили Апостольские слова: “Братья, Бога бойтесь, а князя чтите” (1-е послание, Петра 2: 17), “потому что он — слуга Господа. Не напрасно меч носит, в отмщение злодеям, в похвалу делающим добро” (Послание к римлянам, 13: 4; 1-е послание Петра, 2: 14)».

В тексте паримий Ярослав определяется как субъект Божественного возмездия: «...сей Ярослав, новый Авраам, пошел на Святополка, и призвав Бога, так сказал: “Не я начал убивать братьев, потому что без вины он пролил кровь эту праведную”. Ведь говорили ему Борис и Глеб: “Знай, брат, мы не противимся и не перечим, потому что пишется: “Господь гордым противится, смиренным дает благодать” (Послание Иакова, 4: 6; 1-е послание Петра, 5: 5)». Этот пассаж, присутствующий в более поздних списках, — единственное место в паримии, где страстотерпцы прямо противопоставляются Святополку.

Характерно, что, порицая Святополка как «высокоумного» грешника, противодействующего Провидению своим стремлением к единовластию, паримийные чтения, как и вся древнерусская традиция в целом, оправдывают Ярослава, который сделался «самовластцем», заключив последнего из своих братьев, Судислава, в «поруб», как утверждает летопись, на основании клеветнического обвинения¹⁷³. Однако у летописца нет даже намек на то, чтобы осудить

«самовластие» Ярослава, тогда как стремящийся к самовластию Святополк представляет в паримии характерный для средневековой историографии стереотип «неправедного правителя» — своеобразное наказание Бога за прегрешения Руси. По крайней мере, именно к такому выводу приводит пространное «Рассуждение о князьях», которое читается и в паримии, и в летописи.

«Если какая-то земля права будет перед Богом, ставит кесаря или князя ей, любящего суд и правду, и правителя назначает, и судью, вершащего суд. И если князья праведны будут, то многие согрешения отдаются земле, если же нечестивы, то большее зло насылает Бог на землю ту, потому что князь — глава земли. Так и Исаия сказал: “Согрешили с головы до ног” (Книга Исаии, 1: 6), то есть от кесаря до простых людей. “Горе городу тому, в котором князь юный” (Книга Екклесиаста, 10: 16) любит пить вино под гусли с молодыми советниками. Такого Бог дает за грехи, а зрелого и мудрого отнимает. Так отнял у нас Бог Владимира, а Святополка наслал за грехи наши, как в древности наслал на Иерусалим Антиоха. Ибо говорит Исаия: “Отнимет Господь от Иерусалима силу, и сильного исполина, и человека храброго, и судью, и пророка, и чудного советника, и смиренного старца, и мудрого искусника, и разумного подчиненного. И поставлю юношу над ними князем, и пусть насмешники владеют ими (Книга Исаии, 3: 1–4)»».

Не будет преувеличением сказать, что в данном случае мы имеем дело с целостной концепцией мировосприятия древнерусских книжников, в которой органично сочетаются традиционные элементы средневековой историософии: персонификация исторического процесса и провиденциализм. Противопоставление мудрого старца и неразумного юноши вполне логично отождествляется в паримийных чтениях с

Владимиром и сменившим его Святополком, но выглядит искусственной в летописи, где отсутствует раскрывающий ее смысл сюжет из Первой книги Маккавеев, заимствованный из византийской хронографии¹⁷⁴.

Паримийные чтения представляют весьма любопытную интерпретацию гибели Святополка: «А этот Святополк был новый Авимелех, который родился от прелюбодеяния от монахини, который перебил братьев своих, сыновей Гедеона, потом его самого женщина убила обломком жернова со стены. Так же было и со Святополком»¹⁷⁵. Сравнение Святополка с Каином и Ламехом еще раз подчеркивает стремление «древнерусских интеллектуалов» к представлению его преступления в библейской ретроспективе. Показательно то, что составитель паримии приводит отличную от летописной версию гибели Святополка, которая присутствует только в «Чтении» Нестора.

1.9. СОЮЗ БЕРЕСТЬЯ, ПОЛОЦКА И ТМУТАРАКАНИ. ФАКТЫ И ГИПОТЕЗЫ

Последним историческим фактом, касающимся Святополка, является сообщение о его бегстве в Берестье. Интересно, что в ПВЛ под 1022 г. сообщается о приходе Ярослава к этому городу. В промежутке между этими событиями летописи сообщают о конфликте нового киевского князя с полоцким, поэтому, если рассматривать эти разрозненные события в исторической взаимосвязи, нельзя исключать того, что бежавший в Берестье Святополк мог заключить союз с Полоцком и, возможно, с Тмутараканью, где активизировался еще один из сыновей Владимира — Мстислав. Приведем аргументы, на которые может опираться подобная гипотеза.

Под 1021 г. в ПВЛ говорится, что племянник Ярослава Брячислав разграбил Новгород, а жителей его вывел в Полоцк. Однако с новгородским «полоном» он успел дойти только до реки Судомири, где его нагнал шедший из Киева Ярослав, который сумел нанести ему поражение и освободить пленных. Надо полагать, что конфликт был достаточно быстро урегулирован, ибо Новгородская IV летопись сообщает: «И тогда призвал к себе [Ярослав Брячислава] и дал ему два города — Усвят и Витебск, и сказал ему: “Будь же со мною заодно”. И воевал Брячислав [вместе] с Ярославом все дни жизни своей»¹⁷⁶.

Мы не можем точно сказать, к какому именно источнику восходят подобные сведения (по крайней мере, они отсутствуют в текстах, отражающих Начальное летописание XI—XII вв.). Не исключено, что это домысел позднейшего летописца, представлявшего, будто переход Брячислава на сторону Ярослава был куплен уступкой Усвята и Витебска, однако с ее помощью киевскому князю удалось приобрести важного стратегического партнера: принципиальным остается тот факт, что вооруженный конфликт 1021 г. явно не был локальным эксцессом в отношениях между Киевом и Полоцком, каким он описывается в ПВЛ.

Если новгородское летописание первой половины XV в. позволяет предположить, что одной из причин столкновения между Киевом и Полоцком была борьба за Усвят и Витебск, то Ян Длугош полагал, что истинной причиной конфликта была борьба за Новгород. В одной из глав «Польской истории» он пишет: «После того как князь Руси Ярослав обратил в бегство и уничтожил одного противника, а именно князя Святополка, возник другой противник, и место брата занял племянник. Князь Бретислав, сын полоцкого князя Изяслава, собрав войско из своих полочан

и варягов, выступает против Новгорода, занимает его и, завладев и подчинив себе все Новгородское княжество, оставив там посадников, отправился назад в Полоцк, на отчий стол. Киевский князь Ярослав, оскорбленный тем, что у него отняли [владение] наследственного жребия, а именно Новгородское княжество, встретил его <у реки Судомири>. В начавшемся между ними жестоком сражении одолел Ярослав, а Бретислав, после гибели многих, спасся бегством в Полоцк, Ярослав же вновь обретает Новгородское княжество <и возвращает добычу>¹⁷⁷.

В любом случае на этом борьба за власть над волостями для Ярослава не закончилась. Под 1022 г. в ПВЛ сообщается: «Пришел Ярослав к Берестью»¹⁷⁸. Относительно того, как следует интерпретировать это краткое сообщение, существуют разные гипотезы: от представления его как очередного этапа польско-русской войны за «Червенские города» до локальной операции против Святополка. Наконец, оба извода НІЛМ сообщают еще об одном походе Ярослава к Берестью в 1017 г., поэтому в историографии возник вопрос: сколько раз Ярослав вообще ходил к Берестью? Часть исследователей склоняется к мнению А.А. Шахматова, считавшего, что новгородское летописание таким образом продублировало известие ПВЛ под 1022 г.¹⁷⁹ Критики шахматовской гипотезы полагают, что ошибка была допущена не в НІЛМ, а в ПВЛ¹⁸⁰.

Интересно, что это известие читается в обеих редакциях НІЛМ, старшая из которых, по мысли Шахматова, отражала предшествовавший ПВЛ Начальный свод 1093—1095 гг., поэтому в летописях вполне могла отразиться информация о разных военных кампаниях. Можно предполагать, что после поражения у Любеча Святополк, бежавший «в Ляхи», нашел убежище в приграничном Берестье, что и вызвало первый

поход Ярослава в 1017 г. Аналогичным образом он поступил и после поражения у Альты, о чем уже прямо сообщают летописи¹⁸¹, однако реакция Ярослава, занятого войною с Полоцком, последовала лишь три года спустя. Источники не говорят о том, чем закончилась военная кампания 1022 г., хотя не исключено, что за лаконичностью летописного текста скрывался важный политический ход.

Одной из загадок войны за наследство Владимира является тайна гибели Святополка: мы не можем точно говорить не только о весьма сомнительных обстоятельствах его смерти, но даже о ее месте и времени, так как летописная датировка позволяет предполагать лишь то, что Святополк умер после 1019 г. В связи с этим представляются обоснованными гипотезы, позволяющие «отодвинуть» гибель Святополка к началу третьего десятилетия XI в. При отсутствии явных доказательств некоторые исследователи обращаются к сюжету скандинавской «Пряди об Эймунде», предполагая, что Святополк был тайно убит варягами по приказанию Ярослава, отмечая при этом, что летописное сравнение его с библейским судьей Авимелехом, погибшим при осаде составшего палестинского города Фивиса, явно намекает на насильственную смерть князя¹⁸².

Однако наряду с летописной в древнерусской литературной традиции бытовали и другие сравнения и, следовательно, другие версии гибели Святополка. Ведь только в последней четверти XI столетия на Руси было создано сразу несколько «сценариев» династической борьбы 1015–1019 гг., и все они значительно различались между собой. Если учесть, что вышли они, вероятно, из стен одного и того же скриптория Печерского монастыря в Киеве, с разницей в несколько лет, можно только удивляться полету мысли «древнерусских интеллектуалов», стоявших у истоков создания Борисоглебского цикла.

1.10. БОРИС, ГЛЕБ И СВЯТОПОЛК В «АНОНИМНОМ СКАЗАНИИ»

Крупнейшим памятником Борисоглебского цикла является «Анонимное сказание», к тексту которого мы не раз уже обращались. Предполагается, что оно возникло в 1070-х гг. и после 1115 г. было дополнено «Сказанием о чудесах» Бориса и Глеба: по содержанию и структуре оно аналогично легендам Святовацлавского цикла, где рассказывается о гибели чешского князя Вацлава-Вячеслава, ставшего в X в. одним из первых славянских святых, в нем также присутствуют следы влияния болгарской и византийской агиографии.

Начало изучению «Анонимного сказания» в середине XIX в. положил академик М.П. Погодин, однако первым публикатором его стал московский митрополит Макарий (Булгаков). Сначала исследователи отождествляли автора «Анонимного сказания» с пресвитером Иаковом (известным в историографии как Иаков-«мних»), упоминаемым в ПВЛ под 1074 г. в качестве одного из вероятных преемников печерского игумена Феодосия; ему также приписывались «Память и похвала князю Владимиру» и ряд других сочинений XI в. Эта атрибуция породила оживленные дискуссии.

Поскольку текст «Анонимного сказания» частично совпадал с повестью «Об убиении Борисове», читающейся в летописи, академик И.И. Срезневский в 1853 г. высказал мнение, что летописная повесть возникла в результате сокращения «Анонимного сказания», однако после появления работ А.А. Шахматова большинство исследователей считали первичной летописную повесть (по шахматовской терминологии — сказание) «Об убиении Борисове».

По мнению Шахматова, Краткая редакция сказания, представленная в Лаврентьевском и Радзивилловском списках ПВЛ, была более ранней, чем Пространная, читавшаяся в Ипатьевском и Хлебниковском списках. Прежде всего его интересовал вопрос о протографе статьи 6523 (1015) г., утраченной в Новгородской I летописи старшего извода (далее — НИЛ), которая отражала памятники начального летописания, предшествовавшего ПВЛ. Шахматов полагал, что статья 6523 г. НИЛ представляла компиляцию дефектного текста Начального свода 1093—1095 гг., в котором, по сравнению с ПВЛ, отсутствовала похвала Борису и Глебу, и Новгородского свода 1448 г., ставшего протографом Новгородской IV и Софийской I летописей (так как в последующем его датировка была А.А. Шахматовым скорректирована, в историографии он известен также как Новгородско-Софийский свод 30-х гг. XV в.).

Исследователь считал, что статья 1015 г. была положена в основу Пространного жития, обозначенного им как «Сказание, страсть и похвала святая мученикам Борису и Глебу» (напомним, что сегодня за ним закрепилось название «Анонимного сказания», так как атрибуция Иакову-«мниху» считается спорной). Свою точку зрения А.А. Шахматов аргументировал тем, что «житийное сказание не содержит в себе ничего существенного, чего бы не было в летописном; оно отличается от летописного сказания одною риторикой, так как в нем вставлены длинные речи и причитания, сначала Бориса, потом Глеба; длинные размышления приписаны самому Святополку после того, что он убил Глеба. Летописное сказание (повесть «Об убиении Борисове». — Д.Б.) полно определенных фактов; риторики в нем мало; в сущности, риторика прорвалась только в предсмертном причитании Глеба. Мы знаем ценность сообщаемых нашею летописью фактов;

если летописец умел так или иначе представить длинный ряд событий X и XI вв., то естественно ему же приписать занесение на письмо фактов, относящихся к убийству Бориса и Глеба». Поскольку, «за исключением общих с летописью фактов, в житии остается одна риторика и лирика», она, по его мнению, «могла быть прямо сочинена составителем жития»¹⁸³. Единственным фактическим дополнением составителя «Анонимного сказания» стала информация о том, что Борис был убит варягами «в бору»; как полагал исследователь, это произошло в урочище у Дорогожича, где в XII в. был возведен храм Борису и Глебу¹⁸⁴.

Вторую жизнь точке зрения Срезневского в XX в. дали Н.Н. Ильин и А.В. Поппэ: согласно их представлениям, именно «Анонимное сказание» являлось древнейшим памятником Борисоглебского цикла, оказавшим влияние на всю последующую агиографическую и летописную традицию. Это позволяло, с одной стороны, отвергать гипотетическую возможность существования древнейших памятников цикла в эпоху Ярослава Мудрого, а с другой — подозревать в фальсификации фактов единственные источники, которые позволяют говорить о причастности Ярослава к становлению Борисоглебского культа, — «Сказание о чудесах» Бориса и Глеба и «Чтение» Нестора.

Более 150 лет проблема текстуального соотношения повести «Об убиении Борисове» и «Анонимного сказания» (иногда совпадающих почти дословно) являлась одним из наиболее спорных вопросов в источниковедении, напрямую связанных с генезисом Начального летописания, фундаментом которого был Древнейший Киевский свод. Однако, как мы говорили выше, есть основания полагать, что повесть «Об убиении Борисове» восходила не к летописной традиции, а к агиографическому источнику, которым могли быть Вышего-

родские церковные записки. Поэтому проблема приобретает более узкий ракурс, в котором рассматривается не соотношение летописной традиции с «Анонимным сказанием», а соотношение двух агиографических памятников между собой и с их общим источником — Вышегородскими записками.

Н.Н. Ильин выявил сюжетную связь «Анонимного сказания» не только с памятниками византийской агиографии (о чем писал еще С.А. Бугославский), но и с преданиями о гибели чешского князя Вацлава-Вячеслава, которые использовались в качестве образца. «В преданиях о Вячеславе, равно как и в повествовании об убийстве Бориса и Глеба, находим: и ночное совещание братоубийцы с сообщниками, и коварные его предложения своей жертве, и предостережения, которые получал последний от своих доброжелателей; детали обстановки убийства совпадают: ночь, предсмертная заутреня, избиение и ограбление приближенных князя и даже само убийство не сразу, а как бы в два приема; о гибели убийц Вячеслава сообщается почти в тех же выражениях, как о гибели Святополка; чудесные явления, благодаря которым было обретено тело Глеба, таковы же как знамения, которыми обнаружило себя тело бабки Вячеслава, Людмилы.

Все эти подробности в русском предании о Борисе и Глебе отразились в измененном виде. Для замены Болеслава Святополком, а Вячеслава Борисом требовалось перенести арену событий в Киев, затем Вышегород и, наконец, на берег Альты, сообразно данным русского предания о месте гибели Бориса. Изменилась и общая обстановка событий, применительно к положению, в котором, по этим данным, оказались Борис и Святополк. Задача эта выполнена блестяще. Вернее сказать, что мы имеем дело не с простым заимствованием, а с мастерской литературной переработкой жития Вячеслава.

Созданное русским автором литературное произведение в художественном отношении выше оригинала, которому он подражал»¹⁸⁵.

Интересно, что «Анонимное сказание» допускает отклонение от летописной версии, сообщая, что местом княжения Святополка был не Туров, а Пинск (как полагал А.А. Шахматов, замена одного города другим была произведена для того, чтобы избежать аналогий между Святополком Окаянным и Святополком Изяславичем)¹⁸⁶. Хотя эта точка зрения остается бездоказательной, она принимается некоторыми исследователями¹⁸⁷. В то же время еще С.М. Соловьев высказал предположение, что местом последнего княжения Святополка был Вышегород¹⁸⁸, однако в XI столетии этот город, скорее всего, был загородной резиденцией князя киевского: он сделался центром самостоятельной волости лишь во второй трети XII в.

Сюжет о походе Бориса на печенегов и смерти Владимира в «Анонимном сказании» в целом аналогичен повести «Об убиении Борисове», если не считать агиографически стилизованной характеристики Бориса. Однако «Анонимное сказание» усиливает элементы «провиденциального историзма», о которых мы писали выше: Борису заранее известны намерения Святополка, который, замышляя братоубийство, «о суете мирской печется», поэтому вместо динамики разворачивающегося конфликта мы наблюдаем антитезу братьев по их нравственным качествам, по их отношению к власти. Это излюбленный стилистический прием агиографа: «Он противопоставляет святого, “положившего надежду на Бога”, его брату, “обретенному дьяволом”, и столкновение Бориса со Святополком предстает как часть извечной борьбы Сатаны и Бога» (Н.И. Милютенко)¹⁸⁹.

Сюжет «Анонимного сказания» сконструирован таким образом, что действия Бориса представляются позитивными, в то время как все действия Святополка негативны. Его образ представлен здесь более отрицательным, чем в повести «Об убиении Борисове». «Анонимное сказание» ориентировано на корреляцию событий 975—980 гг. (война за наследство Святослава) и 1015—1019 гг. (война за наследство Владимира); это его принципиальное отличие от летописной традиции. «Конфликт 1015—1019 гг. автор летописи воспринимает конкретно, не типизируя его. Он, например, не проводит никаких прямых параллелей с наиболее близко хронологически борьбой между детьми Святослава — ни в характеристике конфликта в целом, ни в оценке отдельных персонажей. Примечательно, что агиографический текст — «Сказание» — содержит подобное сопоставление в речи Бориса, осуждающего опыт отца и его братьев. Этот конфликт, в котором участвовали ближайшие предшественники героев, в том числе и их отец, не упоминается в летописной истории Бориса и Глеба прямо, тем не менее в самих повествованиях об обоих конфликтах содержится ряд близких или совпадающих — тематически или риторически — высказываний, характеризующих отдельных персонажей или их действия», — считает М.Ю. Парамонова¹⁹⁰.

Антагонизм действующих лиц «Анонимного сказания» обусловлен их менталитетом. Борис опасается уступить уговорам и развязать междоусобную войну, удостоившись за этот проступок не только прижизненного, но и посмертного осуждения. Поэтому, будучи убежден в бренности земного благополучия, он отвергает перспективу междоусобной войны за киевский «стол», вести борьбу за который предлагают ему дружинники накануне гибели на Альте. «Если пойду в дом отца своего, то многие люди станут уговаривать

меня прогнать брата, как поступал, ради славы и княжения в мире этом, отец мой до святого крещения, — говорит Борис. — А все это преходящее и непрочно, как к паутина. Куда я приду по отшествии своем из мира этого? Где окажусь тогда? Какой получу ответ? Где скрою множество грехов своих? Что приобрели братья отца моего или отец мой? Где их жизнь и слава мира сего, и багряницы, и пиры, серебро и золото, вина и меды, яства обильные, и резвые кони, и хоромы изукрашенные, и великие, и богатства многие, и дани и почести бесчисленные, и похвальба боярами своими. Всего этого будто и не было: все с ними исчезло, и ни от чего нет подспорья — ни от богатства, ни от множества рабов, ни от славы мира сего»¹⁹¹.

Считается, что в условиях симбиоза древнерусских и византийских традиций наследования власти, начавшихся после Крещения Руси, поступок Бориса дал новое идеологическое обоснование принципу старшинства в роду Рюриковичей (В.Я. Петрухин)¹⁹², однако, допуская подобное утверждение, необходимо помнить, что перед нами агиографически стилизованная картина, а не реальное отображение фактов (А.Е. Пресняков)¹⁹³. «Анонимное сказание», акцентируя внимание не только на принадлежности Бориса к княжескому роду, но и на его «этикете поведения», который должен был служить образцом для всех его представителей, выразило взгляд клерикальной элиты древнерусского общества на политические проблемы XI в. в контексте доминирующих религиозных представлений. Поэтому представляется правильным атрибутировать эти идеи не самому Борису, а составителям «Сказания» в последней четверти XI в., которые добивались их популяризации при помощи вновь созданного культа.

В данном случае это не столько исторический факт, сколько факт историографии древнерусской общественной мысли, ибо, «создав образ святого сына Владимира, киевская церковь старалась внушить читателям “Сказания” новую концепцию власти и новую мораль, необходимую русской православной столице, которой все время угрожали династические распри» (Р. Пиккио)¹⁹⁴. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что проблема соблюдения родового старшинства, выразителем которой является Борис в «Анонимном сказании», стала актуальной лишь в 70-х гг. XI в., когда началась борьба между сыновьями Ярослава Мудрого, переросшая в перманентную династическую войну за распределение волостей. В следующем столетии эта проблема, ставшая еще более актуальной вследствие расширения княжеского рода, отразится в «Слове похвальном на пренесение святых мучеников Бориса и Глеба», более известном как «Слово о князьях»¹⁹⁵.

Не менее стереотипен в «Анонимном сказании» образ Глеба: с одной стороны, его действия описаны по той же модели, что и действия Бориса, с другой — им присущи несколько иные черты. Если «этикет поведения» Бориса в «Анонимном сказании» ориентирован на создание традиционного для средневековой историографии стереотипа «правителя-мученика», то «этикет поведения» Глеба ему противоположен, — он следует не столько идеалу мученичества, сколько идеалу христианского смирения (Р. Пиккио). Образы князей-мучеников объединены лейтмотивом христианского братолюбия. Им противопоставляется стереотип «грешника» Святополка, красноречиво выраженный в его рассуждениях, оправдывающих убийство Глеба: «Если остановлюсь на этом убийстве, то две участи ожидают меня, когда узнают о случившемся братья мои, то подсте-

регши меня, воздадут мне горше содеянного мною. А если и не так, то изгонят меня, и лишусь престола отца моего, и сожаление по утраченной земле моей изложет меня, и поношения поносящих обрушатся на меня, и княжение мое захватит другой, и в жилищах моих не останется живой души. Ибо я погубил возлюбленного Господом и к болезни добавил новую язву, добавлю же к беззаконию беззаконие. Ведь и грех матери моей не простится, и с праведниками я не буду вписан, но изымется имя мое из книг жизни»¹⁹⁶. Обращением к легенде о происхождении Святополка, считает М.Ю. Парамонова, агиограф еще более усугубляет негативный образ мотивом «личной отверженности», который, будучи сформирован на уровне самосознания, констатирует невозможность иного пути развития событий: «беззакония» Святополка предопределены его «беззаконным» рождением. «Книги жизни», упоминаемые в Апокалипсисе, должны были определить участь человека на Страшном суде, и тот, чье имя не было записано в них, должен был быть брошен в «озеро огненное»¹⁹⁷. Таким образом, Святополк знал об ожидавшей его участи задолго до Страшного суда.

Кульминацией «Анонимного сказания» является противостояние Святополка и Ярослава. В отличие от летописной традиции, представляющей собой развернутую панораму событий 1015—1019 гг., оно описывает обстоятельства междукняжеской войны лаконично: Ярослав, не стерпев «злого убийства», двинулся на братоубийцу и начал с ним воевать. «И всегда соизволением Божиим и помощью святых побеждал в битвах Ярослав, а окаянный бывал посрамлен и возвращался побежденным»¹⁹⁸.

В «Анонимном сказании» соединены различные версии гибели Святополка: здесь присутствует и мотив о его бегстве в пустыню, и сравнение с Каином и Ламехом, но,

кроме того, сравнение с «цесарем Иулианом», который пролил много крови святых мучеников и был «неведомо кем» пронзен копьём в сердце¹⁹⁹. Это историческое с современной точки зрения сравнение Святополка с римским императором Юлианом Отступником, племянником Константина Великого, весьма показательно, если учесть, что историография XI столетия уподобляла Константину Владимира Святославича, племянником которого, по мнению автора «Анонимного сказания», был Святополк. Как отмечают исследователи, образ Константина Великого являлся эталоном как для средневековой историографии в целом, так и для древнерусской книжности в частности²⁰⁰. Сравнивая Святополка с Юлианом, последним языческим правителем Рима, «Анонимное сказание» как бы относило его к числу язычников: символически Святополк был представлен последним языческим правителем Руси.

Итак, есть основания утверждать, что составитель «Анонимного сказания» в 70-х гг. XI в. искал аналоги событиям 1015—1019 гг. в античной истории эпохи утверждения христианства. В 1080-х гг. по этому же пути последовал составитель «Чтения о житии и погублении Бориса и Глеба», и лишь позднее, на рубеже XI—XII вв., «древнерусские интеллектуалы» стали искать их в «священной» библейской истории²⁰¹. Не располагая достоверной информацией об обстоятельствах смерти князя, кто-то из летописцев придумал легенду о том, что Святополк погиб в «пустыни межи Ляхы и Чехы» и что могила его сохранилась «до сего дне».

Интересно, что в летописании XVI в. эта фраза встречается в измененном виде. Как сообщает Никоновская летопись, «есть же могила его в пустыни и до сего дни, исходит же из нея смрад зол, ибо разседшися земля пожре его». Примерно так же выразился составитель более раннего «Хронографа»

начала XVI в.: «И разседшия земля пожъре его межи Чахи и Ляхи»²⁰². Надо полагать, что к тому времени указание на то, что Святополк скончался в «пустыни» (или, как полагает Б.А. Успенский, «в пустом месте»), уже не могло удовлетворить читателя, поэтому в текст было внесено дополнение, согласно которому Святополка поглотила земля.

1.11. КОНЦЕПЦИЯ НЕСТОРА

Наряду с теми «сценариями» междукняжеской борьбы за наследство Владимира Святого, которые сложились в ПВЛ и «Анонимном сказании», существовала еще одна интерпретация этой династической коллизии, сформулированная автором «Чтения о житии и погублении Бориса и Глеба» печерским монахом Нестором.

С начала XIX в. существуют две историографические традиции, представители одной из которых склонны видеть в Несторе-агиографе и Несторе-летописце одно и то же лицо, в то время как представители другой видят в составителе ПВЛ и авторе «Чтения» разных исторических персонажей, так как их концептуальный подход к таким фундаментальным вопросам, как, например, распространение христианства в Русской земле, имеет значительные отличия.

В историографии утвердилась датировка «Чтения», предложенная А.А. Шахматовым (1081—1088 гг.)²⁰³. Альтернативная датировка С.А. Бугославского (1108 г.) является маргинальной²⁰⁴. Поддерживая гипотезу П.В. Голубовского о том, что общим источником «Анонимного сказания» и «Чтения» могли быть записи Вышегородской церкви, Шахматов отрицал существование протографа «Чтения», мотивируя это тем, что «Нестор дал бы более совершенное произведение, если бы у него были предшественники»²⁰⁵. В то же время ис-

следователь находился в убеждении, что Нестор заимствовал факты для своего труда не только из Вышегородских записок, но и из Древнейшего Киевского свода²⁰⁶. С его точки зрения, «Чтение» зафиксировало первоначальную редакцию летописного сказания из Древнейшего свода, где отсутствовал целый ряд конкретных деталей (место гибели Глеба, место гибели Бориса, имя Георгия «утрина», слуги Бориса и т.д.), появившихся в тексте Начального свода из «Жития Антония Печерского»²⁰⁷.

По мнению Шахматова, «состав Начального свода был сложнее состава Несторова сказания, и это отражалось на необходимости согласовывать источники, комбинировать их и давать таким образом иной раз придуманные известия, искусственно составленные сообщения». Хотя вопрос об источниках «Чтения» и его месте среди памятников цикла остается дискуссионным, в настоящее время утвердилось мнение, что при его составлении Нестор мог опираться на повесть «Об убиении Борисове», Вышегородские церковные записки, «Анонимное сказание», а возможно, и свод Никона, над продолжением которого, согласно гипотезе В.К. Зиборова, он работал в 1075—1078 гг. Эта гипотеза предусматривает, что Нестор обращался к летописной работе дважды: во второй половине 70-х гг. XI столетия (в качестве сотрудника Никона) и в начале XII в. (как составитель первой редакции ПВЛ)²⁰⁸.

Как бы то ни было, Нестор в значительной степени модифицировал сведения своих источников в соответствии с целями и задачами агиографического сюжета: так, борьбу за наследство Владимира он раскрыл, с одной стороны, в универсальном для средневековой историографии контексте противостояния Бога и дьявола, а с другой — во всемирно-историческом аспекте становления христианства,

что выделяет его произведение среди других произведений Борисоглебского цикла. Для создания этого монументального введения агиограф использовал «Речь философа» к Владимиру Святославичу, сочинения Отцов Церкви, памятники агиографии и апокрифы. И фактографически и концептуально труд Нестора настолько отличается от других памятников, что некоторые исследователи (например, А.Л. Никитин) склонны возводить к нему генезис всего Борисоглебского цикла.

«Чтение» более всех других памятников этого цикла относится к агиографии — наиболее специфическому жанру средневековой литературы. Анализ памятников агиографии сопряжен с определенными трудностями в интерпретации текстов, подверженных влиянию «литературного этикета»²⁰⁹. Согласно современным представлениям, агиографический жанр является комплексом универсальных композиционных характеристик, так называемых идеологических констант, среди которых выделяются такие, как идеал христианского государя — поборника веры; восхваление происхождения святого; его высокое социальное положение; идеализация святого как благодетеля бедных; восхваление страданий и смерти святого; наказание Божье для убийц; сказание о чудесах святого и т.д. (Дж. Ревелли)²¹⁰.

«Чтение», считающееся каноническим памятником, составленным после официальной канонизации князей-мучеников, включает весь набор идеологических констант, что делает образы участников династического конфликта еще более «этикетными». Однако не следует воспринимать «Чтение» только как памятник церковной литературы, не отражавший никаких политических тенденций. Напротив, труд Нестора был весьма актуален в условиях первого этапа

войны за «Черниговское наследство» (1078–1079), — когда против Изяслава и Всеволода Ярославичей выступили их племянники, оспаривавшие их право на волости умершего Святослава Ярославича, — так как последовательно проводил идею иерархической подчиненности «младших» князей «старшим».

Нестор отказался от интерпретации событий 1015 г. с точки зрения родовой вражды, которая была предложена составителем «Анонимного сказания», и признал происхождение Святополка от Владимира. В «Чтении» отсутствует сюжет об аморальном поведении Владимира до принятия им христианства: вместо него создан стереотип «доброго язычника», трансформирующийся в образ «праведного христианина». По словам Нестора, Святополк противопоставлял себя Борису еще при жизни отца не только по тем мотивам, которые приводят паримийные чтения и «Анонимное сказание»: «Начал он замышлять против праведного, потому что хотел окаянный всю страну погубить и властвовать один», но также и потому, что думал, будто Борис «хочет после смерти отца своего занять престол»²¹¹.

Именно Нестор первым сформулировал предположение о том, что Борис рассматривался в качестве потенциального наследника Владимира Святославича, что ущемляло права других его сыновей. Между тем небольшое количество списков «Чтения» (по сравнению с другими памятниками цикла) свидетельствует о том, что подобные представления не были восприняты за пределами узкой агиографической традиции. Как отметил С.А. Бугославский, чтению суждено было скромное существование в последующих веках — в немногих списках и в нескольких позднейших переработках, сделанных под влиянием того же анонимного Сказания,

куда более авторитетного в кругах древнерусского книжника, чем мало популярный труд Нестора»²¹².

Нестор целенаправленно выделяет Бориса и Глеба среди других сыновей Владимира, чтобы их образы оказались в центре произведения: в данном случае был использован агиографический шаблон, призванный подчеркнуть привилегированное положение святых (и прежде всего Бориса) в княжеской семье, вследствие чего и зародилась ненависть к нему Святополка. В отличие от других памятников цикла, где Ярослав фигурирует в образе «мстителя», в «Чтении» он представлен как «христоробец», «муж праведен и тих».

Характерной чертой труда Нестора является «избыточная информация» о событиях 1015–1019 гг., которая не имеет аналогов в других источниках (например, упоминание о женитьбе Бориса)²¹³. «Чтение» расходится с другими памятниками относительно распределения княжений между сыновьями Владимира. Если ПВЛ и «Анонимное сказание» утверждают, что Борис получил княжение в Ростове, то, по словам Нестора, он был посажен на княжение во Владимире (на Вольни). Отношение к достоверности этого свидетельства остается спорным: в то время как одни исследователи склонны относиться к нему скептически (В.К. Зиборов)²¹⁴, другие принимают его в качестве составного элемента гипотетических реконструкций (Н.И. Милотенко)²¹⁵.

Целью похода Бориса во главе княжеской дружины летом 1015 г. Нестор считает не отражение печенежской угрозы, а усмирение восставших городов. Агиограф сообщает, что на обратном пути Борис трижды получал известия о коварных замыслах Святополка, захватившего власть в Киеве после смерти отца, безуспешно пытался вступить с ним в переговоры и в конце концов погиб от рук убийц. Если в остальных

памятниках цикла решение об убийстве Бориса принимается Святополком на совете с вышегородскими боярами, то «Чтение» проводит параллель между убийством Авеля Каином, которое дьявол явил ему во сне, и убийством Бориса Святополком. Изложение гибели Бориса почти полностью совпадает с «Анонимным сказанием».

История убийства Глеба изложена Нестором с некоторой модификацией: Глеб, узнав о вокняжении в Киеве Святополка, пытался бежать на запад, «в полунощные страны», где княжил один из братьев святого, и был убит по дороге. Возможно, это сообщение обусловлено необходимостью подчеркнуть роль новгородского князя Ярослава. В то же время «Чтение» — единственный из памятников цикла, где сообщается, что Святополк лишился власти не вследствие борьбы с Ярославом, а в результате народного восстания, вспыхнувшего после того, как он «и на остальных братьев начал гонения, желая их всех убить, чтобы владеть всеми землями одному».

По словам Нестора, «люди подняли мятеж, и был он изгнан не только из города, но и из всей страны. Бежал в чужие земли, там и кончил свою жизнь и испустил дух»²¹⁶. Если мы сопоставим этот сюжет с сюжетом о библейском братоубийце Авимелехе, лишившемся власти в результате восстания своих подданных (о котором, в отличие от других памятников цикла, в «Чтении» не упоминается), то весьма вероятным будет предположение, что именно такая участь должна была постичь братоубийцу согласно представлениям агиографа. Эти представления перекликаются со взглядами составителя паримийных чтений, поэтому, учитывая специфику того и другого памятника, можно говорить о том, что эта особенность была отличительной чертой церковной традиции.

1.12. ПОЧЕМУ БОРОЛСЯ ЗА КИЕВ МСТИСЛАВ ТМУТАРАКАНСКИЙ?

Гибелью Святополка война за наследство Владимира не закончилась, так как на юге активизировался его предполагаемый партнер по коалиции Мстислав Тмутараканский. С начала 20-х гг. XI в. ПВЛ начинает проявлять интерес к его деятельности. Как сообщается под 1023 г., «пошел Мстислав на Ярослава с хазарами и касогами». В 1024 г. «...пришел Мстислав из Тмутаракани в Киев, и не приняли его киевляне. Он же пошел и сел на столе в Чернигове; Ярослав же был тогда в Новгороде»²¹⁷.

Историкам приходится прилагать немало усилий для того, чтобы объяснить, почему в борьбу за власть в Среднем Поднепровье в третьем десятилетии XI в. включился правитель периферийной Тмутаракани, неожиданно развернувший вектор экспансии с юго-востока на север. По уникальному свидетельству, сохранившемуся в «Истории» В.Н. Татищева, «Мстислав посылал к Ярославу, прося у него части в прибавок из уделов братних, которыми тот завладел. И дал ему Ярослав Муром, чем Мстислав не желал быть доволен, начал войско готовить на Ярослава, собрав своих, а к тому казаров и косогов присовокупив, ожидал удобного времени»²¹⁸. Согласно гипотезе В.Я. Петрухина, Мстислав как наследник политических традиций хазар претендовал на территории, которые в IX—X вв. платили дань Хазарскому каганату²¹⁹. По версии Н.Ф. Котляра, Мстислав претендовал на Киев потому, что был старшим сыном Владимира от полоцкой княжны Рогнеды и, следовательно, старшим братом Ярослава.

Хотя ПВЛ подчеркивает (в статье 1026 г.) старшинство Ярослава, некоторые исследователи предоставляют преимущественные права Мстиславу на киевский «стол» как союзнику или преемнику Святополка²²⁰. «Анонимное сказа-

ние» упоминает двух сыновей Владимира по имени Мстислав, тогда как летописец под 980 г. воспроизводит перечень из «Анонимного сказания», а под 988 г. говорит только об одном Мстиславе — сыне Рогнеды. Таким образом, и летописная традиция, и «Анонимное сказание», очевидно, были подвергнуты правке с тем, чтобы обеспечить династическое старшинство Ярослава, в результате чего появился «второй» Мстислав. Хотя вопрос о том, кто был инициатором этой правки, остается открытым²²¹.

Тем не менее Н.Ф. Котляр полагает, что участниками первого раунда борьбы за власть в Киеве, закончившейся битвой у Любеча, были не Святополк и Ярослав, а Мстислав, наиболее известный, по его мнению, сын Владимира, и... Борис²²². Полагая, что гибель Бориса и Глеба отнесена к 1015 г. искусственно, исследователь считает, что Борис погиб не в 1016 г., после битвы при Любече, а в 1017 г. Мстислав боролся уже против Ярослава, поскольку именно под этим годом ПВЛ сообщает о вступлении Ярослава в Киев. Неясно, однако, какие обстоятельства заставили Мстислава прервать борьбу на долгие шесть лет.

Единственным приемлемым объяснением этого нам представляется гипотеза о том, что Мстислав не участвовал в междоусобице 1015—1019 гг., а являлся союзником Святополка на следующем ее этапе в 1019—1022 гг. Опираясь на местное население, Мстислав начал в 1023 г. движение на север в поддержку Святополка, а после исчезновения союзника с политической арены он вполне мог объявить себя его политическим преемником, пользуясь пребыванием Ярослава в Новгороде. Однако киевляне отвергли кандидатуру тмутараканского князя, явившегося под городские стены во главе хазар и касогов, так что ему ничего не оставалось, как закрепиться в Чернигове. Если в случае с приходом Мстисла-

ва под стены Киева в летописи упомянуты «кыяне» — представители местной общины или феодальной корпорации, не суть важно, то здесь мы не встречаем никакого упоминания о «черниговцах», поэтому вероятнее предположить, что Мстислав захватил власть в незащищенном городе с помощью своих хазар и касогов.

Чернигов, наряду с Киевом и Переяславлем, являлся одним из политических центров Русской земли — территориальной базы власти киевских князей. Этот «триумvirат» днепровских городов находился в исключительном положении по отношению к другим городским центрам. Как было установлено, Чернигов и Переяславль получали свою долю в общих доходах Русской земли, а если учесть, что для IX—XI вв. единственной формой осуществления власти являлось экономическое принуждение, выражавшееся во взимании дани в пользу Киева, получается, что они являлись равноправными партнерами «Матери городов русских». А.Н. Насонов отметил, что «князья Игоревой династии до второй половины XI в. сажают своих сыновей по разным городам, но не сажают ни в Чернигове, ни в Переяславле», так как «образование княжения в Чернигове или Переяславле неминуемо грозило бы разделу “Русской земли”»²²³.

Действительно, и Святослав, и Владимир не нарушали целостности Русской земли, что, безусловно, привело бы к существенному ограничению политических и экономических возможностей киевского князя. Надо полагать, что возможности эти были велики, если учесть, что одна только новгородская дань составляла 2000 гривен в год. Поэтому неудивительно, что действия Мстислава спровоцировали новый этап династического конфликта.

Момент был выбран удачно, так как, по свидетельству летописи, в 1024 г. Ярослав был занят подавлением мятежа под

предводитльством волхвов в Суздале. «И, возвратившись, пришел Ярослав в Новгород и послал за море за варягами. И пришел Якун с варягами, и был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан. И пришел к Ярославу, и пошел Ярослав с Якуном на Мстислава. Мстислав же, услышав, вышел против них к Листвену. Мстислав же с вечера исполнил дружину и поставил северян прямо против варягов, а сам стал с дружиною своею по обеим сторонам. И наступила ночь, была тьма, молния, гром и дождь. И сказал Мстислав дружине своей: «Пойдем на них». И пошли Мстислав и Ярослав друг на друга, и схватилась дружина северян с варягами, и трудились варяги, рубя северян, и затем двинулся Мстислав с дружиной своей и стал рубить варягов. И была сеча сильна, и когда сверкала молния, блистало оружие, и была гроза велика и сеча сильна и страшна. И когда увидел Ярослав, что терпит поражение, побежал с Якуном, князем варяжским, и Якун тут потерял свой плащ золотой. Ярослав же пришел в Новгород, а Якун ушел за море»²²⁴.

В борьбе за целостность княжеского домена (под которым мы понимаем поднепровскую территорию, находившуюся непосредственно под юрисдикцией киевского князя), Ярослав полагался на помощь наемной варяжской дружины Якуна, которого отождествляют с правителем Норвегии Хаконом Эйрикссоном, изгнанным из страны после прихода к власти Олава Святого (С.М. Михеев)²²⁵. На стороне Мстислава выступил племенной союз северян. О том, что северяне рассматривались как союзники, может быть, данники, но не непосредственные подданные черниговского князя, говорит его отношение к павшим при Листвене: «Мстислав же чуть свет, увидев лежащими посеченных своих северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела»».

Поражение Ярослава и его бегство в Новгород представило дипломатическую инициативу тмутараканскому князю: «И послал Мстислав за Ярославом, говоря: “Садись в своем Киеве: ты старший брат, а мне пусть будет эта сторона Днепра”. И не решился Ярослав идти в Киев, пока не помирились. И сидел Мстислав в Чернигове, а Ярослав в Новгороде, и были в Киеве мужи Ярослава». Надо полагать, что к тому времени вокруг Ярослава сложился преданный круг сторонников, которым он мог поручить защиту своей столицы от притязаний Мстислава. Отпор «партии Ярослава», с одной стороны, а возможно, и правовая несостоятельность притязаний на киевский «стол» — с другой, заставила победителя обратиться с предложением мира к побежденному вместо того, чтобы просто отбить Киев у «мужей» Ярослава.

Так, по крайней мере, представляет положение дел летописец, создавший образ амбициозного князя-авантюриста. Лишним подтверждением этому является то обстоятельство, что предложение Мстислава было принято в Новгороде не сразу, а лишь в 1026 г., когда «Ярослав собрал воинов многих, и пришел в Киев, и заключил мир с братом своим Мстиславом у Городца. И разделили по Днепру Русскую землю: Ярослав взял эту сторону, а Мстислав ту»²²⁶. Мы не знаем подробностей достигнутого соглашения, как не знаем и того, в каком именно месте происходила встреча князей — в Городце под Киевом или в Городце Остёрском. Однако в любом случае Городецкий мир, положивший конец состоянию политического коллапса в Русской земле, являлся вполне закономерным финалом войны за наследство Владимира.

По сути дела, это было первое соглашение о разделе сфер влияния между представителями правящей династии. Считается, что с этого момента можно говорить не только о рассредоточении «политических функций между двумя

центрами “Русской земли” — Киевом и Черниговом, которые теперь вместе управляли огромной страной», но и о «первых признаках зарождения на Руси коллективной формы правления, в данном случае системы дуумвирата» (П.П. Толочко)²²⁷. А.С. Щавелев высказал мнение, что переговоры в Городец способствовали зарождению в политической культуре Руси традиции княжеских съездов («снемов»), которые являлись достаточно эффективным средством разрешения междоусобных конфликтов со второй половины XI в. вплоть до монгольского нашествия.

«Городецкий компромисс» рассматривается в исторической литературе как временное явление, однако при этом почти не учитывается, что до 1033 г., когда умер сын Мстислава Евстафий, существовала перспектива наследственного раздела власти между двумя линиями потомков Владимира: это создавало Чернигову возможность для превращения в автономию наподобие Полоцка и не могло не раздражать правителя Киева, предпочитавшего большую часть времени проводить в Новгороде (может быть, в соответствии с одним из условий достигнутого соглашения?).

Можно думать, что сотрудничество Чернигова с Киевом одновременно сопровождалось укреплением территориальных связей Чернигова с зависимыми от него в экономическом отношении периферийными областями. На наш взгляд, только таким путем можно объяснить то, что уже через четверть века полянский Чернигов превратился в политический центр Северной земли; более того, до конца XI столетия он был связан и с далекой Тмутараканью.

Власть «дуумвирата» распространялась не только на Среднее Поднепровье, но и на всю территорию Древнерусского государства в целом: как свидетельствуют материалы

сфрагистики, новгородские посадники этого периода носили на шее подвеску со знаками обоих соправителей²²⁸. Однако этот порядок оказался недолговечен. В начале летописной статьи 1036 г. сообщалось: «Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер. И положили его в церкви Святого Спаса, которую сам заложил; были ведь при нем выведены стены ее в высоту, сколько можно, стоя на коне, достать рукою. Был же Мстислав могуч телом, красив лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил, ни в питье, ни в пище ничего не запрещал ей. После того завладел всем его владением Ярослав и стал самовластцем в Русской земле»²²⁹.

Конечно, характеристика Мстислава является традиционным для древнерусской историографии штампом, но важность этого события в целом трудно переоценить, так как оно предшествует сообщениям о назначении нового князя и епископа в Новгороде, рождении у Ярослава сына Вячеслава, большой победе Ярослава над печенегами и т.д. Необходимо отметить, что сообщение о постройке Мстиславом церкви Спаса, которая станет усыпальницей черниговских князей (а возможно, и кафедральным собором), послужило основанием для гипотезы об учреждении им епископии (М.Д. Присёлков, Я.Н. Шапов)²³⁰ или даже митрополии (В.Я. Петрухин, А.В. Назаренко)²³¹, что позволяло ему получить не только политическую, но и церковную независимость от Киева.

Хотя сведения о политике «дуумвиров» скудны, можно полагать, что им удалось достичь определенной координации действий во внешней политике. Никоновская летопись под 1029 г. сообщает о походе Ярослава на ясов²³², которые обычно являлись головной болью его соправителя, однако значение этого факта в определенной степени снижается тем,

что он зафиксирован лишь поздним летописанием XVI в., тогда как ПВЛ отмечает, что в этот год «мирно бысть». На свой страх и риск Ярослав совершал походы в «Чудскую землю» (Прибалтику), где форпостом русского влияния стал основанный им в 1030 г. город Юрьев, получивший свое название в честь небесного покровителя киевского князя — святого Георгия.

Однако нет сомнений в том, что Мстислав помогал брату в возобновившейся борьбе с Польшей. Под 1030 г. ПВЛ сообщает о взятии Ярославом Бельза, в то время как «был мятеж в земле Польской: восстав, люди перебили епископов и попов и бояр своих, и был среди них мятеж», а в 1031 г. «Ярослав и Мстислав, собрав воинов многих, пошли на поляков, и вновь заняли Червенские города, и повоевали землю Польскую, и много поляков привели, и поделили их»²³³. Действия «дудмвиров» совпали с очередным династическим кризисом в доме Пястов, о котором рассказывает биограф императора Конрада II Випон: «Вышеназванный Болеслав, герцог польский, умер, оставив двух сыновей — Мешко и Оттона. Мешко преследовал своего брата Оттона до тех пор, пока не изгнал его на Русь, в то время как там он жил жалким образом, [пока не] начал просить милости у императора Конрада, добиваясь его помощи для своего возвращения на родину. Между тем император сделал так, решив, что сам он выступит вместе со множеством [воинов] с одной стороны, с другой же стороны на Мешко нападет его брат Оттон»²³⁴.

Поскольку бежавший на Русь Оттон (которого некоторые исследователи отождествляют с упоминаемым в других источниках Беспримом)²³⁵ вряд ли мог действовать без санкции князя Ярослава, логично предполагать в данном случае координацию русско-немецких действий: хотя партнерам по коалиции удалось в 1031 г. изгнать Мешко и посадить на

трон Оттона-Бесприма, отославшего императору, по словам «Саксонского анналиста», «корону, а также прочие регалии, которые незаконно присвоил его брат», успех союзников оказался эфемерным; уже в 1032 г. «Бесприм из-за страшной жестокости своей тирании и, как говорит народ, по наущению своих братьев был убит своими же [людьми]. Мешко тут же вернулся домой; поняв, что всё, что он претерпел, было Божьей карой за его безмерное высокомерие, он отправил к императору [послов] и просил о времени, чтобы он мог явиться и дать достойное удовлетворение. Император принял его милостивее, чем он того ожидал, и разделил королевство, которым тот прежде владел самовластно, между ним и его двоюродным братом Дитрихом; впрочем, [позже] он опять стал править один»²³⁶.

Как бы то ни было, династический кризис 1030-х гг. в Польше способствовал решению проблемы «Червенских городов». Таким образом, были ликвидированы негативные последствия событий 1018 г. Как сообщает «Саксонский анналист» под 1039 г., «в это время Казимир, сын польского князя Мешко, вернулся на родину, охотно был принят поляками и, взяв в жены дочь русского короля, произвел на свет 2-х сыновей — Владислава и Болеслава»²³⁷. Несколько позже был заключен брак между сестрой Казимира Гертрудой-Олисавой и сыном киевского князя Изяславом²³⁸.

Комментируя внешнеполитический курс Казимира I, Ян Длугош писал: «...королевство свое он сделал спокойным и безопасным со стороны Руси, и пользовался русской помощью в войнах, которые ему пришлось вести с соседями и собственными [соотечественниками] ради возвращения и восстановления королевства»²³⁹. В 40-х гг. XI в. русские дружины помогли Казимиру завоевать Мазовию, где после смерти Мешко II утвердился его чашник Мислав. Под 1041 г.

ПВЛ сообщает о походе киевского князя «на мазовшаны», а под 1047 г. выражается еще более определенно: «Ярослав пошел на мазовшан, и победил их, и убил князя их Моислава, и покори́л их Казимиру»²⁴⁰.

Киевский князь продолжил политику укрепления династических связей, начатую его отцом. Как констатировал А.В. Назаренко, «едва ли найдется историк, который, обращаясь ко времени Ярослава Мудрого, не украсил бы своего труда списком заграничных браков многочисленного потомства Ярослава»²⁴¹. Продолжим эту традицию и мы, тем более что список этот действительно впечатляет...

Женатый на дочери шведского конунга (короля) Олава — Ингигерд, Ярослав, разумеется, поддерживал оживленные политические контакты с правителями скандинавских стран: по свидетельству исландских «королевских саг», в разные годы при его дворе в Новгороде побывали норвежский конунг Олав Харальдсон, его сын Магнус и брат Харальд, который женился на дочери Ярослава Елизавете²⁴². В 1042—1043 гг. он пытался породниться с германским королем Генрихом III, однако тот предпочел киевской княжне принцессу Агнессу Аквитанскую. В результате отношения со Священной Римской империей ухудшились, и князь стал поддерживать оппозиционные немецкому влиянию тенденции в Центральной Европе. Одна из его дочерей, Анастасия (имя которой упоминает в «Польской истории» Ян Длугош), вышла замуж за принца Андрея (Эндре). В середине 1040-х гг. киевский князь способствовал его возведению на венгерский трон, после чего, очевидно, состоялось бракосочетание Андрея с Анастасией: один из их сыновей, Шаламон, был королем Венгрии с 1063 по 1074 г.²⁴³

Еще одна дочь, Анна, в 1049 или 1051 г. вышла замуж за короля Франции Генриха I, причем, как позволяют пред-

полагать источники, брак был заключен по инициативе французской стороны. Благодаря этому матримониальному союзу все короли, начиная с Филиппа I (1060—1108), являлись прямыми потомками Ярослава Мудрого. Поскольку подпись Анны сохранилась на нескольких грамотах рядом с подписью ее сына, можно думать, что в период его малолетства она активно участвовала в политической жизни, по крайней мере до тех пор, пока не оказалась дискредитирована скандалом, связанным с ее похищением Раулем II, графом Крепи и Валуа, который за незаконный брак с ней был отлучен от церкви папой Александром II.

После русско-византийской войны 1043 г., завершившейся подписанием мирного договора три года спустя, Ярославу удалось повторить политический успех отца, женив своего сына Всеволода на дочери византийского императора Константина IX Мономаха²⁴⁴. Родившийся от этого брака в 1053 г. сын Владимир унаследовал родовое имя своего деда со стороны матери. Сам он писал в начале своего «Поучения»: «Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенный, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленный и матерью своею из рода Мономахов...»²⁴⁵

Относительно браков других сыновей Ярослава нет достоверных сведений, однако приведенных данных вполне достаточно для того, чтобы оценить масштабы его матримониальной политики, ее значения для древнерусского государства. В определенной степени следует согласиться с утверждением о том, что «со времен Ярослава Владимировича можно говорить о подлинной дипломатии, как целенаправленной, рассчитанной на многие годы внешней политике Киевской Руси, преследовавшей как близкие тактические, так и далекие стратегические цели» (Н.Ф. Котляр)²⁴⁶.

1.13. ТАК БЫЛ ЛИ «САМОВЛАСТЦЕМ» ЯРОСЛАВ?

Смерть Мстислава позволила добиться воссоединения днепровского домена киевских князей, однако Ярославу, чьей постоянной резиденцией с этого момента становится Киев и загородный Вышегород, пришлось принять экстренные меры для закрепления достигнутого результата. «Став в 1036 г. единодержцем Руси, Ярослав обеспечивает себе полную власть на Руси (за исключением Полоцкого княжения), отправив в псковскую темницу единственного оставшегося в живых брата Судислава, — пишет А.В. Поппэ. — Где княжил до того Судислав, остается тайной (не в счет смехотворное предположение, которое место заключения отождествляет с местом княжения). Ясно одно: Судислав предъявлял свои права на юге, вероятнее всего, на Чернигов, после Мстислава. Ярослав весьма опасался неожиданного соперника. Об этом свидетельствует и то, что до конца своих дней его продержали в темнице, и прошло еще 5 лет с лишним, прежде чем наследовавшие Ярославу сыновья в 1059 г., после 24 лет пребывания дяди в порубе, решились его освободить с большой опаской. И чтобы предупредить всякие поползновения “искати стола”, ему велели присягать на кресте и постригли в монахи»²⁴⁷.

Устранение последнего конкурента в борьбе за власть привело к тому, что в сознании потомков сложился «культ личности» Ярослава. По крайней мере, к такому выводу приводят нас летописи, да и не только они. Под 1037 г. в ПВЛ говорилось: «Заложил Ярослав город великий, у того же града Золотые ворота; заложил и церковь Святой Софии, митрополю, и затем церковь на Золотых воротах — Святой Богородицы Благовещения, затем монастырь Святого Георгия и Святой Ирины»²⁴⁸. Безусловно, всплеск столь масштабного строительства связан с тем, что воссоединение Русской земли в несколько раз увеличило экономические

возможности Ярослава, которому до этого приходилось принуждать местное население к строительным работам²⁴⁹. В летописной статье 1036 г. Ярослав определяется как «самовластец Русской земли». В отношении Поднепровья это определение представляется верным, однако мог ли он оставаться «самовластцем» остальной территории Древнерусского государства, продолжив практику рассредоточения волостей в руках своих сыновей, старший из которых, Владимир, как раз в 1036 г. был посажен на княжение в Новгороде?

Еще Н.И. Костомаров писал о том, что «нет ничего ошибочнее, как воображать себе Владимира и Ярослава монархами и, хваля за мудрое строение государства, обвинять их за отеческую слабость, с какою они, по мнению некоторых, разрушив собственную работу, раздавали волости своим сыновьям и тем раскрыли дорогу бесконечным ссорам и усобицам», добавляя при этом, что «если уж приходится хвалить или порицать этих деятелей давно минувших веков нашей истории, то их скорее можно похвалить за тот раздел Руси между сыновьями, за который их порицали»²⁵⁰. Необходимо признать, что «Ярослав устранил соперников-братьев, но не отменил “родового сюзеренитета” над Русской землей» (В.Я. Петрухин)²⁵¹. Поэтому вряд ли правомерно считать его единоличным правителем Киевской Руси, деятельность которого «вновь обрела общерусский характер» (М.Б. Свердлов)²⁵². Наиболее оригинальной из подобных точек зрения, восходящих к представлениям об «империи Рюриковичей», стала гипотеза Б.А. Рыбакова, предположившего, что в 1036 г. Ярослав Мудрый принял царский титул, который был зафиксирован в граффити на стене Софийского собора в Киеве, сообщающем о его смерти 20 февраля 1054 г. По мнению Я.Н. Щапова, этот акт стал возможным в начале 1050-х гг., благодаря тому что предстоятелем Русской церкви являлся

ставленник киевского князя Иларион, ибо «присутствие в Киеве митрополита из Константинополя не могло способствовать такой форме признания»²⁵³. Даже допуская такую возможность, необходимо признать, что времени для ее реализации было не слишком много. По крайней мере, как заметил Н.Ф. Котляр, «когда Ярослав 20 февраля 1054 г. умер, то погребальную службу провели без участия митрополита — это выполнили обыкновенные священники (“попове поюще обычныя песни”). Следовательно, — заключает исследователь, — тогда уже не было митрополита Илариона»²⁵⁴.

Мы уже отмечали, что «самовластие» Ярослава не подвергается осуждению древнерусской историографией, в отличие от «самовластия» Святополка или Андрея Боголюбского, пытавшегося в третьей четверти XII в. установить режим единоличного правления на территории «всеи Суждальской земли»²⁵⁵. С одной стороны, он продолжил политику «окняжения земель», проводниками которой стали Владимир, Изяслав и Святослав Ярославичи, хотя политический коллапс 1014—1015 гг., одним из инициаторов которого был сам Ярослав, являлся красноречивым свидетельством того, насколько опасной оказалась практика рассредоточения князей по волостям, эффективной альтернативы ей не существовало. С другой стороны, в результате законодательной деятельности Ярослава были урегулированы правовые взаимоотношения Киева и Новгорода, заложившие конституционные основы новгородской государственности.

Летописные свидетельства, сконцентрированные в хронологическом диапазоне 1016—1036 гг., позволяют говорить о поэтапном характере этой «конституционной реформы», санкционированной так называемыми «Грамотами Ярослава», упоминаемыми НЛ в первой трети XIII в., на которых приносили присягу Новгороду приглашаемые на

новгородский «стол» князя²⁵⁶. Уже более двух столетий в историографии продолжается спор об их содержании: если одни исследователи отождествляли их с Русской Правдой в Краткой или Пространной редакции (которые помещены, соответственно, в НІЛМ под 1016 г. и Софийской I летописи под 1019 г.)²⁵⁷, то другие рассматривали их как не сохранившийся до наших дней документ конституционного или финансового характера²⁵⁸. Следует, однако, заметить, что если «Грамоты Ярослава» регулировали не юридические, а финансовые вопросы, вряд ли бы на них присягали правители Новгорода, поскольку это выглядело бы так, как если бы глава государства приносил присягу не на конституции, а на государственном бюджете.

Как свидетельствует НІЛМ, по утверждению в Киеве (очевидно, в 1019 г.) Ярослав наделил каждого из новгородцев десятью гривнами «и отпусти их всех домов, и дав им правду, и устав списав, тако рекши им: “по се грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите”»²⁵⁹. После этого летопись приводит текст Русской Правды. Можно предположить, что если Русская Правда регулировала правовые отношения внутри Новгорода, то упоминаемый летописцем «устав» определял характер новгородско-киевских взаимоотношений.

Мы склонны рассматривать этот политический акт как первый этап «конституционной реформы» Ярослава. Второй ее этап следует отнести к 1036 г., когда, по свидетельству Новгородской IV летописи, «пошел Ярослав к Новгороду и посадил сына своего в Новгороде — Владимира, и епископа поставил — Жиряту; и людям написал грамоту, сказав: “по этой грамоте платите дань”»²⁶⁰. Этот заключительный этап реформы, который «знаменует существенную грань в политических взаимоотношениях киевских князей с правящей знатью новгородской земли» (Л.В. Черепнин)²⁶¹,

в условиях реставрации новгородского княжения был призван исключить рецидив «конфликта администраций» на экономической почве, имевшего место в 1014–1015 гг. (В.Я. Петрухин)²⁶². Однако это была далеко не последняя «реформа» Ярослава Владимировича.

В ПВЛ под 1054 г. при описании кончины князя приводится текст, служащий основанием для суждений о так называемом «ряде» Ярослава, суть которого сводится к следующему: «...Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск». Далее следует комментарий: «И так разделил им города, запретив переступать пределы братьев и сгонять со стола...»²⁶³

Сомнения в достоверности Ярославова «ряда» высказал еще С.М. Соловьев²⁶⁴. Со времени А.А. Шахматова этот текст считается результатом летописного творчества Никона²⁶⁵. Но даже если допустить, что он был создан позже описываемых в нем событий и не фиксирует «заповедь» Ярослава документально, следует обратить внимание на тот факт, что автор летописного текста говорит не о разделе Русской земли, а лишь о разделе городов. Для сравнения: если в статье 1026 г. говорится о том, что князья разделили по Днепру Русскую землю, то в статье 1054 г. — лишь о том, что Ярослав разделил между ними города. В лучшем случае здесь можно видеть очередное ограничение юрисдикции киевского князя, получившего лишь формальное преимущество перед братьями (сеньорат). По мнению В.Я. Петрухина, «ряд» Ярослава не был равнозначен позднейшим «завещаниям» князей XIII–XV вв., оставлявшим «уделы» своим сыновьям (или родственникам) в наследство на правах собственности, но это

был уже шаг к “отчинному” — феодальному распределению и наследованию столов»²⁶⁶.

Еще академик В.О. Ключевский обратил внимание на «двойное соображение», которым руководствовался Ярослав при разделе Русской земли: «Он распределил ее части между сыновьями, согласуя их взаимное отношение по степени старшинства со сравнительной доходностью этих частей. Чем старше был князь, тем лучше и богаче волость ему доставалась. Говоря короче, раздел основан был на согласовании генеалогического отношения князей с экономическим значением городских областей»²⁶⁷. Можно думать, что, с точки зрения современников Ярослава, речь шла не об утрате территориальной целостности Русской земли, а лишь о перераспределении контроля над ключевыми городскими центрами, от которых были зависимы окраинные земли. Как отметил В.Л. Янин, «ряд» 1054 г. касался лишь первого поколения Ярославичей²⁶⁸. Из числа наследников был исключен старший внук киевского князя Ростислав Владимирович, чей отец скончался ранее. Это обстоятельство в середине 1060-х гг. послужило причиной первого династического конфликта.

Вопрос о том, насколько новаторской являлась последняя реформа Ярослава, направленная на установление полицентризма в Русской земле, остается спорным²⁶⁹. Попытки установить мотивы, побудившие «самовластца Русской земли» к столь беспрецедентному решению, вряд ли выйдут когда-нибудь за рамки гипотез. Не исключено, что Ярослав Владимирович, исходя из своего богатого политического опыта, хотел предотвратить таким образом рецидив братоубийственного династического конфликта. Но поскольку «ряд» 1054 г. касался в первую очередь днепровских владений киевских князей, то, делая заключение по аналогии,

можно предположить, что Святополк Окаянный четырем десятилетиями ранее тоже стремился к сохранению их территориальной целостности.

Интересно, что европейские современники Ярослава демонстрировали противоположные тенденции²⁷⁰: чешский князь Бржетислав I (1034—1055) ограничился тем, что разделил между тремя сыновьями только Моравию²⁷¹, в то время как старший его сын Спитигнев II (1055—1061) унаследовал княжеский престол в Праге. По утверждению «Чешской хроники» Козьмы Пражского, умирающий правитель Чехии объяснил свое решение представителям аристократии тем, что «так уж пошло от сотворения мира и от начала Римской империи, так уж продолжается и до нашего времени, что любовь между братьями — явление редкое... Вот почему, чем более могущественными и сильными я вижу своих сыновей, тем худшее [будущее] предчувствую своим великим духом», поэтому «верховное право в нашем княжестве будет всегда получать старший по рождению среди сыновей моих и внуков и что все его братья и те, кто происходит из княжеского рода, будут под его властью», ибо «если княжеством не будет управлять самодержец, то дело дойдет до того, что вы, вельможи, погибнете, а народу будет нанесен большой ущерб»²⁷².

Разумеется, этот текст не более достоверен, чем «ряд» киевского князя. Как отмечает А.В. Назаренко, «вряд ли приходится сомневаться, что в настоящем его виде завещание Бржетислава I является плодом литературного творчества самого Козьмы Пражского. Распознать существо династической реформы Бржетислава I, если таковая действительно имела место, за риторической пеленой, наброшенной стилизованным изложением Козьмы, крайне трудно. И все же ясно, что в завещании имелась в виду какая-то радикальная

форма сеньората, коль скоро речь идет о “единовластии” “старшего”»²⁷³.

Как следует из дальнейшего рассказа «Чешской хроники», Спитигнев II понимал «завещание» отца буквально. Недолго думая «новый князь отправился в Моравию, чтобы навести в ней новые порядки», которые заключались в том, что «лучшие и благородные мужи» были посажены в темницы по разным городам, а два брата Спитигнева — Конрад и Оттон — отправлены в Прагу, где получили, соответственно, должности главного ловчего и главного кравчего²⁷⁴. Поэтому эти меры «ничем не напоминают умеренный сеньорат Изяслава Ярославича, каким он виделся Ярославу Мудрому»²⁷⁵.

Можно думать, что «самовластие» Ярослава, по крайней мере с формальной точки зрения, было условностью, ограниченной не только родовой традицией, но и нормами права; поэтому, если выражаться современным языком, оно воспринималось летописцами как явление легитимное, то есть не противоречащее религиозным представлениям, в отличие от единовластия «беззаконного» Святополка.

Часть 2

КУЛЬТ БОРИСА И ГЛЕБА И МЕЖДУКНЯЖЕСКИЕ ВОЙНЫ НА РУСИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XI ВЕКА

Историк — человек подневольный. Он знает о прошлом только то, что прошлое согласно ему доверить.

Марк Блок. Феодалное общество (1940)

2.1. ДИНАСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РЮРИКОВИЧЕЙ

Согласно «Анонимному сказанию», поиск могил Бориса и Глеба начался после того, как Святополк погиб после поражения на Альте, а Ярослав «принял всю волость Русскую». Это сообщение обычно служит исходным пунктом для вычисления даты первого перенесения останков князей-мучеников в построенную Ярославом церковь в Вышегороде. Конкретная датировка была предложена в «Чтении о житии и погублении Бориса и Глеба» Нестора, который писал, что поиски тела Глеба были предприняты Ярославом сразу по изгнании Святополка и увенчались успехом через год. Буквальная интерпретация сообщения Нестора получила распространение в летописании XV—XVI вв., где поиски тела Глеба относились к 1019 г.²⁷⁶, что, разумеется,

не могло не оказать влияние на историографию. В середине XIX в. митрополит Макарий (Булгаков) датировал это событие 1020 г.²⁷⁷ А.А. Шахматов, исходя из положения о том, что 24 июля, день освящения церкви и перенесения мощей, мог быть воскресным, предложил сразу две датировки — 1020 и 1026 гг.²⁷⁸ Последнюю из них поддержал его ученик М.Д. Присёлков.

По нашему мнению, появление столь ранних датировок является следствием неправильной интерпретации текста, при которой упор делается на летописную дату окончательного вокняжения Ярослава на киевском «столе» — 1019 г., в то время как автор «Анонимного сказания» говорит о принятии Ярославом «всей волости Русской», которая до 1036 г. была разделена между Ярославом и Мстиславом, поэтому захоронение князей-мучеников в вышегородской церкви могло произойти самое раннее в конце 1030-х гг. Эта точка зрения была сформулирована Л. Мюллером, считавшим, что «лишь после 1036 г., т.е. после смерти князя Мстислава, Ярослав стал «самовластцем» на Руси. Лишь теперь он мог совершенно свободно проводить свою политику, в том числе и церковную. То, что он начал ее с канонизации своих братьев, вполне отвечало общей линии его политической и церковной программы»²⁷⁹.

По сюжету «Сказания о чудесах» Бориса и Глеба, местонахождение их могил у церкви Святого Василия в Вышегороде не было известно до тех пор, пока один варяг случайно не ступил на это место и не поплатился за это ожогом ног. Вскоре после этого церковь Святого Василия сгорела, однако прихожанам удалось спасти от пожара всю церковную утварь, — по мнению составителя «Сказания чудес», благодаря заступничеству Бориса и Глеба. О вышегородских эксцессах было доложено Ярославу, который поставил в известность

митрополита Иоанна, организовавшего крестный ход в Вышегород и строительство церкви, где были перезахоронены Борис и Глеб. Чудеса продолжались, и об этом вновь донесли князю. «Князь же Ярослав, услышав, прославил Бога и святых мучеников и, призвав митрополита, с радостью рассказал ему об этом. Митрополит же вознес хвалу Богу и подал князю богоугодный совет, чтобы тот воздвиг церковь прекрасную и честную. И понравился князю совет его, и воздвиг он церковь большую, с пятью главами, и расписали ее всю и украсили всевозможными украшениями. И митрополит Иоанн, князь Ярослав и все духовенство и люди пошли крестным ходом и осветили церковь. И установили праздновать праздник двадцать четвертого июля, в тот день, когда был убит пре- блаженный Борис. В этот же день и церковь была освящена и перенесены святые <...>.

И когда еще были в церкви на святой Литургии князь и митрополит, оказался здесь же хромым человек — пришел он, едва ползая, и, войдя в церковь, помолился Богу и святым. И сразу окрепли ноги его по благодати Божьей и по молитве святых, и, поднявшись, стал ходить на виду у всех. И это чудо видели сам благоверный князь Ярослав и митрополит. И все люди вознесли хвалу Богу и святым.

И после Литургии позвал князь всех на обед и митрополита и духовенство, и праздновали праздник как подобает. И много подаваний было роздано нищим, и беднякам, и вдовам»²⁸⁰.

Как мы имели возможность убедиться, место захоронения страстотерпцев не составляло тайны ни для составителя повести «Об убиении Борисове», знавшего о погребении Бориса его убийцами у церкви Святого Василия, ни для составителя «Анонимного сказания», сообщившего о перезахоронении в Вышегороде Глеба. Вряд ли можно думать,

что на протяжении двух-трех десятилетий эти события изгладились в памяти современников: очевидно, о них предпочел забыть лишь вышегородский клир, поскольку эти захоронения были предприняты по инициативе светской власти и не вписывались в традиционные представления. Подобное расхождение представлений может быть обусловлено тем, что «Анонимное сказание» и «Сказание о чудесах» отражали противоположные тенденции. «Анонимное сказание», несмотря на подражание идеологическим константам агиографии, не считалось каноническим и, очевидно, было призвано сформировать представления, выгодные княжеской власти, в то время как «Сказание о чудесах» отражало церковную точку зрения.

Разумеется, к свидетельствам агиографических текстов следует относиться с определенной долей скептицизма. Нельзя отрицать, что описание вышегородских церемоний при Ярославе сконструировано по той же «этикетной» модели, что и аналогичные описания в ПВЛ под 1072 и 1115 гг. Однако исходя из одного только молчания летописей о почитании Бориса и Глеба в годы правления Ярослава вряд ли правомерно утверждать, что князь не был заинтересован в становлении культа братьев-мучеников, как думают некоторые исследователи, из-за того, что он выражал принцип «феодалного вассалитета», нарушенный им в 1015 г., и, следовательно, перенесение им мощей убитых братьев — агиографический миф, созданный в 70-х гг. XI в. (А.С. Хорошев)²⁸¹.

Нельзя думать, что почитание князей-мучеников началось лишь в последней четверти XI в., после того как Ярославичи организовали в 1072 г. новое перезахоронение мощей Бориса и Глеба: скорее всего, эта церемония, описанная в «Сказании о чудесах» и в ПВЛ, завершала начальный этап формирова-

ния культа. Уже не один десяток лет ученые спорят о том, были ли его истоки династическими или народными²⁸². Представление об элитарном происхождении базируется на свидетельствах интенсивной его пропаганды княжеской властью во второй половине XI — начале XII в., тогда как представление о народном происхождении восходит к памятникам агиографической литературы.

Если обратить внимание на аналоги Борисоглебского культа, возникшие в Центральной Европе, становится очевидно, что в церковной истории славянских государств, христианизированных в X столетии, присутствует общая тенденция, выраженная в том, что культ святых, как правило, формировался из представителей местной аристократической элиты. «Важнейшей причиной возникновения такого культа было стремление найти особое место своего государства и своего народа в христианском мире. В сонме святых из разных христианских стран, окружавших трон Христа, было психологически важно приобрести “своего” представителя перед Богом. Само появление такого культа было свидетельством силы и крепости новой религии в стране перед лицом христианских соседей», — считают А.И. Рогов и Б.Н. Флоря²⁸³.

В контексте этого становится понятной проблема причисления к лику святых Владимира Святославича, актуальная и для Илариона в «Слове о Законе и Благодати», и для Иакова-«мниха» в «Памяти и похвале князю Владимиру». Даже канонизация крупнейших религиозных авторитетов своего времени, таких как пражский епископ Войтех-Адальберт или Феодосий Печерский, проводилась во вторую очередь. Согласно наблюдениям Дж. Ревелли, осуществившей типологический анализ Святовацлавского

и Борисоглебского культов, «и в богемской и в киевской среде первые национальные святые были членами царствующей семьи»²⁸⁴.

Однако подобное положение дел противоречило агиографической традиции: культ святого формально не мог быть установлен светской властью. И в легендах о Вацлаве-Вячеславе, и в «Сказании о чудесах», и в «Чтении» Нестора формирование культа идет по стратам средневекового общества снизу вверх: от простого народа — к князю и духовенству. Поэтому нельзя игнорировать то обстоятельство, что представление о народном происхождении культа князей-мучеников в действительности является традиционным агиографическим клише.

Култ Бориса и Глеба начал складываться как инструмент династической политики. Для доказательства этого утверждения обратимся к изучению антропонимической традиции, которая позволяет как бы «изнутри» взглянуть на политическую культуру Древней Руси.

Как считают А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский, «одним из главных принципов, которым руководствовались, выбирая имя, было наречение в честь умершего предка, чаще всего в честь предка по мужской линии. И у живых, и у умерших родичей в этой процедуре была своя функция. Живущий предок выбирал, кто из умерших станет своеобразным прототипом ребенка и, соответственно, чье имя он получит. Роли живых и умерших при выборе имени ни в коем случае не смешивались — существовал строгий запрет на наречение именем отца, если тот был еще жив. У княжича связь с отцом присутствовала уже в его именовании по отчеству, а совпадение имен и отчеств у дальнего предка и потомка делало их постулируемое подобие еще более наглядным.

Иногда, впрочем, ребенок по тем или иным причинам мог получить имя из рода матери, а порой у князя могло быть два родовых имени — с отцовской и материнской стороны. В редких случаях имя могло прийти “извне”, от побратима, покровителя рода и т.п., но это было скорее исключением, нежели обычаем.

В русской княжеской традиции домонгольского периода не встречаются случаи совпадения мирских имен у живых родных братьев. Однако никакого запрета на совпадение имен у двоюродных братьев, а тем более у дальних родичей, принадлежащих к одному поколению, в княжеском обиходе не существовало. Напротив, имя умершего предка очень часто давалось нескольким представителям одного поколения его потомков.

Существенно, что имена, которые получали княжичи, были не только родовыми, но и династическими. Сыновьям князя предстояло унаследовать не только права на имущество, но и права на власть. Нередко эти права становились объектом борьбы и соперничества. Поэтому было чрезвычайно важно, кто из живых предков дает имя и кто из умерших предков избирается в качестве “прототипа” для вновь появившегося члена рода. В сложной и многоступенчатой системе наследования столов, сложившейся на русской почве, имя нередко определяло те династические перспективы, на которые новорожденный мог рассчитывать по замыслу своих ближайших родственников. Так, если ребенка называли в честь близкого родича, при жизни обладавшего определенным княжеским столом, то зачастую это означало, что его прочили на княжение в том же городе.

С помощью имен нередко пытались закрепить вновь обретенные права на более высокий статус в родовой иерархии или заявить о своих претензиях на него. Младшее поколение

могло буквально подражать в последовательности имен старшему. Имена способствовали примирению враждующих ветвей рода и в то же время сами вступали в своеобразную борьбу и конкуренцию. Имя предка, таким образом, всегда было попыткой определить династическую судьбу потомка.

Важность принципа наречения в честь умершего предка для огромной семьи Рюриковичей трудно переоценить. В самом деле, этот принцип был крайне важен для родового мира вообще, но в княжеской семье он приобретал совершенно особое значение. Совпадение имени молодого правителя с именем его умершего родича, уже княжившего на этой земле, означало прежде всего легитимность его права на власть. Быть живым подобием деда или прадеда означало быть законным преемником, наследником его княжеских полномочий»²⁸⁵.

Исследователи также обратили внимание на то обстоятельство, что «при Владимире Святославиче архаический принцип варьирования основ двусоставного княжеского имени был еще весьма актуален, так что два сына этого князя, родной и приемный (?), получили имена, как бы заранее обрекавшие их на соперничество. Оба именованья этих княжичей являли собой комбинацию из имен их родного деда и еще одного предка, который приходился дядей одному из них и, возможно, приходился биологическим отцом другого — Святослав и Ярополк трансформировались в Ярослав и Святополк»²⁸⁶.

Как мы знаем, сам Ярослав не назвал ни одного из своих сыновей в честь князей-мучеников — быть может, потому, что все они родились до официального прославления Бориса и Глеба. Вместе с тем показателен факт, что один из младших сыновей киевского князя, родившийся в 1036 г., был назван в честь Вацлава-Вячеслава Чешского, что можно интерпрети-

ровать не только как доказательство его почитания на Руси, но и как доказательство определенного интереса Ярослава к культу правителя-мученика в целом.

Уже во втором поколении Ярославичей, в 1040—1050-х гг., в числе княжеских имен фигурировали имена Глеба, Давыда и Романа (сыновья Святослава Ярославича), а также Бориса (сын Вячеслава Ярославича), а это значит, что к тому времени Борис-Роман и Глеб-Давыд воспринимались в качестве покровителей княжеского рода. Показательно, что подобная тенденция затронула и старшую ветвь потомков Владимира: четверо сыновей полоцкого князя Всеслава Брючиславича, родившихся, по всей видимости, в третьей четверти XI в., получили имена Глеба, Давыда, Бориса и Романа. Все было бы вполне логично, если бы второй сын Ярослава Мудрого Изяслав не назвал одного из своих сыновей... Святополком.

Это обстоятельство уже давно ставит в тупик исследователей. Например, В.Я. Петрухин полагает, что в данном случае приоритет отдавался родовой антропонимической традиции Рюриковичей, где имена давались вне прямой зависимости от того, чем прославился их носитель. Поэтому, назвав своих сыновей именами Мстислава, Святополка и Ярополка, Изяслав Ярославич стремился «подчеркнуть права своих детей на старейшинство, несмотря на несчастливую долю эпонимов»²⁸⁷.

Л. Мюллер объясняет факт появления во втором поколении Ярославичей имени Святополка влиянием великоморавской традиции, резонно замечая: «Если один носитель имени совершил злодеяние, то не обязательно тотчас же выводить из употребления само имя. Даже если тогда Борис и Глеб еще не были объявлены святыми, трудно предполагать, что лояльный к своему отцу Изяслав думал о его злейшем враге, когда давал своему новорожденному

сыну имя «Святополк»²⁸⁸. Мюллер, однако, не исключает, что здесь сыграли свою роль матримониальные связи Изяслава с польским домом Пястов, откуда происходила его жена Гертруда и в котором имя Святополк многократно засвидетельствовано. Теоретически такая возможность существует, однако этой гипотезе противостоит мнение А.В. Назаренко, который допускает, что Святополк мог быть внебрачным сыном Изяслава²⁸⁹.

Для А.В. Поппэ этот феномен является подтверждением того, что в годы правления Ярослава версия об убийстве Бориса и Глеба Святополком как о святотатственном преступлении еще не пользовалась полным признанием современников, так как Изяслав Ярославич не считал неуместным и щекотливым давать своему рожденному в 1050 г. сыну имя своего дяди. Возможно, имя Святополка не было дискредитировано потому, что убийство Бориса и Глеба свершилось тайно: их устранение было выгодно остальным сыновьям Владимира, поэтому причастность к нему Святополка до определенного момента не афишировалось представителями княжеской династии²⁹⁰. Полемика Л. Мюллера и А.В. Поппэ на страницах мюнхенского журнала *Russia Medievalis* стала своеобразной вехой Борисоглебской историографии 1970—1990-х гг.

И наконец, для некоторых историков указанное обстоятельство является еще одним доказательством того, что Святополк не имел отношения к гибели своих братьев, убитых по приказанию Ярослава. Как правило, в этом случае привлекается еще один аргумент: отсутствие упоминания о Борисе и Глебе в «Слове о Законе и Благодати». «Слово» Илариона является не только памятником религиозной и политической мысли, но и панегириком христианским правителям Руси — Ярославу и его отцу Владимиру. Диапазон

его датировки находится между 1022 и 1051 гг., когда, согласно княжеской воле, епископский синод избрал придворного проповедника предстоятелем Русской церкви.

Трудно представить, чтобы «Слово» могло возникнуть в условиях династического кризиса 1020-х гг., когда не могло быть и речи даже о «Законе», не то что о «Благодати». В последнее время популярна гипотеза А.Н. Ужанкова, согласно которой «Слово» было произнесено Иларионом 25 марта 1038 г., в Великую субботу, совпавшую с праздником Благовещения (так называемая кириопасха). Существуют и альтернативные датировки, привязанные к кончине упоминаемой в «Слове» супруги Ярослава Ирины (Ингигерд), умершей, согласно Ипатьевской летописи, 10 февраля 1050 г. Если учитывать этот факт, датировка, приуроченная к 35-летию со дня кончины Владимира Святославича 15 июля 1050 г. (А.В. Поппэ), выглядит неприемлемой; более корректна в данном случае пасхальная датировка 26 апреля 1049 г. (Н.Н. Розов); позиция Л. Мюллера, крупнейшего исследователя творчества Илариона, вообще двоятся, так как он называет две даты произнесения «Слова»: 15 июля 1049 г. и 15 июля 1050 г.²⁹¹ Таким образом, подвижную датировку «Слова» вряд ли можно соотносить с конкретным историческим моментом, хотя перезахоронение останков Бориса и Глеба, описанное в агиографических памятниках, могло произойти уже после «программной речи» Илариона, в которой он пропагандировал идею богоизбранности Русской земли и призывал к канонизации ее крестителя Владимира Святославича.

Приведем некоторые антропонимические параллели: и Святополк Окаянный, и Святополк Изяславич, согласно ПВЛ, были князьями в Турове, кроме того, до своего перехода в Новгород осенью 1052 г. — как раз в момент рождения

Святополк II — некоторое время был туровским князем и его отец Изяслав. Таким образом, Святополк Изяславич если и не был «живым подобием» своего «окаянного» тезки, то в определенной степени отражал преемственность местной политической традиции. Как позволяют судить летописные свидетельства, в характере этого князя также было немало негативных черт: например, он был не чужд политического вероломства, которое в полной мере проявилось во время династического конфликта 1097—1099 гг., когда Святополк вместе со своим двоюродным братом Давыдом Игоревичем нарушил принцип распределения волостей, установленный потомками Ярослава на съезде в Любече, и ослепил теребовльского князя Василька, а позднее попытался оспорить его права на Теребовль, ссылаясь на то, что «се есть волость отца моего и брата».

По словам С.Я. Сендеровича, сопоставившего события 1015 и 1097 гг., суть заключается в том, «что ослепление Василька и есть повторение первоначального злодеяния (убийства Бориса и Глеба. — Д.Б.); ослабленная форма — ослепление вместо убийства — отражает прогресс христианства, как и незлодейская окраска фигуры Святополка II. В ПВЛ есть прямой знак связи этих двух событий: Глеба зарезал повар “именемъ Торчинъ”, Василька ослепляет овчар торчин — здесь это, правда, не имя, а племенная принадлежность (из племени торков), но, должно быть, то же имело место и в первом случае. Перед нами, т.о., вариант братоубийства, совершенного Святополком I»²⁹².

Кроме того, сын Изяслава был отнюдь не единственным представителем княжеской династии, который носил это имя. Например, один из внуков Владимира Мономаха, родившийся на рубеже XI—XII вв., уже после церковного прославления Бориса и Глеба также был назван Свято-

полком. Это же имя носил в XII в. и правнук Святополка Изяславича — Святополк Юрьевич. Несмотря на всю красноречивость приведенных аргументов, нельзя забывать о том, что все это — косвенные наблюдения. Как отмечает В.Я. Петрухин, тезоименитство отнюдь не обязывало блюсти традицию: так, полный тезка святого Глеба, рязанский князь Глеб Владимирович, ставший одним из инициаторов убийства своих братьев, заслужил у летописца имя «Каина» и «окаянного»²⁹³.

Надо сказать, что «феномен братоубийства» часто повторялся среди рязанских князей — погомков Святослава Ярославича, междоусобия которых на рубеже XII и XIII вв. являлись «головной болью» для Всеволода Большое Гнездо, боровшегося за утверждение гегемонии Владимира в соседних княжествах²⁹⁴. Лаврентьевская летопись под 1186 г. сообщает:

«Возбудил дьявол вражду, издавна ненавидя добрых в роду человеческом и борясь с теми, кто хочет его спасти. Как в прежние дни Каина на Авеля, брата своего, а потом Святополка на Бориса и Глеба власти ради, чтобы одному власть принять, а братьев избить, так и этих Романа, Игоря и Владимира подстрекнул на младших братьев Всеволода и Святослава.

И был жестокий мятеж в Рязани: братья искали братьев, чтобы убить, и послали звать их к себе на совет, чтобы захватить их хитростью. Они же, узнав о том, начали город укреплять. Другие, услышав, что город уже укрепляют, пошли к Пронску, осадили его и начали разорять города и села.

Услышал о том великий князь Всеволод Юрьевич, сын правоверный и, боясь Бога, и не желая видеть кровопролитья у них, послал к ним из Владимира своих послов в Рязань к Глебовичам — к Роману, и к Игорю, и к Владимиру, говоря

им: “Братья! Зачем так делаете: недавно с половцами воевали, а ныне хотите братьев своих убить!” Они же, услышав это, восприняли дерзкие мысли и начали гневаться на него и большую вражду воздвигать»²⁹⁵.

Правда, на сей раз дело ограничилось вооруженным конфликтом рязанских князей с князем владимирским, но треть века спустя ситуация повторилась с более трагичным исходом. Новгородская I летопись старшего извода сообщила: «В тот же 6726 (1218) год Глеб Владимирович, князь рязанский, подученный сатаной на убийство, задумал дело окаянное, имея помощником брата своего Константина и с ним дьявола, который их и соблазнил, вложив в них это намерение. И сказали они: “Если перебьем их, то захватим всю власть”. И не знали окаянные Божьего промысла: дает Он власть кому хочет, поставляет всевышний царя и князя. Какую кару принял Каин от Бога, убив Авеля, брата своего: не проклятие ли и ужас? Или ваш сродник окаянный Святополк, убив братьев своих, тем князьям не принес ли венец царствия небесного, а себе — вечную муку? Этот же окаянный Глеб ту же воспринял мысль Святополчью и скрыл ее в сердце своем вместе с братом.

Собрались все в прибрежном селе на совет: Изяслав, кир Михаил, Ростислав, Святослав, Глеб, Роман; Ингварь же не смог приехать к ним: не пришел еще час его. Глеб же Владимирович с братом позвали их к себе в свой шатер как бы на честный пир. Они же, не зная его злодейского замысла и обмана, пришли в шатер его — все шестеро князей, каждый со своими боярами и дворянами. Глеб же тот еще до их прихода вооружил своих и братних дворян и множество поганых половцев и спрятал их под пологом около шатра, в котором должен был быть пир, о чем никто не знал, кроме замысливших злодейство князей и их проклятых советников. И когда

начали пить и веселиться, то внезапно Глеб с братом и эти проклятые извлекли мечи свои и стали сечь сперва князей, а затем бояр и дворян множество: одних только князей было шестеро, а бояр и дворян множество, со своими дворянами и половцами. Так скончались благочестивые рязанские князья месяца июля, в двадцатый день на святого пророка Илью»²⁹⁶.

Таким образом, братоубийство как инструмент в междукняжеской борьбе за власть использовалось даже в начале XIII в., несмотря на то что «древнерусские интеллектуалы» на протяжении двух столетий с завидным упорством клеймили тех, кто отваживался прибегнуть к столь радикальным мерам, а культ погибших при аналогичных обстоятельствах Бориса и Глеба к тому времени уже давно получил официальный канонический статус.

2.2. КУЛЬТ БОРИСА И ГЛЕБА В ПОЛИТИКЕ «ТРИУМВИРАТА» ЯРОСЛАВИЧЕЙ

ПВЛ и памятники Борисоглебского цикла, в первую очередь «Анонимное сказание», фиксируют повышенный интерес представителей правящей династии к культу князей-мучеников в начале 70-х гг. XI столетия, когда возводится новая церковь в Вышегороде, куда переносятся их останки. Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства источников позволяют предполагать, что этот интерес был не только религиозным, но и политическим, тесно связанным с проблемой междукняжеских отношений.

Как говорилось выше, последняя реформа Ярослава Мудрого была направлена на децентрализацию власти как в Русской земле, так и за ее пределами. Вследствие этого в 1054 г. все волости оказались в руках шести князей: трое из них установили контроль над крупнейшими экономи-

ческими центрами Поднепровья, которые благодаря этому приобрели, хотя и не сразу, самостоятельное политическое значение.

В то же время укрепившаяся в историографии точка зрения о распаде Русской земли как единого территориального образования после смерти Ярослава не находит подтверждения в источниках. Даже ее основоположник А.Н. Насонов вынужден был отметить, что, «после того как древняя территория — “Русская земля” — распалась с образованием Черниговского и Переяславского княжеств, мы видим явные признаки стремления сохранить на первых порах целостность “Русской земли” в ряде мероприятий»²⁹⁷. С легкой руки А.Е. Преснякова княжеский союз Ярославичей характеризуется в историографии как «триумvirат»²⁹⁸.

Некоторое время этому поднепровскому «триумvirату» удавалось поддерживать дружественные и даже союзнические отношения с полоцким князем Всеславом, однако они обострились в 1065 г., — два года спустя жертвой его экспансии в очередной раз стал Новгород. Первый этап борьбы с Полоцком завершился взятием Всеслава в плен во время мирных переговоров на реке Немиге и заключением его в «поруб» в Киеве. Поскольку этот стратегический успех был достигнут Ярославичами, и в первую очередь Изяславом, в нарушение присяги, он вызвал негативную реакцию, отразившуюся в ПВЛ²⁹⁹.

«Триумвиры» Русской земли оказались не в состоянии сопротивляться внешней угрозе, которую с середины XI в. представляли половцы. В 1068 г. войска Ярославичей были разгромлены ими на Альте, а когда Изяслав отказался продолжать сопротивление, в Киеве началось восстание, участники которого «вырубили Всеслава из поруба, в 15-й день сентября, и прославили его среди княжеского двора». Кня-

жеский двор был подвергнут разграблению, а сам Изяслав бежал в Польшу.

Мы не будем останавливаться на социальном значении этих событий, в которых, впервые в Южной Руси, проявило политическую активность народное собрание — вече, хотя они представляли и представляют немалый интерес для изучения взаимоотношений княжеской власти и общества. Обратим внимание на то, что финалом их стал приход на Русь войск Болеслава II весной 1069 г., о котором мы упоминали выше. Интерпретация этих событий получила неоднозначную оценку в источниках.

Как пишет о Болеславе II Галл Аноним, «он сам, так же как и Болеслав Великий, вступил врагом в столицу русского королевства — выдающийся город Киев — и ударом своего меча оставил памятный знак на золотых воротах города. Там он возвел на царский престол одного русского из своей родни, которому принадлежало королевство, а всех мятежников, не подчинившихся ему, отстранил от власти»³⁰⁰. Автор «Великой хроники поляков или лехитов», еще более подчеркивая зависимость Руси от Польши, говорит о результатах этой кампании так: «Самую Русь сообразно с нуждами своими личными и своего войска [Болеслав] обложил данью, особенно съестными припасами», а подавив мятеж, «поставил начальником над русскими князьями знатного человека, своего приближенного»³⁰¹.

Однако картина событий, созданная склонными к преувеличению польскими хронистами, противоречит описанию ПВЛ: «Пошел Изяслав с Болеславом на Всеслава; Всеслав же выступил навстречу. И пришел к Белгороду Всеслав, и с наступлением ночи тайно от киевлян бежал из Белгорода в Полоцк. Наутро же люди, увидев, что князь бежал, возвратились в Киев, и устроили вече, и обратились к Святославу

и Всеволоду, говоря: “Мы уже дурное сделали, князя своего прогнав, а он ведет на нас Польскую землю: идите же в город отца своего; если не хотите, то поневоле придется поджечь город свой и уйти в Греческую землю”. И сказал им Святослав: “Мы пошлем к брату своему; если пойдет с поляками погубить вас, то мы пойдем на него войною, ибо не дадим губить города отца своего; если же хочет идти с миром, то пусть придет с небольшой дружиной”. И утешили киевлян, Святослав же и Всеволод послали к Изяславу, говоря: “Все-слав бежал, не веди поляков на Киев, здесь ведь врагов у тебя нет; если хочешь дать волю гневу и погубить город, то знай, что нам жаль отцовского стола”. Слышав то, Изяслав оставил поляков и пошел с Болеславом, взяв немного поляков»³⁰².

Посредничество князей Чернигова и Переяславля не спасло жителей от расправы, осуществлявшейся руками Мстислава Изяславича, но то, что киевляне обратились за содействием в разрешении конфликта со своим князем к другим соправителям Русской земли, с нашей точки зрения, представляется показательным фактором в отношениях между ее городами. Благодаря этому посредничеству Болеслав вошел в Киев лишь с небольшим воинским контингентом и был вынужден уйти после избиения своих воинов. Показательно и то, что Святослав в случае необходимости собирался начать вооруженную борьбу против старшего брата в защиту «града отца своего». Этому факту можно предложить два объяснения: либо установленный в 1054 г. режим «коллективного сюзеренитета» (как характеризовал его Л.В. Черейнин)³⁰³ распространялся также и на Киев, либо к концу 1060-х гг. отношения Изяслава и Святослава обострились настолько, что последний не побоялся бы в крайнем случае нарушить существующий порядок иерархических отношений.

Реквизиции, о которых упоминают польские хроники, да и сам факт появления поляков в Русской земле, явно не добавляли популярности Изяславу, который, если верить «Житию Феодосия Печерского» и «Киево-Печерскому патерику», уже до того момента находился в натянутых отношениях с представителями Церкви: после организации Печерского монастыря часть приближенных князя присоединилась к монашеской братии, что, разумеется, вызвало гнев Изяслава, пригрозившего отправить в заточение одного из ее лидеров, Никона, а заодно и раскопать пещеру, где жили монахи³⁰⁴.

По справедливому замечанию А.В. Назаренко, «позиции Изяслава после его возвращения при поддержке польского князя Болеслава II на киевский стол в 1069 г. оказались существенно иными, нежели те, которые он занимал до своего бегства в Польшу в предыдущем году. Вернув Киев, Изяслав утратил, однако, контроль над Новгородом и Волынью, оставшимися за Святославом и Всеволодом соответственно, что весьма расширило возможности последних в их западноевропейской политике»³⁰⁵. Как полагает исследователь, черниговский князь заключил союз с германским королем Генрихом IV, направленный против Изяслава и его польского союзника³⁰⁶. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, едва нейтрализовав Всеслава, Изяслав, стремясь укрепить свой пошатнувшийся авторитет, выступил инициатором строительства новой церкви-усыпальницы Бориса и Глеба, куда в 1072 г. были перенесены их останки.

ПВЛ описывает это событие следующим образом: «В год 6580 (1072). Перенесли святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Собрались Ярославичи — Изяслав, Святослав, Всеволод, — митрополит же тогда был Георгий, епископ Петр Переяславский, Михаил Юрьевский, Феодосий игумен

Печерский, Софроний игумен монастыря Святого Михаила, Герман игумен Святого Спаса, Никола игумен Переяславского монастыря и все игумены, — и устроили праздник, и праздновали светло, и переложили тела в новую церковь, построенную Изяславом, что стоит и поныне. И сначала Изяслав, Святослав и Всеволод взяли Бориса в деревянном гробу и, возложив гроб на плечи свои, понесли, черноризцы же шли впереди, держа свечи в руках, а за ними дьяконы с кадилами, а затем пресвитеры, за ними епископы с митрополитом; за ними же шли с гробом. И, принеся его в новую церковь, открыли раку, и наполнилась церковь благоуханием, запахом чудным; видевшие же это прославили Бога. И митрополита объял ужас, ибо не твердо верил он в них (Бориса и Глеба); и пал ниц, прося прощения. Поцеловав мощи Борисовы, уложили их в гроб каменный. После того, взяв Глеба в каменном гробу, поставили на сани и, взявшись за веревки, повезли его. Когда были уже в дверях, остановился гроб и не шел дальше. И повелели народу звать: “Господи, помилуй”, и повезли его. И положили их месяца мая во 2-й день. И, отпев литургию, обедали братья сообща, каждый с боярами своими, в любви великой. И управлял тогда Вышгородом Чудин, а церковью Лазарь. Потом же разошлись восвояси»³⁰⁷.

А.А. Шахматов полагал, что в основе летописной статьи 1072 г. лежала краткая запись, сделанная в 1073 г. при составлении свода Никона, которая впоследствии была дополнена за счет вышегородских записок. К подобному же выводу приводят наблюдения А.Н. Ужанкова, обратившего внимание на то, что в тексте в прошедшем времени упоминается имя настоятеля вышегородского храма Лазаря, ставшего в 1088 г. игуменом Выдубицкого монастыря³⁰⁸, следовательно, в своем теперешнем виде она могла появиться только в Начальном своде. Исследователи не раз обращали внимание на

то, что календарная дата, приведенная в ПВЛ, вставлена под влиянием вторичного перенесения мощей 2 мая 1115 г., тогда как перенесение мощей в 1072 г. произошло 20 мая, как то указывается в «Чтении» и «Сказании о чудесах».

Как видно из состава участников церемонии, проведение ее было призвано консолидировать как представителей духовенства, так и представителей политической элиты вокруг Изяслава. Политическое значение вышегородских мероприятий 1072 г. не подвергается сомнению (широко распространена гипотеза, что во время их был выработан новый «правовой кодекс» Киевской Руси — Правда Ярославичей»), однако существуют разногласия относительно их канонического статуса: исследователи, признающие на основании «Сказания о чудесах» факт причисления Бориса и Глеба к лику святых в княжение Ярослава, полагают, что в данном случае имело место обычное перезахоронение мощей³⁰⁹; в то время как их оппоненты интерпретируют события 1072 г. как официальную церемонию канонизации³¹⁰.

В пользу этой точки зрения приводятся такие аргументы, как захоронение Бориса в деревянной раке (что вряд ли допустимо для святого, официально почитаемого Церковью), или замешательство при эксгумации святых митрополита Георгия, который был «нетверд верою к ним». Первое обстоятельство подтверждает гипотезу М.Х. Алешковского о приоритете почитания Глеба, которая разделяется современными исследователями. Действительно, если бы к тому времени он не имел официального статуса мученика, его останки вряд ли лежали бы в каменной раке.

Развивая эти наблюдения, можно предположить, что к 1072 г. сложилась ситуация, в которой Святослав Ярославич, наследовавший Муромскую волость Глеба, способствовал упрочению его культа, в то время как Изяслав и Всеволод

стремились к укреплению культа Бориса. Странное поведение митрополита Георгия вполне могло быть одним из многочисленных агиографических стереотипов, описывающих ситуацию, в которой предстоятель Русской церкви действовал в соответствии с общепринятой практикой. Например, митрополит Иоанн I, узнав от князя Ярослава о чудесах, происходящих на могиле его братьев, испытал одновременно ужас, сомнение и радость³¹¹.

Выше уже отмечалось, что причастность Иоанна I к формированию Борисоглебского культа в княжение Ярослава Мудрого подвергается сомнению. Например, А.В. Поппэ высказал предположение о том, что, если такой процесс и имел место (в начале 50-х гг. XI в.), у истоков его мог находиться не митрополит Иоанн, а митрополит Иларион — ставленник киевского князя³¹². Как отмечает Н.И. Милютенко, «решающим аргументом в пользу того, что “изнесение” мощей состоялось все-таки при Иоанне I, является свидетельство “Сказания чудес”. По мнению всех исследователей, редакция памятника, описывающая перенесение мощей в 1072 г., была создана в 1073—1076 гг. Большинство участников события, в том числе князь Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи, были свидетелями торжества времен Ярослава. Едва ли они могли забыть, при каком именно митрополите были извлечены из земли мощи свв. Бориса и Глеба. Тем более было бы нелепо, как предполагают иногда, пытаться ввести в заблуждение на этот счет митрополита Георгия. В отличие от нас, он имел доступ к архиву собственной митрополии и Константинопольской патриархии»³¹³.

Поэтому надо полагать, что Изяслав Ярославич стремился придать родовому культу Бориса и Глеба официальный канонический статус под воздействием неблагоприятной политической конъюнктуры, следы которой четко запечатлены

в источниках. Почти каждый из памятников, сохранивших описание событий 1072 г., отражает определенную политическую тенденцию: например, ПВЛ, и в особенности «Чтение» Нестора, настоятельно подчеркивают причастность к почитанию Бориса и Глеба Изяслава, который «ходил ко святым на праздник их» и отмечал этот день раздачей милостыни. Хотя на первый взгляд внимание сконцентрировано на усилиях Изяслава по возведению новой церкви, на отделку которой была отдана часть княжеской дани (очевидно, из Вышегорода), на переговорах князя с митрополитом Георгием по поводу перезахоронения княжеских останков нельзя не заметить политические пристрастия агиографа.

По словам Нестора, в первый день вышегородских торжеств: «Архиепископ (имеется в виду митрополит Георгий. — Д.Б.) же собрал весь причт церковный, и так вышли с крестами в вышеупомянутый город, где были тела святых. И придя, сотворили обычное обновление церкви новой и святую Литургию в ней отслужили. А на другой день собрал митрополит всех епископов и всех церковников туда, где были раки святых, желая совершить перенесение. Пришли и благоверные князья из своих земель, и многие другие из своих земель, младшие. Собралось и множество черноризцев из своих монастырей, и был среди них преподобный отец наш Феодосий, игумен Печерского монастыря, сиявший среди них как солнце, украшенный добрыми нравами. А митрополит не верил, что святые блаженные. И приступив, открыли раки святых и увидели их целыми лежащих, а церковь наполнилась благовония. Увидев это, митрополит затрепетал мысленно и, повернувшись на восток, воздев руки к небу, воскликнул, говоря: «Прости меня, Господи, потому что не верил в святых Твоих, согрешил, и помилуй неверие мое. Вот, верую воистину, что святые

страстотерпцы Твои". И после этого, приступив, взял руку блаженного Бориса (ибо это были мощи) и целовал, прикладывая к глазам и к сердцу. Ею же потом благословил благоверного князя Изяслава, потом благословил брата его Святослава, которому на благословение остался на голове его ноготь. Еще благословил так же боголюбца Всеволода и всех князей и всех людей и положил руку на место. Потом, взяв раки, понесли их в новую церковь и поставили на правой стороне в год 6580 (1072) месяца мая в 20. Совершили они великий праздник в тот день и, славя Бога, разошлись по домам»³¹⁴.

Характерной чертой этого текста, вышедшего из стен Печерского монастыря, является лояльное отношение к двум Ярославичам — «благоверному Изяславу» и «боголюбцу Всеволоду», тогда как имя Святослава Черниговского не сопровождается определением. Особо интересен факт, на который неоднократно обращали внимание исследователи: «Чтение» сообщает, что митрополит Георгий благословил Ярославичей рукою Бориса — покровителя Всеволода, тогда как «Сказание о чудесах» утверждает, что князей благословляли рукою Глеба — покровителя Святослава. Учитывая шахматовскую датировку «Чтения», в этом можно усматривать влияние политической конъюнктуры: поскольку «Чтение» составлялось в княжение Всеволода Ярославича, целью его автора было подчеркивание преемственности правящего князя по отношению к предшественнику, тогда как узурпировавший киевский «стол» Святослав не пользовался поддержкой печерской братии. Таким образом, даже памятник, строго следовавший каноническим традициям, отражал латентную политическую борьбу Ярославичей, идеологическим инструментом которой являлся культ Бориса и Глеба.

В древнерусской историографии сохранилась еще одна интерпретация этих событий, отражавшая интересы Святослава Черниговского, следы которой выявлены в «Сказании о чудесах», Софийской I и Воскресенской летописях³¹⁵. Как отметил А.Н. Ужанков, в тексте этих памятников помимо киевского митрополита Георгия упоминается черниговский митрополит Неофит, а сам текст составлен таким образом, чтобы продемонстрировать исключительное положение черниговского князя³¹⁶.

«Сказание о чудесах» описывает перезахоронение останков Бориса и Глеба 20 мая 1072 г. так: «Наступило время перенесения святых мучеников Романа и Давида. Собрались братья — Изяслав, Святослав, Всеволод, и митрополит Киевский Георгий, и второй митрополит, Черниговский, — Неофит; епископ Петр Переяславский, и Никита Белгородский, Михаил Юрьевский, и игумены: Феодосии Печерский, и Софроний святого Михаила, и Герман святого Спаса, и все остальные игумены. И сотворили торжественный праздник. Сначала понесли князя на плечах деревянную раку святого Бориса. Впереди шли преподобные черноризцы со свечами и диаконы, за ними духовенство, и потом митрополиты и епископы, а за ними несли раку. Принесли ее и поставили в церкви, и когда открыли раку, то наполнилась церковь благоуханием и запахом чудесным. Увидев это, прославили Бога. А митрополита охватил ужас, так как он сомневался в этих святых, и, пав ниц, он просил прощения. И, целовав мощи, переложили их в каменную раку.

После этого взяли каменную раку с Глебом, поставили ее на сани и, зацепив веревками, повезли. И когда были в дверях, остановилась рака недвижно. И велели народу взывать: «Господи, помилуй!» И молились Господу и святым. И сразу повезли. Поцеловав голову святого Бориса, митрополит

Георгий взял руку святого Глеба и начал благословлять ею князя Изяслава и Всеволода. Тогда Святослав, взяв руку, приложил к нарыву на шее, к глазам своим и к темени. После этого положили руку в гроб и начали служить святую Литургию. А Святослав сказал Берну: «Что-то мне голову колет». И снял Берн шапку с князя и увидел ноготь святого Глеба, снял его с головы Святослава и отдал ему. Он же прославил Бога за милость святых. После Литургии все братья пошли и обедали все вместе.

И праздновали праздник торжественно, и щедрую милостыню раздали беднякам. И, распрощавшись друг с другом, разошлись по домам. С тех пор установился этот праздник святым мученикам в двадцатый день месяца мая благодатью Господа нашего Иисуса Христа»³¹⁷.

Несмотря на усилия Изяслава, политический вес Святослава укреплялся. В отличие от старшего брата, Святослав поддерживал хорошие отношения с Антонием, основателем Печерского монастыря, становившегося одним из наиболее авторитетных арбитров в политической жизни Руси³¹⁸. Быть может, именно Святослав добился учреждения в Чернигове «титularной» митрополии во главе с Нифонтом³¹⁹, который, по мнению А.Н. Ужанкова, мог быть местоблюстителем киевской кафедры в отсутствие митрополита Георгия, так как не исключено, «что митрополит Георгий, после того как сам лично удостоверился в нетленности мощей князей, взял на себя труд по достижению официального признания святых и Византией. На это якобы указывает его поездка в том же году к патриарху в Константинополь».

Как полагает исследователь, «официальная канонизация Бориса и Глеба как общерусских (т. е. надо понимать, общеправославных) святых во времена святительства в Киеве Георгия всецело зависела от его позиции»³²⁰.

Поскольку митрополит не вернулся из своей «командировки», а его преемник Иоанн II появился в Киеве лишь в 1077 г., каноническое признание Бориса и Глеба Константинопольским патриархатом могло произойти не ранее этого времени. Если новый митрополит имел при себе соответствующую санкцию, он вполне мог выступить инициатором составления церковной службы Борису и Глебу, где был предан анафеме Святополк, или одной из ее редакций³²¹.

2.3. РАСПАД «ТРИУМВИРАТА» И БОРЬБА ЗА «ЧЕРНИГОВСКОЕ НАСЛЕДСТВО»

В отсутствие митрополита Георгия отношения между правителями Русской земли накалялись. Если Неофит Черниговский действительно исполнял обязанности местоблюстителя Киевской митрополии, становится понятной та политическая активность, которую вдруг стал проявлять Святослав.

Как сообщает ПВЛ, «в год 6581 (1073). Воздвиг дьявол распрю в братии этой — в Ярославичах. И были в той распре Святослав со Всеволодом заодно против Изяслава. Ушел Изяслав из Киева, Святослав же и Всеволод вошли в Киев месяца марта 22-го и сели на столе в Берестовом, преступив отцовское завещание. Святослав же был виновником изгнания брата, так как стремился к еще большей власти; Всеволода же он прельстил, говоря, что “Изяслав сговорился со Всеславом, замышляя против нас; и если его не опередим, то нас прогонит”. И так восстановил Всеволода против Изяслава. Изяслав же ушел в Польшу со многим богатством, говоря, что “этим найду воинов”. Все это поляки отняли у него и выгнали его. А Святослав сел

в Киеве, прогнав брата своего, преступив заповедь отца, а больше всего Божью»³²².

Долгое время преобладало представление о том, что польский князь Болеслав II просто отобрал имущество Изяслава и выслал его из страны³²³; тем не менее существует предположение, что военные действия в пользу изгнанного князя на западных границах Руси все же были предприняты и завершились мирным договором в Сутейске (1074), который скрепил сын Всеволода Ярославича Владимир Мономах, сообщая об этом в «автобиографической» части своего «Поучения». Очевидно, для Изяслава эта локальная польско-русская война завершилась безрезультатно, так как Болеслав не только сумел наладить отношения со Святославом, но и заключил с ним союз против чешских Пржемысловичей. В 1076 г., свидетельствует ПВЛ, «ходил Владимир, сын Всеволода, и Олег, сын Святослава, в помощь полякам против чехов». Как уточняет сам Владимир Мономах, «...послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил по земле их 4 месяца»³²⁴.

В борьбе с братом Изяслав был вынужден искать других союзников: он обратился за помощью к немецкому королю Генриху IV. Как писал хронист Лампрехт Герсфельдский, по завершении рождественских празднеств в Страсбурге, «немного дней спустя [Генрих IV] перебрался в Майнц, куда к нему прибыл король Руси по имени Димитрий [крестильное имя Изяслава], привезя ему бесчисленные сокровища в виде золотых и серебряных сосудов и чрезвычайно драгоценных одежд, с просьбой оказать ему помощь против его брата, который силой изгнал его из королевства и, подобно свирепому тирану, сам завладел королевской властью. Для переговоров с ним об обидах, которые он причинил своему брату, король немедля отправил Бурхарда, настоятеля трирской церкви,

который должен был предупредить его, чтобы он оставил не по праву захваченный трон, иначе ему вскоре придется испытать силу оружия Германского королевства. Этот [Бурхард] оказался подходящим для такого посольства по той причине, что тот, к кому он отправлялся, был женат на его сестре, и Бурхард активно ходатайствовал перед королем, чтобы против того пока не предпринималось никаких более серьезных мер. Король же Руси до возвращения посольства поручен был королем [Генрихом] заботам маркграфа саксонского Деди, в сопровождении которого он ранее и прибыл»³²⁵.

Как видно, Изяслав прибыл в Германию отнюдь не с пустыми руками, значит, ПВЛ допустила преувеличение, сообщив о том, что он лишился всего своего имущества в Польше. Генрих IV направил в Киев своих послов. Эта дипломатическая миссия была зафиксирована не только хроникой Лампрехта, но и ПВЛ, которая сообщает под 1075 г.: «В тот же год пришли послы от немцев к Святославу; Святослав же, гордясь, показал им богатство свое. Они же, увидев бесчисленное множество золота, серебра и шелковых тканей, сказали: “Это ничего не стоит, ведь это лежит мертво. Лучше этого войны. Ведь мужи добудут и больше того”»³²⁶. Интересно, что устами иноземных послов летописец осуждает своего князя, поведение которого не соответствовало стереотипу «идеального правителя».

С политической точки зрения миссия Буркхарда завершилось безрезультатно, хотя богатые дары Святослава Генриху IV, по словам Лампрехта Герсфельдского, поразили воображение немцев³²⁷. В этих условиях Изяслав был вынужден обратиться к римскому папе Григорию VII через своего сына Ярополка, посетившего Вечный город, который, как полагают, в обмен на помощь готов был признать власть «наместника св. Петра». Известно, что Григорий VII отреаги-

ровал на миссию Ярополка в посланиях (бреве) от 17 апреля (направленном «Деметрию, королю Руси») и 20 апреля 1075 г. (направленном Болеславу II), однако исследователи спорят о том, привело ли это к каким-либо практическим результатам³²⁸.

Возвращаясь к истокам конфликта между правителями Русской земли, в который оказались вовлечены крупнейшие фигуры европейской политики XI в., обратим внимание на то, что автор летописной статьи 1073 г. в соответствии с традиционными представлениями средневековой историографии приписывает начало вражды Ярославичей проискам дьявола и... властолюбию черниговского князя, а в заключение совершает традиционный экскурс в ветхозаветную историю, уподобив Святослава потомкам библейского Хама, покусившимся «на землю Сифову», и даже Исаву, который преступил «заповедь отца своего, и прия убийство». В этом можно усмотреть и скрытое уподобление Святослава Ярославича Святополку Окаянному, которому также инкриминируется властолюбие.

В летописном тексте есть еще ряд интересных моментов. Во-первых, Изяслав успел покинуть город и забрать с собой все свое имущество, а значит, об интригах Святослава ему было известно заранее. Во-вторых, Святослав и Всеволод, войдя в Киев, «сели на столе в Берестовом», то есть в загородной княжеской резиденции, а не в самом городе. Интересное объяснение этому факту предложил М.Б. Свердлов, по мнению которого «союзники вместе выступили против старшего брата, но сесть вдвоем на княжеский стол в Киеве они не могли, поскольку на Руси, в отличие от Византийской империи, еще не было традиции соправительства. Княжеским столом мог владеть лишь один князь. Поэтому они сели вдвоем на княжеском дворе в древнем родовом владении —

селе Берестове. Там, видимо, они решили, что в Киеве будет править Святослав»³²⁹.

В Русской земле вновь установилась система «дуумвирата», когда только два из трех ее центров имели собственных князей. Не исключено, что «дуумвиры» произвели передел прочих волостей; возможно, как заметил академик М.С. Грушевский, был сделан «шаг вперед в кооперативном собирании земель»³³⁰. В.Н. Татищев высказал мнение, что «Святослав, приняв престол русский, брату Всеволоду дал Чернигов со всею областью». Согласно другой точке зрения, восходящей к Н.М. Карамзину, черниговский «стол» остался за Святославом.

Попробуем выяснить, на какие территории за пределами Русской земли распространялось его право сбора дани, благодаря которому он смог накопить «бесчисленное множество» золота, серебра и паволоков. По утверждению В.Н. Татищева, Святослав «сына Бориса посадил в Вышгороде, Глеба — в Переяславле, Давида — в Новгороде, а Олега — в Ростов»³³¹. Исследователь предполагал, что Чернигов был обменен Святославом на принадлежащие Всеволоду Переяславль и Ростовскую волость, однако в созданной им картине распределения уделов есть несколько моментов, противоречащих источникам. Так, принадлежность Бориса к Святославичам вызывает сомнения, так как, скорее всего, здесь имеется в виду племянник Святослава Борис Вячеславич³³².

ПВЛ дает основания полагать, что в экономической зависимости от Чернигова Ростовская земля оказалась не в 1073 г., а двумя годами раньше. Княжение Глеба в Новгороде продолжалось как минимум до 1078 г., поскольку летописных данных о его переходе на переяславский «стол» нет. Перечень новгородских князей, приведенный в НІЛМ, относит

Императоры Василий II и Константин VIII вместе с Анной решают ее судьбу. Радзивилловская летопись

Анна отплывает из Константинополя в Корсунь. Радзивилловская летопись

Князь Владимир осаждает Корсунь. Радзивилловская летопись

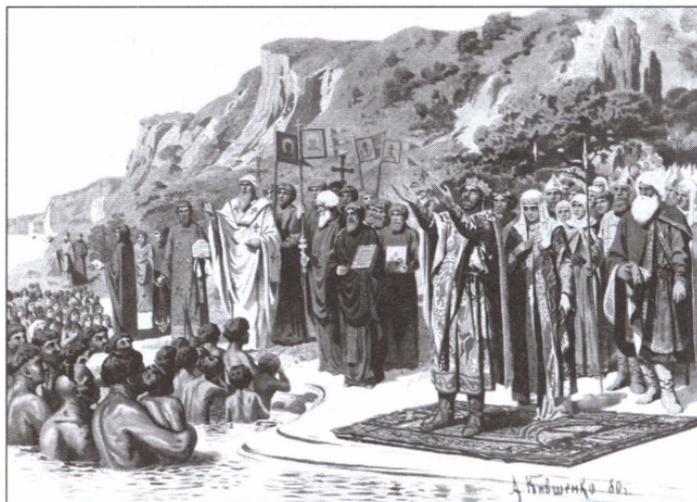
*Крещение дружины князя Владимира в Корсуні.
Радзивилловская летопись*

*Крещение великого князя Владимира в Корсуни.
Художник А.И. Иванов*

*Великий равноапостольный князь Владимир.
Художник В.П. Верещагин*

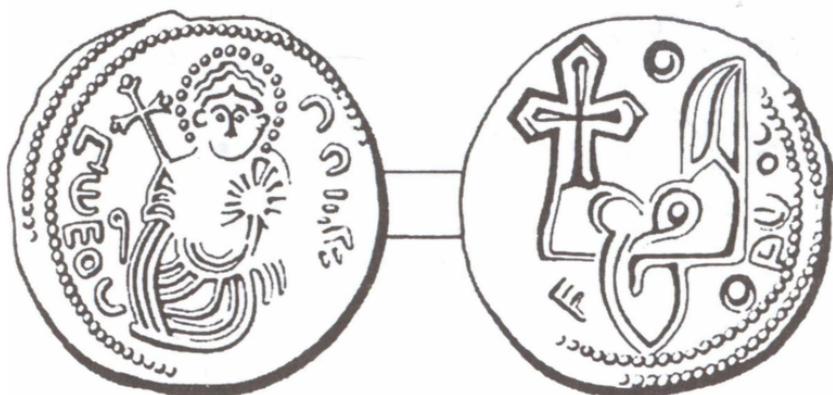
Крещение киевлян князем Владимиром. Художник А.Д. Кившенко

Святой равноапостольный князь Владимир с сыновьями, святыми мучениками Борисом и Глебом. Икона XV в.

Великий князь Святополк I. Художник В.П. Верещагин

Печать князя Святополка Владимировича

Святополк Окаянный. В.И. Шереметьев

Перевозка на телеге раненого Бориса Владимировича и убийство его варягами по приказу Святополка. Радзивилловская летопись

Захват ладьи и убийство Глеба по приказу Святополка Окаянного. Радзивилловская летопись

*Битва Ярослава Мудрого со Святополком Окаянным
в 1016 г. под Любечем. Радзивилловская летопись*

*Битва Ярослава Мудрого со Святополком Окаянным и половцами
в 1019 г. на берегу Альты. Радзивилловская летопись*

Змеевик «Борис и Глеб». XII–XIII вв.

Великий князь Ярослав Владимирович. Из «Титулярника» 1672 г.

Борис и Глеб. Икона XIV в.

А.Г. Бобринский. Художник И. Христианек

*Святой князь Борис.
Художник М.В. Нестеров*

*Святой князь Глеб.
Художник М.В. Нестеров*

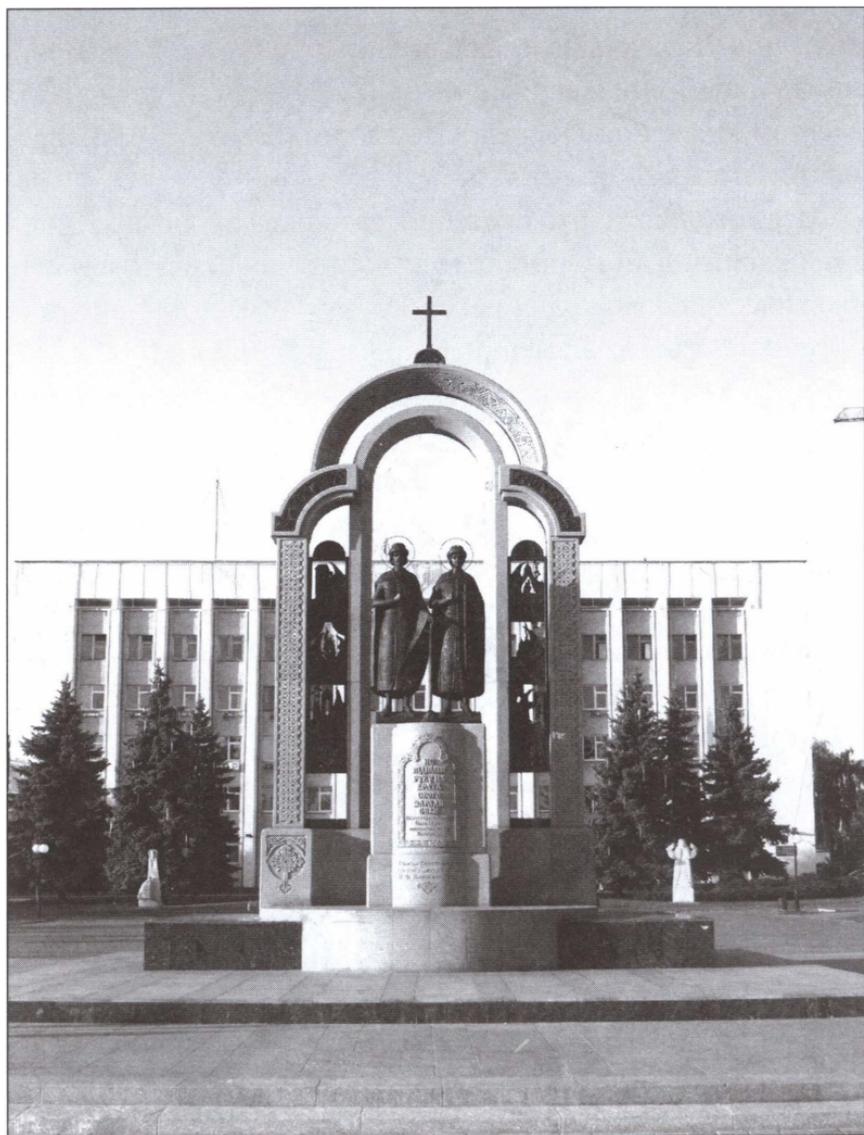
Князь Борис перед убиением. Художник Е.Д. Поленова

Святые Борис и Глеб на корабле. Художник И. Билибин

Памятник Борису и Глебу у Борисоглебского монастыря

Памятник Борису и Глебу в г. Вышгороде

княжение Давыда к более позднему периоду (1095—1097)³³³, между двумя княжениями сына Мономаха — Мстислава. Местом княжения Олега в «Поучении» Владимира Мономаха называется Волынь³³⁴.

Несмотря на то что сведения Татищева не находят подтверждения в источниках, они часто используются как фактическая основа для реконструкции территориального состава княжеских владений. Например, О.М. Рапов полагал, что в 1073—1076 гг. власть Святослава распространялась на Киевскую, Турово-Пинскую, Древлянскую, Новгородскую, часть Смоленской, а также Переяславской и Ростово-Суздальской земель. «Два последних владения он выменял у брата Всеволода Ярославича за Черниговскую, Муромо-Рязанскую и, вероятно, Тмутараканскую области. Тогда же он стал владельцем и юго-западных земель — Владимиро-Волынской и Червеньской, а также территорий, расположенных по Стрию, Сапу, Серету и Днестру»³³⁵.

С источниковедческой точки зрения ситуация такова. ПВЛ, сообщая в конце статьи 1073 г. о том, что «Святослав сел в Киеве», ничего не говорит о судьбе черниговского «стола»; в то же время исследователи обратили внимание на «Поучение» Владимира Мономаха и «Киево-Печерский патерик», которые свидетельствуют о том, что Всеволод остался на княжении в Переяславле³³⁶.

Таким образом, гипотеза, выдвинутая В.Н. Татищевым, с одной стороны, не подкреплена летописными фактами, с другой — противоречит остальным источникам и может базироваться лишь на логическом применении принципа «лествичного» наследования. Под влиянием татищевской гипотезы, как правило, игнорируют прямое указание ПВЛ под 1093 г., где в конце некролога Всеволоду сообщается,

что он умер, «княжив в Киеве 15 лет, а в Переяславле год, и в Чернигове год»³³⁷.

В числе волостей, часть дани от которых могла поступать в Чернигов, а позднее в Киев, несомненно, была Тмутаракань, куда шла дань от касогов «и иных стран»; за исключением краткого периода 1064—1066 гг., когда здесь княжил Ростислав Владимирович, она находилась под властью одного из сыновей Святослава — Глеба. После того как Глеб около 1069 г. был переведен на княжение в Новгород, в Тмутаракани, надо полагать, сел другой его сын — Роман. Под 1071 г. ПВЛ сообщает, что дань для Святослава собиралась и в Ростовской земле, хотя она входила во владения Всеволода. Таким образом, летописный материал позволяет утверждать, что Святослав Ярославич в 1060 — начале 1070-х гг. располагал экономическими ресурсами северо-востока и юга, которые позволили ему начать борьбу за Киев.

В результате мартовского переворота 1073 г. отношения черниговского князя с Печерским монастырем оказались испорчены, и это не могло не сказаться на репрезентации его деятельности в летописной и агиографической традициях. «Хотя в летописи сохранились статьи, где заметна обработка текстов в пользу Святослава, годы его княжения описаны позднее осуждавшим его летописцем» (А.Г. Кузьмин)³³⁸. Исследователи, вслед за А.А. Шахматовым, полагают, что предвзятое отношение к Святославу связано с нарушением им порядка наследования киевского «стола», на чем, в частности, акцентирует внимание «Житие Феодосия».

Колоритно описал эту ситуацию Д.С. Лихачев: «Игумен Феодосий отказался явиться на пир, которым Святослав собирался ознаменовать свое вокняжение в Киеве, а затем неоднократно обличал Святослава. В проповедях, посланиях (“эпистолиях”) и через приходивших к нему “вельмож”,

которых просил передать Святославу свое осуждение его поступков, Феодосий утверждал, что Святослав “не по закону” сел в Киеве, прогнав своего старшего брата, которого должен был иметь вместо отца. Феодосий запретил помянуть имя Святослава на монастырских службах, и в монастыре по-прежнему поминали Изяслава. После одной из “великих зело” епистолий, в которой Феодосий сравнивал Святослава с Каином и “иными многими древними гонителями, убийцами и братоненавистниками”, Святослав пришел в страшный гнев. Он бросил на землю послание Феодосия и “яко лев” рыкнул “на праведного». Лишь впоследствии «Феодосий стал считаться с Святославом как с киевским князем, но поминал его на богослужении всегда на втором месте после Изяслава»³³⁹.

По мнению А.Н. Насонова, «в Печерском монастыре сложился определенный идеал князя, и представители династии Рюриковичей, признававшейся в Печерском монастыре единственной законной династией, должны были и в отношении друг с другом и в отношениях с населением не нарушать, во всяком случае, явно и резко, требований этого идеала»³⁴⁰. В данном случае он лишь абстрагировал идею М.Д. Присёлкова, приписавшего создание такого «идеального образа» летописцу Никону (отождествлявшемуся в его концепции с митрополитом Иларионом, якобы принявшим под этим именем схиму)³⁴¹.

Согласно «Сказанию о чудесах» Бориса и Глеба, князь Святослав, как и его предшественник, проявлял интерес к увековечиванию памяти братьев-мучеников, заложив в их честь в Вышегороде новый храм, однако в самый разгар строительства он скончался «от резанья желве» 27 декабря 1076 г. Учитывая то обстоятельство, что Святослав погребен в черниговском храме Святого Спаса, в то время как его бра-

тя Изяслав и Всеволод погребены в киевском храме Святой Софии³⁴², можно сделать вывод, что он сосредоточил в своих руках власть над Киевом и Черниговом, и это послужило основанием для составителя княжеского «Изборника», писца Иоанна, назвать его князем Русской земли, хотя ПВЛ не использует по отношению к нему данный титул.

Как заметил П.П. Толочко, «о смерти его достаточно сдержанно сказано в летописи: в ней нет даже традиционной фразы о сочувствии киевлян к покойнику»³⁴³. На самом же деле в ПВЛ отсутствует не «традиционная фраза», а традиционный для таких случаев некролог с описанием внешности князя и различных его достоинств. Это является еще одним из доказательств того, что киевская «общественность», возможно, направляемая Печерским монастырем, была настроена к покойному князю враждебно.

Смерть Святослава привела к тому, что вакантными оказались сразу два «стола» — киевский и черниговский. 1 января 1077 г. ему наследовал Всеволод, но такая ситуация не устраивала одного из младших князей — Бориса Вячеславича, неожиданно проявившего политические амбиции. Летописец сообщает: «Сел Борис в Чернигове месяца мая в 4 день, и было княжения его 8 дней и бежал в Тмутаракань к Роману».

Учитывая, что Борис был сыном Вячеслава Ярославича, княжившего в Смоленске, вряд ли можно считать, что он мог пользоваться какой-то местной поддержкой либо поддержкой кого-то из многочисленных наследников Святослава. В рамках существующих представлений о принципах наследования «столов» его претензии на Чернигов вообще непонятны; остается предполагать, что предприимчивый князь воспользовался тем, что в этот момент на Русь пришел с поляками Изяслав, и занял город, возможно, с небольшой группой сторонников, но, чувствуя непрочность своего по-

ложения, бежал в Тмутаракань, где княжил сын Святослава Роман, имевший больше прав на черниговский «стол».

Переговоры Всеволода и Изяслава, состоявшиеся на Воыни, завершились тем, что Изяслав 15 июля сел в Киеве, а Всеволод вернулся в Чернигов. Вновь образованный «дуюмвират» приступил к перераспределению княжений: сын Святослава Глеб был заменен в Новгороде одним из сыновей правящего киевского князя — Святополком. Еще один сын Изяслава — Ярополк — был посажен в Вышгороде, а сын Всеволода Владимир Мономах — в Смоленске. По его словам, другой сын Святослава, Олег, был выведен из Владимира-Волынского и «был у Всеволода в Чернигове».

Как нетривиально писал об этом В.В. Мавродин, «из “Поучения детям” Мономаха видно, что Олега пытались всячески задобрить, и, вернувшись к отцу из Смоленска, Мономах вместе с Всеволодом устраивает Олегу обед на Красном Дворе в Чернигове. Но если для Мономаха эти средства казались достаточными, никакими обедами успокоить Олега, у которого буквально из-под носа стащили лакомый кусок, было невозможно. Как только оттираемый своими сородичами на задний план Олег убедился, что из положения “изгоя” ему не выйти, он бежит 10 апреля 1078 г. в Тмутаракань»³⁴⁴.

В Тмутаракани сложилась коалиция «младших князей», противостоявшая при поддержке половцев «дуюмвирату», правившему в Русской земле. И «привели Олег и Борис поганых на Русскую землю и пошли на Всеволода с половцами. Всеволод же вышел против них на Сожицу, и победили половцы русь, и многие убиты были тут: убит был Иван Жирславич и Туки, Чудинов брат, и Порей, и иные многие, месяца августа в 25-й день. Олег же и Борис пришли в Чернигов, думая, что победили, а на самом деле земле Русской ве-

ликое зло причинили». Потерпевший поражение Всеволод был вынужден обратиться за помощью к Изяславу. В летописи сохранились подробности встречи князей: «Всеволод же пришел к брату своему Изяславу в Киев; поздоровались и сели. Всеволод же поведал о всем происшедшем. И сказал ему Изяслав: “Брат, не тужи. Видишь ли, сколько всего со мной приключилось: не выгнали ли меня сначала и не разграбили ли мое имущество? А затем, в чем провинился я во второй раз? Не был ли я изгнан вами, братьями моими? Не скитался ли я по чужим землям, лишенный имения, не сделав никакого зла? И ныне, брат, не будем тужить. Если будет нам удел в Русской земле, то обоим; если будем лишены его, то оба. Я сложу голову свою за тебя”. И, так сказав, утешил Всеволода, и повелел собирать воинов от мала до велика». Подробность записи говорит в пользу того, что она, возможно, была написана очевидцем событий; интересно и то, что фраза, которую летопись приписывает Изяславу, по сути, является подтверждением гипотезы о существовании в Русской земле правящего «дуумвирата».

ПВЛ сообщает: «И отправились в поход Изяслав с Ярополком, сыном своим, и Всеволод с Владимиром, сыном своим. И подошли к Чернигову, и черниговцы затворились в городе, Олега же и Бориса там не было. И так как черниговцы не отворили ворот, то приступили к городу. Владимир же приступил к восточным воротам от Стрижени, и захватил ворота, и взял внешний город, и пожег его, люди же вбежали во внутренний город. Изяслав же и Всеволод услышали, что Олег с Борисом идут против них, и, опередив их, пошли от города против Олега»³⁴⁵.

Летописная статья 1078 г. интересна тем, что здесь впервые зафиксировано проявление сепаратизма внутри Русской земли. Был ли он следствием длительного противостояния

или явлением спонтанным, судить трудно, но факт остается фактом: население города — «черниговцы» — начинают отстаивать собственные интересы. Ожесточенное сопротивление горожан на первый взгляд необъяснимо, если вспомнить, что Борис Вячеславич княжил в Чернигове всего неделю; скорее всего, жители города проливали кровь за Олега, считая его «своим» князем³⁴⁶.

Мы не оспариваем того, что под «черниговцами» подразумевается именно городская община (как думает И.Я. Фроянов). Нам представляется противоречивым то обстоятельство, что эти «черниговцы» не препятствовали вокняжению Всеволода в городе год назад, но оказали сопротивление при его появлении у города с киевскими войсками. Это противоречие устраняется, если предположить, что под «черниговцами» подразумевается не все население города, а лишь та его часть, которая поддержала притязания Олега Святославича, сумев взять верх в городской общине.

После поражения на Нежатиной Ниве, где 3 октября 1078 г. погибли Борис и Изяслав, а Олег едва успел бежать в Тмутаракань с остатками дружины, власть в Киеве снова перешла к Всеволоду, а черниговский «стол» занял недавно воевавший с черниговцами Владимир Мономах. Борьба за «Черниговское наследство» продолжилась летом следующего года, когда на Русь при поддержке половцев вторгся Роман Святославич, оставивший в Тмутаракани вместо себя Олега. Однако Всеволоду удалось заключить мир с половцами, после чего Роман был убит своими недавними союзниками, а Олег, надо полагать тоже не без ведома Всеволода, захвачен хазарами и выслан в Константинополь. В Тмутаракани водворился присланный из Киева посадник Ратибор. Таким образом, война 1078—1079 гг. за наследство Святослава Ярославича завершилась поражением его сыновей.

Следует отметить факт, на который исследователи почти не обращали внимания. По свидетельству Владимира Мономаха, «и на весну посадил меня отец в Переяславле выше всей братии»³⁴⁷. Судя по хронологии событий в «Поучении» и ПВЛ, речь идет о весне 1083 или 1084 г. Сохранение за Мономахом черниговского княжения и посажение его на «стол» в Переяславле означало возвращение Русской земли к «дуумвирату» 1077—1078 гг., что дало князю основание подчеркнуть свое превосходство «перед братьями». При жизни Всеволода это исключительное положение Мономаха не оспаривалось даже инициатором княжеских «крамол» Олегом Святославичем, вернувшимся в Тмутаракань в 1083 г.

После утверждения на киевском «столе» Всеволод Ярославич достроил заложенную Святославом церковь Борису и Глебу, однако сразу по окончании строительства храм рухнул. Если верить составителю «Сказания чудес», на рубеже 80-х и 90-х гг. XI в. культ князей пришел в упадок³⁴⁸.

Следующий этап развития культа Бориса и Глеба оказался связан с изменением политической структуры Русской земли в 90-х гг. XI в., когда ее городские центры вновь оказались в руках «триумвирата», составленного на сей раз из двоюродных братьев: в 1093 г. — из Святополка Изяславича, Владимира и Ростислава Всеволодовичей; в 1097 г. — из Святополка, Владимира и Давыда Святославича³⁴⁹, которого пытался оттеснить на задний план младший брат Олег. Как и следовало ожидать, отношения между его участниками уступали аналогичному политическому союзу 1050—1060-х гг.

После смерти Всеволода в апреле 1093 г. Мономах отказался от возможности занять киевский «стол» вне родового старшинства в пользу Святополка. Летописец рассказывает об этом: «Владимир же стал размышлять, говоря: “Если сяду на столе отца своего, то буду воевать со Святополком, так как

стол этот был его отца". И, размыслив, послал по Святополка в Туров, а сам пошел в Чернигов, а Ростислав — в Переяславль. И после Пасхи, по прошествии праздничной недели, в день антипасхи, месяца апреля в 24-й день пришел Святополк в Киев. И вышли навстречу ему киевляне с поклоном, и приняли его с радостью, и сел на столе отца своего и дяди своего»³⁵⁰. Однако на следующий год Мономаху пришлось отказаться от Чернигова, когда Олег Святославич возобновил войну за «стол» своего отца, и перейти на княжение в Переяславль, оставшееся вакантным после гибели младшего брата Ростислава в битве с половцами на реке Стугне. О начале второй войны за «Черниговское наследство» ПВЛ говорит под 1094 г.: «В тот же год пришел Олег с половцами из Тмутаракани и подошел к Чернигову, Владимир же затворился в городе. Олег же, подступив к городу, пожег вокруг города и монастыри пожег. Владимир же сотворил мир с Олегом и пошел из города на стол отцовский в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего. Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не препятствовал им, ибо сам повелел им воевать»³⁵¹.

Владимир Мономах в «Поучении» сообщает детали этих событий: «И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними 8 дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: "Пусть не похваляются язычники". И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около 100 человек, с детьми и женами»³⁵².

Итак, Олег Святославич добился «отчего» «стола» в Чернигове ценой разорения волости. Не исключено, что капитуляция Мономаха являлась следствием целенаправленного

политического компромисса, позволившего восстановить нормальное функционирование порядка наследования «отчин» в Русской земле³⁵³. Вокняжение Олега в Чернигове не означало окончания войны за «Черниговское наследство». Судя по летописи, его целью было не только объединение всех территорий, которыми так или иначе управлял его отец Святослав, но и дальнейшее их расширение³⁵⁴.

Если против Владимира Мономаха действовал Давыд Святославич, пытавшийся закрепиться на княжении в Смоленске, то сын Мономаха Изяслав в 1095 г. захватил Муром, где сидел посадник Олега. Кроме того, по утверждению враждебно настроенного к Олегу летописца, он категорически отказался участвовать в формировании коалиции против половцев, чем спровоцировал создание союза князей Киева и Переяславля и был вынужден бежать из Чернигова в Стародуб, где сдался после тридцати трех дней осады и «целовал крест» о присоединении к антиполовецкой коалиции вместе со своим братом Давыдом. Но он не выполнил условий мирного соглашения и, набрав при содействии Давыда воинов в Смоленске, отправился выгонять Изяслава из Мурома, погибшего в битве 6 сентября 1096 г. Казус заключался в том, что Олег, бывший крестным отцом погибшего княжича, стал виновником его смерти. Однако и это не умерило его политических аппетитов.

По свидетельству ПВЛ, «Олег же по взятии города перехватал ростовцев, и белозерцев, и суздальцев, и заковал их, и устремился на Суздаль. И когда пришел в Суздаль, сдались ему суздальцы. Олег же, замирив город, одних похватал, а других изгнал и имущество у них отнял. Пошел к Ростову, и ростовцы сдались ему. И захватил всю землю Муромскую и Ростовскую, и посажал посадников по городам, и дань начал собирать»³⁵⁵. Таким образом, черниговский князь при

содействии младшего брата Ярослава не только восстановил контроль над своей «отчиной», но и захватил «отчину» своего противника Владимира Мономаха. Поскольку попытки урегулирования конфликта, предпринятые Мономахом и его сыном Мстиславом, оказались тщетными, он разрешился битвой при Калокше, где Олег потерпел поражение и вынужден был бежать, утратив все свои приобретения. В этих условиях ему пришлось согласиться на участие в княжеском съезде, состоявшемся в 1097 г. в Любече.

ПВЛ так описывает это собрание: «Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег, и собрались на совет в Любече для установления мира, и говорили друг другу: “Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир — Всеволодовой, Давыд и Олег и Ярослав — Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду — Владимир, Ростиславичам же: Володарю — Перемышль, Васильку — Теробовль”. И на том целовали крест: “Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной”. Сказали все: “Да будет против того крест честной и вся земля Русская”. И, попрощавшись, пошли во свояси»³⁵⁶.

Надо отметить, что летописная запись о княжеском съезде в Любече менее подробна, чем другие статьи ПВЛ за первую половину 90-х гг. XI в. Поэтому вряд ли она может рассматриваться как завершение Начального свода (о чем писал академик Л.В. Черепнин)³⁵⁷. Статья 1097 г. поражает своей «протокольной» лаконичностью и не имеет даже кален-

дарной даты, что позволяет предполагать, что она написана гораздо позже описываемых в ней событий. Создается впечатление, что летописец не придавал им особого значения, видимо, считая, что этот съезд ничем не отличался от аналогичных княжеских встреч в Вышгороде в 1072 или в Киеве в 1078 г. Между тем в историографии он рассматривается как один из ключевых моментов эволюции древнерусской государственности³⁵⁸.

На Любечском княжеском съезде еще присутствует идея единства, но летописец уже вынужден считаться с политической реальностью последних десятилетий, когда стольные города, находящиеся во владении разных княжеских ветвей, становятся причиной кровопролитных междоусобий, а внутри их вызревает партикуляризм городских общин. В этом контексте акт 1097 г. — это не только финал войны за «Черниговское наследство», но и своеобразный предохранитель от прецедентов 1073 и 1078 гг. По мнению И.Я. Фроянова и А.Ю. Дворниченко, «договор князей, заключенный в Любече, являлся, по сути, признанием самостоятельности Чернигова и отчасти Переяславля»³⁵⁹. Хотя идея единства Русской земли сохранялась еще долгое время, с этого момента составлявшие ее ядро политические центры пошли самостоятельным путем.

Владения Святослава Ярославича с огромными экономическими ресурсами за пределами Русской земли, были возвращены его детям в раздробленном виде, — следовательно, потенциальная политическая опасность для правителей Киева и Переяславля была устранена. Из летописных свидетельств можно заключить, что по условиям соглашения в Любече Давыд Святославич получил «стол» в Чернигове, Олег — княжение в Новгороде-Северском, Ярослав — в Муроме и Рязани. Существует предположение, что в обмен на

возвращение детям Святослава их «отчин» Любечский съезд по инициативе Владимира Мономаха исключил «возмутителей спокойствия» Святославичей из числа наследников киевского «стола»³⁶⁰.

Как показали дальнейшие события, «возмутителями спокойствия» являлись не только они...

2.4. ОСЛЕПЛЕНИЕ ВАСИЛЬКО РОСТИСЛАВИЧА И ДИНАСТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ 1097—1100 ГГ. ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Сразу по завершении Любечского съезда начались между княжеские интриги, жертвой которых стал теребовльский князь Василько Ростиславич. Как позволяет судить про странная повесть, помещенная в ПВЛ под тем же 1097 г. и написанная, как полагают, очевидцем событий, неким Василием (М.Х. Алешковский считал его автором второй редакции ПВЛ, составленной в 1119 г. и сохранившейся в Ипатьевской летописи, тогда как Сильвестр, автор текста, сохранившегося в Лаврентьевской летописи, всего лишь сокращал текст Василия в начале 1120-х гг.)³⁶¹. Инициаторами интриг выступили некоторые из княжых «мужей» (Василь, Туряк и Лазарь), которым удалось убедить волынского князя Давыда Игоревича в существовании коалиции, созданной Владимиром Мономахом и Васильком против Давыда и киевского князя Святополка. «И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они говорить Давыду Игоревичу, что “Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя”. Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать ему на Василька: “Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против меня и тебя и соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове”.

Князю волынскому удалось достаточно быстро убедить в истинности своих слов князя киевского. «Святополк же пожалел о брате своем и про себя стал думать, не правда ли это? И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они думать о Васильке, а Василько этого не знал, и Владимир тоже. И стал Давыд говорить: “Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире”. И послушался его Святополк»³⁶².

Предпосылками этого династического конфликта послужили отнюдь не решения Любечского съезда. Они были созданы десятилетием раньше, когда на юго-западных окраинах Древнерусского государства завязался еще один гордиев узел междукняжеских отношений — не менее сложных, чем в Русской земле. С начала 50-х гг. XI в. княжеский «стол» на Волыни переходил из рук в руки между сыновьями и внуками Ярослава Мудрого, пока в 1078 г. не оказался в руках Ярополка Изяславича, который вместе с княжением во Владимире-Волынском получил также княжение своего отца в Турове.

Когда в 1084 г. обострились его отношения с тремя сыновьями тмутараканского князя Ростислава, которые жили в его столице в качестве безудельных князей-изгоев, ему пришлось отстаивать свои владения с оружием в руках при поддержке Владимира Мономаха. В том же году в этот региональный «квартет» князей включился еще один внук Ярослава Мудрого — Давыд Игоревич, лишившийся «стола» в Тмутаракани (который он делил с Володаром Ростиславичем) и посаженный на княжение в Дорогобуж. Это могло вызвать недовольство Ярополка, связанного родственными узами и с немецкой аристократией, и с польским княжеским домом, и потому доступного влияниям «заграницы».

По утверждению ПВЛ, в 1085 г. он «хотел идти на Всеволода, послушав злых советников», что позволяет предполагать существование при его дворе прозападной политической группировки, однако при первых признаках войны, оставив свою мать и дружину в Луцке, бежал в Польшу, не дожидаясь того момента, когда возглавивший карательную экспедицию Владимир Мономах осадил город. После подписания капитуляции Владимир посадил в городе Давыда, а мать, жену и дружину Ярополка увел в Киев. Поскольку матерью Ярополка была польская княгиня Гертруда, женой — немецкая принцесса Кунигунда³⁶³, пленение которых могло спровоцировать осложнения во внешней политике Киева, конфликт удалось замять довольно быстро: уже в следующем году мятежный князь заключил мир с Владимиром Мономахом и получил обратно свое княжество. Однако новое столкновение с Ростиславичами закончилось для него плачевно: 22 ноября 1086 г. он был убит под Звенигородом-Галицким неким Нерадцем, который, надо полагать, действовал по приказу одного из его политических противников — Рюрика Ростиславича³⁶⁴.

Вновь вокняжившийся во Владимире-Волынском Давыд Игоревич сохранил пропольскую внешнеполитическую ориентацию своего предшественника, что обусловило его противостояние с Ростиславичами, и прежде всего с княжившим в Теревле Васильком, который в 1092 г. вместе с половцами совершил вторжение в Польшу. По словам самого Василько, которые приведены в ПВЛ, он собирался претворить в жизнь масштабную внешнеполитическую программу: «И подумал: на землю Польскую пойду зимою и летом, и завладею землею Польскою, и отомщу за Русскую землю. И потом хотел захватить болгар дунайских, и посадить их у себя. И затем хотел отпроситься у Святополка и у

Владимира идти на половцев — да либо славу себе добуду, либо голову свою сложу за Русскую землю. Других помыслов в сердце моем не было ни на Святополка, ни на Давыда»³⁶⁵. Разумеется, соседство со столь пламенным патриотом было небезопасным для Давыда Игоревича, если он поддерживал дружественные отношения с польским князем Владиславом Германом. Если учитывать все эти аспекты междукняжеских противоречий, становится понятным, почему волынский князь так быстро поверил интригам.

Как рассказывает автор летописной повести, в ноябре 1097 г. Давыду и Святополку удалось заманить Василько в Киев во время посещения им Выдубицкого монастыря. В преддверии новой войны с поляками теребовльский князь хотел отказаться от приглашения Святополка, что послужило основанием для новых обвинений со стороны Давыда. «И сказал Давыд Святополку: “Видишь ли — не помнит о тебе, ходя под твоей рукой. Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет все твои города — Туров, Пинск и другие города твои. Тогда помянешь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне”. И послушался его Святополк, и послал за Васильком, говоря: Если не хочешь остаться до именин моих (дня святого Михаила, в честь которого был крещен Святополк. — Д.Б.), то приди сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом. Василько же обещал прийти, не зная об обмане, который замыслил на него Давыд»³⁶⁶. Обвинения, выдвинутые Давыдом, были весьма опасны, ибо в его устах положение выглядело так, будто теребовльский князь претендует на «отчину» Святополка — Турово-Пинское княжество, где в разные годы правили его отец, старший брат и он сам. Поэтому явившийся в Киев Василько был взят под стражу, ослеплен и отдан на попечение Давыда, который собирался выдать его полякам.

Эта «политическая акция» вызвала возмущение Владимира Мономаха, который, по свидетельству летописи, «услышав, что схвачен был Василько и ослеплен, ужаснулся, заплакал и сказал: “Не бывало еще в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла”». Мономах вошел в соглашение со Святославичами, которые также «сильно опечалились и плакали, говоря, что “этого не бывало еще в роде нашем”». Впервые «младшие князья» Русской земли, встретившись во время переговоров в Городце, призвали к ответу князя киевского, послав к нему со словами: «Зачем ты зло это учинил в Русской земле и вверг нож в нас? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами, а, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так. А теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое».

Святополк Изяславич пытался оправдаться. «Поведал мне Давыд Игоревич: “Василько брата твоего убил, Ярополка, и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорию, а целовал крест с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире”. А мне поневоле свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд; он и привез его к себе»³⁶⁷. Однако оправдания киевского князя оказались неубедительными. Как можно заключить из текста повести, они не убедили не только князей, но даже и их дружинников: «И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: “Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоём городе взят и ослеплен”». Из этого следует, что этот династический инцидент не был сугубо родовой проблемой Рюриковичей: он затронул всю военно-политическую элиту Русской земли.

Увидев, что князья готовы переправиться через Днепр и штурмовать Киев, Святополк собрался бежать из города,

когда в дело вмешалась киевская община, пославшая на переговоры вдову Всеволода Ярославича и митрополита Николая. После этого начали «слать друг к другу мужей и помирились на том, что сказали Святополку: “Это козни Давыда, так ты иди, Святополк, на Давыда и либо схвати, либо прогони его”. Святополк же согласился на это, и целовали крест друг другу, заключив мир». Таким образом, киевскому князю все же удалось отмежеваться от соучастия в преступлении, но, чтобы подтвердить свою непричастность, он должен был возглавить карательную экспедицию против Давыда Игоревича.

В этих условиях Давыд был вынужден прибегнуть к посредничеству ослепленного Василько, предложив тому на выбор несколько уделов в Волынской земле, однако переговоры закончились неудачей. Весной 1098 г. Давыд хотел захватить Тербовльскую волость, но побоялся вступить в сражение с братом Василько Володарем Перемышльским и возвратил свободу своему пленнику, однако это не спасло его от конфликта с Ростиславичами, которые не успокоились до тех пор, пока не расправились с теми из княжьих «мужей», которые были инициаторами заговора.

Весной 1099 г., когда к границам Волынской земли двинулся Святополк, Давыд отправился искать помощи в Польше. Владислав Герман за пятьдесят золотых гривен взялся быть посредником между ним и Святополком, но, получив от киевского князя во время переговоров под Берестьем «дары великие», оставил Давыда на произвол судьбы³⁶⁸. Обеспечив нейтралитет Польши, Святополк захватил Волынское княжество, а Давыд был вынужден вновь уйти к полякам — на этот раз в качестве изгнанника. Но, как известно, аппетит приходит во время еды. По свидетельству летописца Василия, «Святополк же, прогнав Давыда, стал умышлять на Володаря

и Василька, говоря, что «это волость отца моего и брата»; и пошел на них». Очевидно, киевский князь исходил из того, что во время княжения Изяслава и Ярополка Перемышль и Теробовль находились в подчинении туровского князя. Однако его попытка захватить эти города окончилась поражением и бегством во Владимир.

Династический конфликт Рюриковичей принял межгосударственный характер: Святополк возложил борьбу с Ростиславичами на своих сыновей, которые обратились за помощью к венгерскому королю Кальману; между тем в борьбу за Волынь включился Давыд Игоревич, на сей раз опиравшийся на половецкого хана Боняка. По утверждению летописи, половцам удалось разбить венгров, несмотря на их баснословное численное превосходство, после чего один из сыновей Святополка Ярослав, бежал в Польшу, а другой — Мстислав — остался оборонять Владимир-Волынский, во время осады которого погиб. Тогда отстаивать завоевания Святополка отправился воевода Путята, действовавший заодно с сыном Давыда Черниговского Святославом (более известным в летописях под монашеским прозвищем Святоша), однако им удалось отбить Владимир лишь на короткий срок. В конце года его все же захватил Давыд Игоревич, успевший покняжить в городе еще раз, — убрать его оттуда удалось лишь на следующий год по решению нового княжеского съезда³⁶⁹.

Ситуацию урегулировали в два этапа: на первом этапе был заключен мирный договор, положивший конец волынской войне 1098—1099 гг.; на втором этапе правители Русской земли решали судьбу волынского князя. ПВЛ под 1100 г. рассказывает: «В тот же год братья сотворили мир между собою, Святополк, Владимир, Давыд, Олег в Уветичах, месяца августа в 10-й день. Того же месяца в 30-й день в том же

месте собрались на совет все братья — Святополк, Владимир, Давыд, Олег, — и пришел к ним Игоревич Давыд и сказал им: “Зачем призвали меня? Вот я. У кого на меня обида?” И ответил ему Владимир: “Ты сам прислал к нам: “Хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на свои обиды”. Вот ты и пришел и сидишь с братьями своими на одном ковре — почему же не жалуешься? На кого из нас у тебя жалоба?” И не отвечал Давыд ничего. И стали братья на конях; и стал Святополк со своей дружиной, а Давыд и Олег каждый со своею отдельно. А Давыд Игоревич сидел в стороне, и не подпустили они его к себе, но особо совещались о Давыде. И, порешив, послали к Давыду мужей своих, Святополк Путятю; Владимир Орогостя и Ратибора, Давыд и Олег Торчина. Посланные же пришли к Давыду и сказали ему: “Так говорят тебе братья: “Не хотим тебе дать стола Владимирского, ибо бросил ты нож в нас, чего не бывало еще в Русской земле. И мы тебя не схватим и никакого зла тебе не сделаем, но вот что даем тебе — отправляйся и садись в Божском остроге, а Дубен и Чарторыйск дает тебе Святополк, а Владимир даст тебе двести гривен, и Давыд с Олегом двести гривен”. И тогда послали послов своих к Володарю и Васильку: “Возьми брата своего Василька к себе, и будет вам одна волость, Перемышль. И если то вам любо, то сидите там оба, если же нет, то отпусти Василька сюда, мы его прокормим здесь. А холопов наших выдайте и смердов”. И не послушались этого ни Володарь, ни Василько. А Давыд сел в Божске, и затем дал Святополк Давыду Дорогобуж, где он и умер, а город Владимир отдал сыну своему Ярославу»³⁷⁰.

Итак, съезд в Уветичах привел к беспрецедентному решению, в результате которого инициатор «крамолы» лишился своей «отчины» по коллективному приговору князей, в то время как фактический его соучастник, киевский князь

Святополк, вернув ее под свою юрисдикцию, укрепил политическое положение старшей ветви потомков Ярослава.

Вскоре после княжеского съезда в Уветичах, завершившего династический кризис 1097—1100 гг., вновь возник интерес князей к культуре Бориса и Глеба.

2.5. МЕЖДУКНЯЖЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО ВОКРУГ КУЛЬТА БОРИСА И ГЛЕБА В КОНЦЕ XI — НАЧАЛЕ XII В.

Едва получив политическую автономию, «триумвиры» Русской земли вступили друг с другом в соперничество, ареной которого стала усыпальница Бориса и Глеба в Вышегороде. Главными конкурентами оказались ближайшие политические партнеры — Святополк Изяславич и Владимир Мономах. По свидетельству «Сказания о чудесах», в 1102 г. Святополк хотел обновить церковь, построенную в 1072 г. его отцом, говоря: «Не дерзну переносить с места на место [мощи святых]», но «не сбылся этот замысел по Божьему усмотрению и по воле святых мучеников». Между тем Владимир Мономах ночью втайне от Святополка оковал гробы Бориса и Глеба листьями из позолоченного серебра³⁷¹.

В 1111 г. каменную церковь Борису и Глебу воздвиг в Вышегороде Олег Святославич, неоднократно настаивавший на их перезахоронении там, однако его инициатива каждый раз наталкивалась на сопротивление Святополка, который, по утверждению «Сказания», завидовал тому, что не он был строителем этой церкви. Таким образом, есть основания утверждать, что между 1072 и 1111 гг. некоторые из потомков Ярослава поддерживали представления, согласно которым попечительство о культе князей-мучеников являлось прерогативой киевского князя. Упрочению этого

порядка вещей способствовала смерть Святополка Изяславича и последовавшие за ней в апреле 1113 г. волнения в Киеве, в результате которых на киевском «столе» оказался представитель младшей ветви Ярославичей Владимир Мономах. Переяславский князь пришел к власти в Русской земле вне очереди, ибо с точки зрения «лествичного права» она должна была принадлежать одному из Святославичей (если только они не отказались от нее ранее, что выглядит довольно сомнительным), а с точки зрения «права отчинного» наследовать Святополку должен был его сын Ярослав (В.Я. Петрухин)³⁷². Согласно одной из гипотез, призванной объяснить этот казус, порядок наследования киевского «стола» регулировался внутрдинастическим соглашением 1078 г. между Изяславом и Всеволодом, в соответствии с которым он переходил в руки старшего представителя то одной, то другой ветви (А.В. Назаренко)³⁷³.

Вокняжение Мономаха, происходившее в экстраординарных политических условиях, сопровождалось проведением в жизнь социально-экономических реформ, результатом которых стал знаменитый «Устав Владимира Всеволодовича», разработанный совместно с тысяцкими Русской земли в дополнение к «Правде Ярослава» и «Правде Ярославичей». Не исключено, что в связи со сложившейся ситуацией новый киевский князь выступил инициатором редактирования составленной в Печерском монастыре ПВЛ, которое было возложено на доверенное лицо Мономаха Сильвестра, игумена Выдубицкого монастыря Святого Михаила (основанного в 1070 г. Всеволодом Ярославичем).

Как заметил С.Я. Сендерович, «если посмотреть на текст ПВЛ в целом, то в нем можно различить две крупные, примерно равные части: 1) от начала до смерти Владимира Святославича; 2) от мученичества Бориса и Глеба до начала

княжения Владимира Мономаха включительно, которое отмечено вторым перенесением мощей этих святых». При этом он обратил внимание на то, что история предстает в ПВЛ «как повествование о процессе христианизации народа и о государственности как о процессе»; в свою очередь, «государственная проблема» в контексте ПВЛ — это «проблема законности престолонаследия в Киеве»³⁷⁴.

Исследователь отметил, что в результате династических коллизий власть на протяжении четырех поколений переходила от представителей старших княжеских ветвей, дискредитировавших себя тем или иным образом, к представителям младших. Этот принцип, по его мнению, представлял фундаментальную концепцию, проявившуюся в моральных оценках летописца, которые «распределяются отнюдь не по нормативным признакам, не в простом соответствии с добрыми и злыми поступками, как то можно было бы предположить по морализующей риторике, — летописец знает что-то еще, нечто особенное и решающее, что позволяет ему выбирать между возможностями осуждать своих протагонистов или оправдывать. Владимир I и Святополк I совершают братоубийство, но первый получает ореол святого, второй — печать окаянного, первый становится несравненным светочем русской истории, второй — ее мрачайшим злодеем. Разумеется, Владимир совершил свое преступление еще будучи язычником, то есть по неведению, но ведь летописец знает, что подобная же разница — между братоубийством по неведению закона и если “ведая сотворихъ” — имеется между Каином и Ламехом, причем Каин не получил прощения. Очевидно, здесь должно быть еще и другое очень весомое соображение. В то же время за всем этим можно увидеть единый принцип, руководящий выбором самых разнообразных тактических приемов для оправдания и осуждения различных князей:

определяющей является принадлежность князей к старшей или к младшей ветви»³⁷⁵.

Закономерность, выявленная С.Я. Сендеровичем, действительно имела место в 978, 1015, 1073, 1078 и 1113 гг. Вне сомнения, подчеркнуть подобную тенденцию было выгодно именно Владимиру Мономаху, собиравшемуся упрочить киевское княжение за своей семьей, назначив преемником своего старшего сына Мстислава, который по воле отца в 1117 г. переменял престижный новгородский «стол» (который занимал без малого тридцать лет) на «стол» в Белгороде.

С 1113 г. покровительство Владимира Мономаха культу князей-мучеников приобрело официальный характер, хотя, как позволяют заключить источники, оно являлось следствием компромисса со Святославичами, достигнутого в результате долгих переговоров весной 1115 г. По свидетельству «Сказания о чудесах», «когда Владимир начал княжить над всей Русской землей, то надумал он перенести этих святых страсотерпцев в построенную церковь. И известил он об этом братьев своих, Давыда и Олега, которые и сами все время просили и убеждали Владимира перенести святых. Тогда Владимир собрал сыновей своих, и Давыд с Олегом также со своими сыновьями пришли в Вышгород, пришел и митрополит Никифор, собравший всех епископов: из Чернигова — Феоктиста, из Переяславля — Лазаря, Мину — из Полоцка, Даниила — из Юрьева; игумены все пришли: Прохор Печерский, Савва из монастыря Святого Спаса, Селивестр из монастыря Святого Михаила, Петр из монастыря Святой Богородицы Влахернской, Григорий из монастыря Святого Андрея, Феофил из монастыря Святого Димитрия, и все остальные преподобные игумены, и все епископы, и монахи, и церковнослужители, и священники пришли»³⁷⁶.

О том, что перезахоронение Бориса и Глеба стало возможным именно в результате соглашения между правителями Русской земли, сообщается и в Ипатьевском списке ПВЛ: «В год 6623 (1115), индикта 8, собрались братья, русские князья, Владимир, называемый Мономахом, сын Всеволодов, и Давыд Святославич и Олег, брат его, и решили перенести мощи Бориса и Глеба, ибо построили им церковь каменную, в похвалу и в честь и для погребения тел их. Сначала они освятили церковь каменную мая 1, в субботу; потом же во 2-й день перенесли святых. И было сошествие великое народа, спешшегося отовсюду: митрополит Никифор со всеми епископами — с Феоктистом черниговским, с Лазарем переяславским, с попом Никитою белгородским и с Данилою юрьевским — и с игуменами — с Прохором печерским и Сильвестром Святого Михаила — и Сава Святого Спаса, и Григорий Святого Андрея, Петр кловский и прочие игумены. И освятили церковь каменную. И, отпев им обедню, обедали у Олега и пили, и было выставлено угощение великое, и накормили нищих и странников в течение трех дней»³⁷⁷.

Нетрудно заметить, что в отличие от «Сказания о чудесах» Ипатьевская летопись подчеркивает первенствующую роль Святославичей, и прежде всего Олега, потеснившего своего старшего брата Давыда Черниговского при подготовке вышгородских мероприятий 1115 г. Это обстоятельство порождает историографический парадокс, поскольку эта часть Ипатьевской летописи (по А.А. Шахматову — третья редакция ПВЛ 1118 г.) традиционно относится исследователями к летописанию Мстислава — сына Владимира Мономаха³⁷⁸. Интересы Мономашичей в большей степени отражает Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (продолжение второй редакции ПВЛ), где внимание акцентируется на благотворительности Владимира Мономаха: «Была освящена

каменная церковь в Вышегороде, месяца мая в 1 день, в день субботный, а во 2-й день перенесли братья все святую мученику Бориса и Глеба, в день недельный (т. е. в воскресенье). И повелел Владимир бросать паволоки, златотканые ткани и шкурки беличьи людям, сильно напивавшим, и бывши с ним легко дошли до церкви, а во 2-й день поставили их в гробах на место»³⁷⁹.

Наиболее подробно церемония перенесения мощей описана в «Сказании о чудесах», где не только воспроизводится вся цепь событий, но и сообщается о том, что у ее участников, как и в 1072 г., возникли проблемы с внесением в церковь гроба святого Глеба. «И в первый день месяца мая освятили церковь, в субботу второй недели после Пасхи. На следующий день, в святое воскресенье, когда празднуется день Жен-мироносиц, во второй день того же месяца, начали служить утреню в обеих церквах. И поставили на специально для этого устроенные и украшенные сани гробницу святого Бориса. И за ней шел Владимир с благоговением и смирением, в сопровождении митрополита и священников со свечами и кадилами. Тащили сани толстыми веревками, толкая и прижимая вельмож и бояр. По обеим сторонам дороги, по которой тащили честные раки, была устроена ограда, но из-за множества людей невозможно было ни идти, ни тащить сани. Тогда Владимир велел кидать в народ деньги, меха и ткани, и, увидев это, люди бросились туда, другие, пренебрегши этим, к святым гробницам устремились, чтобы удостоиться прикосновениям к ним. И ни один из всего множества собравшихся людей не мог удержаться от слез из-за радости и благоговения. И едва могли тащить сани. На вторые сани, за Борисом, поставили гробницу Глеба, и за ней шел Давыд с епископами, духовенством, боярами, со множеством людей, и все взывали “Кирие, элейсон!” и со слезами призывали Бога.

И вот какое преславное чудо было: когда везли святого Бориса, то никакой помехи не было, только теснота из-за людей мешала, а когда повезли Глеба, то остановилась рака, и не могли ее сдвинуть. И когда потянули с силой, то веревки разорвались, хотя и были очень толстыми, так что взрослый мужчина едва мог обхватить двумя руками. Также и новые веревки все разорвались, а все люди восклицали: “Кирие, элейсон!” И великое множество было людей и по всему городу; и на заборах, и на городских стенах. И словно гром гремел от всенародного клича: “Господи, помилуй!” И так с трудом смогли от утрени до Литургии перевезти гробницы в церковь»³⁸⁰.

Не исключено, что эта аллюзия на события 1072 г. была сделана сознательно и имела определенный политический смысл, который становится ясен при обращении к Ипатьевской летописи, сообщающей о том, что после перенесения мощей Бориса и Глеба в новую церковь между князьями случился конфликт по вопросу о месторасположении их гробниц. «И произошла ссора между Владимиром, с одной стороны, и Давыдом и Олегом, с другой: Владимир хотел раки поставить посреди церкви и терем серебряный поставить над ними, а Давыд и Олег хотели поставить их под сводом, “где отец мой наметил”, на правой стороне, где и устроены были им своды. И сказали митрополит и епископы: “Киньте жребий, и где угодно будет мученикам, там их и поставим”, и князья согласились. И положил Владимир свой жребий, а Давыд и Олег свой жребий на святую трапезу; и вынул жребий Давыда и Олега. И поставили их под свод тот, на правой стороне, где и теперь лежат»³⁸¹.

Приведенный фрагмент не только говорит в пользу того, что вышегородские торжества 1115 г. стали возможны в результате династического компромисса, оказавшегося на

поверку весьма шатким, но также красноречиво свидетельствует о том, что киевский князь, пытавшийся навязать свою волю двоюродным братьям, поставив гробницы в специально устроенном им месте (под золотым шатром), считал попечение о них исключительно своей прерогативой. Подобное представление сохранилось у Владимира Мономаха даже после казуса 1115 г., ибо, как сообщает «Сказание о чудесах», он и по перенесении мощей в новую церковь еще больше украсил святые гробницы. «Исковал серебряные пластины и святых на них изобразил и позолотил, ограду же оковал серебром и золотом, устроил позолоченные с большими хрустальными подвесками, сверху покрытыми золотом, светильники, в которых всегда горели свечи»³⁸².

«Сказание о чудесах», составленное, как полагал Н.Н. Воронин, переяславским епископом Лазарем (1105—1118), который ранее был настоятелем вышгородской церкви Бориса и Глеба (1072—1088), а затем — игуменом Выдубицкого монастыря (1088—1105), имело целью не только дополнить Борисоглебский агиографический цикл, но и подчеркнуть ключевую роль Владимира Мономаха как главного почитателя страстотерпцев³⁸³. В 1117 г. киевский князь заложил церковь на месте гибели Бориса — реке Альте, — здесь же в мае 1125 г. скончался и он сам³⁸⁴. Почитание князей продолжалось и в Чернигове: Давыд Святославич возвел здесь церковь Святых Бориса и Глеба, где и был погребен в 1123 г. (до этого усыпальница черниговских князей находилась в основанной Мстиславом Тмутараканским церкви Спаса)³⁸⁵.

Подводя итоги, можно выделить в развитии культа Бориса и Глеба несколько этапов. Формирование его началось в середине XI столетия в результате политики Ярослава Мудрого, ориентированной на укрепление династических традиций³⁸⁶; на первом этапе почитание князей-мучеников

имело лишь родовой характер, о чем свидетельствуют данные княжеской антропониимики. На следующем этапе, в 70-х гг. XI в., сыновья Ярослава выступили инициаторами придания родовому культу официального канонического статуса. К этому времени оформились антагонистические тенденции, в соответствии с которыми Изяслав и Всеволод (а позднее и их сыновья) отдавали предпочтение почитанию Бориса, а Святослав — почитанию Глеба, что отразилось в летописных и агиографических памятниках. Третий этап совпал с территориальной дифференциацией Русской земли на рубеже XI—XII вв., когда между тремя ветвями потомков Ярослава активизировалась борьба за патронат над вышегородскими святынями. Первоначально он принадлежал киевскому князю, но, когда в 1113 г. политическое «старейшинство» перестало соответствовать династическому, дальнейшие мероприятия, направленные на развитие культа, стали возможны лишь в результате компромисса между сыновьями Святослава и Всеволода. Усиление потомков последнего во второй четверти XII в. способствовало трансформации Глеборисовского культа в Борисоглебский.

Часть 3

КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ. О ЧЕМ МОЛЧАТ ЛЕТОПИСИ И ГОВОРЯТ САГИ?

Ни в чем основное отличие русского от скандинавского мира не проявляется так резко, как в сравнении известий Несторовой летописи с известиями скандинавских саг.

С.А. Гедеонов. Варяги и Русь (1876)

3.1. СКАНДИНАВСКИЕ ВЕРСИИ РУССКИХ СОБЫТИЙ

Корпус источников по истории войны за наследство Владимира Святославича отнюдь не исчерпывается памятниками древнерусской историографии: существуют два скандинавских «сценария» этих событий, представленные в «Саге об Ингваре Путешественнике» и в «Пряди об Эймунде», входящей в состав «Отдельной саги об Олаве Святом», которая сохранилась в единственной исландской рукописи — так называемой «Книге с Плоского острова», составленной между 1387 и 1394 гг.

Обе саги повествуют о пребывании на Руси в первой четверти XI в. дружины варяжских наемников во главе с конунгом Эймундом, принимавшим активное участие в

войне между сыновьями «конунга Вальдимара» — Бурицлавом, Ярицлейвом и Вартилавом. Разница между ними заключается в том, что герой «Пряди об Эймунде», Эймунд сын Хрёрека, представлен потомком конунга Харальда Прекрасноволосого (первого короля единой Норвегии), тогда как в «Саге об Ингваре Путешественнике» Эймунд, сын Аки, является зятем шведского конунга.

Долгое время в историографии преобладало мнение о вторичности «Саги об Ингваре», пока в 1986 г. не появилась гипотеза Р. Кука о существовании двух редакций «Пряди об Эймунде» — норвежской и шведской, последняя из которых в виде пролога была искусственно вставлена в «Сагу об Ингваре». В настоящее время считается, что первоначальный текст «Саги об Ингваре» (на латинском языке) появился уже в конце XII в., а «Прядь об Эймунде» была записана в середине XIII столетия.

В прологе «Саги об Ингваре» рассказывается, что матерью Эймунда была дочь шведского конунга Эйрика Победоносно-го: «К ней посватался хёвдинг (правитель. — Д.Б.) Свитьода, которого звали Аки, но конунгу показалось унижительным выдать свою дочь замуж за человека незнатного происхождения. Немного позже посватался к ней конунг фюлька (удельный князь. — Д.Б.) с востока из Гардарики (Русь. — Д.Б.), и согласился конунг отдать за него девушку, и уехала она с ним на восток в Гардарики. Некоторое время спустя туда нагрянул Аки и убил того конунга, а дочь Эйрика забрал с собой и увез домой в Свитьод, и готовит для нее свадебный пир. Для того договора было с Аки восемь хёвдингов, и некоторое время на них был направлен гнев конунга, так как не хотел он ни сражаться, ни наносить урон в [своей] стране своим людям. У них с Аки был сын, которого звали Эймунд».

Несмотря на то что Аки удалось заключить мир с тестем, вскоре он был убит вместе со своими сторонниками на свадьбе Эйрика и Ауд — дочери правителя Норвегии ярла Хакона. «Некоторые люди считают, что [сделано это было] по совету ярла Хакона, а некоторые говорят, что он сам присутствовал при том убийстве», — сообщает сага. «Теперь берет себе конунг всю землю и имущество, которыми владели те восемь хёвдингов. Он поселил в своем доме Эймунда и его мать. Эймунд рос при конунге в большом почете, пока конунг Эйрик не умер. Затем государство взял Олав (сын Эйрика. — Д.Б.) и сохранил для Эймунда такой же почет, какой оказывал тому его отец. Но когда Эймунд повзрослел, тогда вспомнились ему его обиды, потому что его владения каждый день были у него перед глазами, и казалось ему унижением, что конунг брал все подати с его собственности». Когда Эймунд убил 12 сборщиков дани, то был объявлен вне закона по приговору тинга (народного собрания. — Д.Б.) и конунга Олава и отправился в «грабительский поход». Несколько зим спустя после того, как дочь Олава Ингерд была выдана замуж за конунга Гардарики Ярицлейва, Эймунд отправился на восток и был хорошо принят конунгом Ярицлейвом, «так как в то время большое немирье было в Гардарики из-за того, что Бурицлейв, брат конунга Ярицлейва, напал на государство. Эймунд провел с ним 5 битв, но в последней был Бурицлейв пленен и ослеплен и привезен к конунгу». Сага добавляет: «В то время, о котором рассказывается, Эймунд был в Хольмгарде (Новгороде. — Д.Б.) и провел много битв и во всех побеждал, и отвоевал и вернул конунгу много земель, плативших дань». Наконец при посредничестве Ингерд он помирился с конунгом Олавом и получил возможность вернуться в Швецию³⁸⁷. На этом интересующий нас сюжет в «Саге об Ингваре Путешественнике» исчерпывается.

Гораздо более обстоятелен рассказ «Пряди об Эймунде». Здесь Эймунд — правнук конунга Харальда Прекрасноволосого, вести свой род от которого «считалось в Нореге самым лучшим и почетным»; кроме того, он побратим другого правнука Харальда Прекрасноволосого — конунга Олава Святого — и участник его «викингских походов» в Западную Европу. Но через несколько лет вернувшийся в Норвегию Олав «покорил себе всю страну и истребил в ней всех областных конунгов, как говорится в саге о нем и о разных событиях, как писали мудрые люди; всюду говорится, что он в одно утро отнял власть у пяти конунгов, а всего — у девяти внутри страны, как о том говорит Стюрмир Мудрый. Одних он велел убить или искалечить, а других изгнал из страны».

В числе прочих жертвами Олава стали два брата Эймунда, которые должны были, в свою очередь, отправиться в «викингские походы», и его отец Хрёрек, который по приказу нового правителя Норвегии был ослеплен. Однако, находясь на иждивении у победителя, он плел интриги до тех пор, пока не перессорил его людей так, что они стали убивать друг друга. Кончил слепой интриган тем, что напал на Олава в день вознесения на клиросе в церкви и порезал парчовую одежду на конунге. После этой неудачной попытки покушения он был выслан в Гренландию. По возвращении в Норвегию Эймунд отказался претендовать на титул конунга и предложил своей дружине отправиться в новый «викингский поход». «Прядь» передает речь Эймунда так: «Я слышал о смерти Вальдимара конунга с востока из Гардарики, и эти владения держат теперь трое сыновей его, славнейшие мужи. Он наделил их не совсем поровну — одному теперь досталось больше, чем тем двум. И зовется Бурицлав тот, который получил большую долю отцовского наследия, и он — старший из них. Другого зовут Ярицлейв, а третьего Вартилав. Бурицлав держит Кэнугард

(Киев. — Д.Б.), а это — лучшее княжество во всем Гардарики. Ярицлейв держит Хольмгард, а третий — Палтескью (Полоцк. — Д.Б.) и всю область, что сюда принадлежит. Теперь у них разлад из-за владений, и всех более недоволен тот, чья доля по разделу больше и лучше: он видит урон своей власти в том, что его владения меньше отцовских, и считает, что он потому ниже своих предков. И пришло мне теперь на мысль, если вы согласны, отправиться туда и побывать у каждого из этих конунгов, а больше у тех, которые хотят держать свои владения и довольствоваться тем, чем наделил их отец. Для нас это будет хорошо — добудем и богатство, и почеть».

С этой целью дружина Эймунда прибывает в Хольмгард к конунгу Ярицлейву, заключив с ним договор сроком на 12 месяцев. Согласившись предоставить варягам пищу и кров, конунг неохотно идет на другие продиктованные Эймундом условия — платить «каждому нашему войну эйрир серебра, а каждому рулевому на корабле — еще, кроме того, половину эйрира». В итоге было достигнуто соглашение о выплате всей суммы «бобрами и соболями», однако выполнение этих условий (которые рассматриваются некоторыми исследователями-скандинавистами как вполне достоверные³⁸⁸, каждый раз становилось камнем преткновения между Эймундом и Ярицлейвом, ибо жена конунга Ингигерд, по утверждению саги, «была как нельзя более великодушна и щедра на деньги, а Ярицлейв конунг не слыл щедрым, но был хорошим правителем и властным».

Вскоре после того, как дружина Эймунда была принята на службу к русскому князю (прядь определяет ее численность в 600 человек), «пришли письма от Бурицлава конунга к Ярицлейву конунгу, и говорится в них, что он просит несколько волостей и торговых городов у конунга, которые ближе всего к его княжеству, и говорил он, что они ему пригодятся для

поборов». По совету Эймунда Ярицлейв отверг все претензии и стал готовиться к войне.

Тогда «Бурицлав выступил из своих владений против своего брата, и сошлись они там, где большой лес у реки, и поставили шатры, так что река была посередине; разница по силам была между ними невелика». Но Ярицлейв медлил, — по словам, приписанным сагой Эймунду, его замыслы мало чего стоили, — лишь хитростью Эймунду и Рагнару удалось побудить Ярицлейва начать сражение. «Полки сошлись, и начался самый жестокий бой, и вскоре пало много людей. Эймунд и Рагнар предприняли сильный натиск на Бурицлава и напали на него в открытый щит. Был тогда жесточайший бой, и много людей погибло, и после этого был прорван строй Бурицлава, и люди его побежали. А Эймунд конунг прошел сквозь его рать и убил так много людей, что было бы долго писать все их имена. И бросилось войско бежать, так что не было сопротивления, и те, кто спаслись, бежали в леса и так остались в живых. Говорили, что Бурицлав погиб в том бою. Взял Ярицлейв конунг тогда большую добычу после этой битвы». Сага с удовлетворением констатирует, что «после этого летом и зимой было мирно, и ничего не случилось, и правил Ярицлейв обоими княжествами по советам и разуму Эймунда конунга. Норманны были в большой чести и уважении, и были конунгу защитой в том, что касалось советов и боевой добычи».

Однако вскоре «финансирование» варягов было прекращено: конунг хотел отказаться от их услуг, и чтобы продлить договор Эймунд прибег к шантажу, усомнившись в том, что Бурицлав действительно был убит. Как рассказывает прядь, он заявил Ярицлейву: «Мне говорили, что Бурицлав конунг жил в Бьярмаланде зимой, и узнали мы наверное, что он собирает против тебя великое множество людей,

и это вернее [чем то, что Бурицлав погиб]». Конунг сказал: «Когда же он придет в наше княжество?» Эймунд отвечает: «Мне говорили, что он придет сюда через три недели». Так как Ярицлейв не хотел лишиться помощи варягов в такой момент, то договор продлили еще на 12 месяцев. «Сразу же после этого Ярицлейв послал зов на войну по всей своей земле, и приходит к нему большая рать бондов», а Эймунд занялся укреплением города, у стен которого ожидали врага.

Сага приводит несколько «военных хитростей» Эймунда, которые позволили вывести из строя часть неприятельских воинов. Когда же начался бой «там, где стоял Ярицлейв конунг, был такой сильный натиск, что [враги] вошли в те ворота, которые он защищал, и конунг был тяжело ранен в ногу». Отразить атаку удалось лишь с помощью варягов, которые обратили Бурицлава и его союзников-бьярмов в бегство. «Эймунд и его люди гнались за беглецами до леса и убили знаменщика конунга, и снова был слух, что конунг пал, и можно теперь было хвалиться великой победой, — сообщает сага. — Эймунд конунг очень прославился в этом бою, и стало теперь мирно. Были они в великой чести у конунга, и ценил их всякий в той стране, но жалование шло плохо, и трудно было его получить, так что оно не уплачивалось по договору».

В ход идет уже испытанный прием: Эймунд сообщает Ярицлейву, который на сей раз не желает отпускать от себя варягов, но пытается урезать им жалование, что Бурицлав «был в Тюрккланде зимой, и намерен еще идти войной на вас, и у него с собой войско, которое не станет бежать, и это — турки и блокумен, и многие другие злые народы. И слышал я, что похоже на то, что он отступится от христианства, и собирается он поделить страну между этими злыми народами, если ему удастся отнять у вас Гардарики. А если будет так, как

он задумал, то, скорее всего, можно ждать, что он с позором выгонит из страны всех ваших родичей. Конунг спрашивает: “Скоро ли он придет сюда с этой злой ратью?” Эймунд отвечает: “Через полмесяца”. “Что же теперь делать? — сказал конунг. — Мы ведь теперь не можем обойтись без вашего разумения”. Рагнар сказал, что он хотел бы, чтобы они уехали, а конунгу предложил решать самому. Эймунд сказал: “Худая нам будет слава, если мы расстанемся с конунгом, [когда он] в такой опасности, потому что у него был мир, когда мы пришли к нему. Не хочу я теперь так расставаться с ним, чтобы он остался, когда у него немирно; лучше мы договоримся с ним на эти двенадцать месяцев, и пусть он выплатит нам наше жалованье, как у нас было условлено. Теперь надо подумать и решить — собирать ли войско, или вы хотите, господин, чтобы мы, норманны, одни защищали страну, а ты будешь сидеть спокойно, пока мы будем иметь дело с ними, и обратишься к своему войску, когда мы ослабеем?” “Так и я хочу”, — говорит конунг. Эймунд сказал: “Не спеши с этим, господин. Можно еще сделать по-иному и держать войско вместе; по-моему, это нам больше подходит, и мы, норманны, не побежим первыми, но знаю я, что многие на это готовы из тех, кто побывал перед остриями копий. Не знаю, каковы окажутся на деле те, которые теперь больше всего к этому побуждают. Но как же быть, господин, если мы доберемся до конунга, — убить его или нет? Ведь никогда не будет конца раздорам, пока вы оба живы”. Конунг отвечает: “Не стану я ни побуждать людей к бою с Бурицлавом конунгом, ни винить, если он будет убит”. Разошлись они все по своим домам, и не собирали войска, и не готовили снаряжения. И всем людям казалось странным, что меньше всего готовятся, когда надвигается такая опасность. А немного спустя узнают они

о Бурицлаве, что он пришел в Гардарики с большой ратью и многими злыми народами».

Получив право на свободу действий, Эймунд решается на «диверсию»: выехав из города в сопровождении 12 воинов под видом купцов, он нашел «широкое открытое место», где должен располагаться лагерь Бурицлава. «Тогда сказал Эймунд конунг: “Здесь мы остановимся. Я узнал, что здесь будет ночлег у Бурицлава конунга и будут поставлены на ночь шатры”. Они обошли вокруг дерева и пошли по просеке и обдумывали — где лучшее место для шатра. Тогда сказал Эймунд конунг: “Здесь Бурицлав конунг поставит свой стан. Мне говорили, что он всегда становится поближе к лесу, когда можно, чтобы там скрыться, если понадобится”. Эймунд конунг взял веревку или канат и велел им выйти на просеку возле того дерева, и сказал, чтобы кто-нибудь влез на ветки и прикрепил к ним веревку, и так было сделано. После этого они нагнули дерево так, что ветви опустились до земли, и так согнули дерево до самого корня. Тогда сказал Эймунд конунг: “Теперь, по-моему, хорошо, и нам это будет очень кстати”. После того они натянули веревку и закрепили концы. А когда эта работа была кончена, была уже середина вечера. Тут слышат они, что идет войско конунга, и уходят в лес к своим коням. Видят они большое войско и прекрасную повозку; за нею идет много людей, а впереди несут знамя. Они повернули к лесу и [пошли] по просеке туда, где было лучшее место для шатра, как догадался Эймунд конунг. Там они ставят шатер, и вся рать также, возле леса. Уже совсем стемнело. Шатер у конунга был роскошный и хорошо устроен: было в нем четыре части и высокий шест сверху, а на нем — золотой шар с флюгером. Они видели из лесу все, что делалось в стане, и держались тихо. Когда стемнело, в шатрах зажглись огни, и они поняли, что там теперь готовят пищу.

Тогда сказал Эймунд конунг: “У нас мало припасов — это не годится; я добуду пищу и пойду в их стан”. Эймунд оделся нищим, привязал себе козлиную бороду и идет с двумя посохами к шатру конунга, и просит пищи, и подходит к каждому человеку. Пошел он и в соседний шатер и много получил там, и хорошо благодарил за добрый прием. Пошел он от шатров обратно, и припасов было довольно. Они пили и ели, сколько хотели; после этого было тихо».

Как рассказывает далее сага, «Эймунд конунг разделил своих мужей; шесть человек оставил в лесу, чтобы они стерегли коней и были готовы, если скоро понадобится выступить. Пошел тогда Эймунд с товарищами, всего шесть человек, по просеке к шатрам, и казалось им, что трудностей нет. Тогда сказал Эймунд: “Рёгнвальд и Бьёрн, и исландцы пусть идут к дереву, которое мы согнули”. Он дает каждому в руки боевой топор. “Вы — мужи, которые умеют наносить тяжелые удары, хорошо пользуйтесь этим теперь, когда это нужно”. Они идут туда, где ветви были согнуты вниз, и еще сказал Эймунд конунг: “Здесь пусть стоит третий, на пути к просеке, и делает только одно — держит веревку в руке и отпустит ее, когда мы потянем ее за другой конец. И когда мы устроим все так, как хотим, пусть он ударит топором по веревке, как я назначил. А тот, кто держит веревку, узнает, дрогнула ли она от того, что мы ее двинули, или от удара. Мы подадим тот знак, какой надо, — от него все зависит, если счастье нам поможет, и тогда пусть тот скажет, кто держит веревку, и рубит ветви дерева, и оно быстро и сильно выпрямится”. Сделали они так, как им было сказано. Бьёрн идет с Эймундом конунгом и Рагнаром, и подходят они к шатру, и завязывают петлю на веревке, и надевают на древко копья, и накидывают на флюгер, который был наверху на шесте в шатре конунга, и поднялась она до шара, и было все сделано тихо. А люди

крепко спали во всех шатрах, потому что они устали от похода и были сильно пьяны. И когда это было сделано, они тянут за концы и укорачивают тем самым веревку, и стали советовать. Эймунд конунг подходит поближе к шатру конунга и не хочет быть вдали, когда шатер будет сорван. По веревке был дан удар, и замечает тот, кто ее держит, что она дрогнула. Говорит об этом тем, кто должен был рубить, и стали они рубить дерево, и оно быстро выпрямляется и срывает весь шатер конунга, и [закидывает его] далеко в лес. Все огни сразу погасли.

Эймунд конунг хорошо заметил вечером, где лежит в шатре конунг, идет он сразу туда и сразу же убивает конунга и многих других. Он взял с собой голову Бурицлава конунга. Бежит он в лес и его мужи, и их не нашли. Стало страшно тем, кто остался из мужей Бурицлава конунга при этом великом событии, а Эймунд конунг и его товарищи уехали, и вернулись они домой рано утром. И идет Эймунд к Ярицлейву конунгу и рассказывает ему всю правду о гибели Бурицлава. “Теперь посмотрите на голову, господин, — узнаете ли ее?” Конунг краснеет, увидя голову. Эймунд сказал: “Это мы, норманны, сделали это смелое дело, господин; позаботьтесь теперь о том, чтобы тело вашего брата было хорошо, с почетом, похоронено”. Ярицлейв конунг отвечает: “Вы поспешно решили и сделали это дело, близкое нам: вы должны позаботиться о его погребении. А что будут делать те, кто шли с ним?” Эймунд отвечает: “Думаю, что они соберут тинг и будут подозревать друг друга в этом деле, потому что они не видели нас, и разойдутся они в несогласии, и ни один не станет верить другому и не пойдет с ним вместе, и думаю я, что не многие из этих людей станут обрывать своего конунга”. Выехали норманны из города и ехали тем же путем по лесу,

пока не прибыли к стану. И было так, как думал Эймунд конунг, — все войско Бурицлава конунга ушло и разошлось в несогласии. И едет Эймунд конунг на просеку, а там лежало тело конунга, и никого возле него не было. Они обрядили его и приложили голову к телу, и повезли домой. О погребении его знали многие». После этого «весь народ в стране пошел под руку Ярицлейва конунга и поклялся клятвами, и стал он конунгом над тем княжеством, которое они раньше держали вдвоем».

Однако с устранением Бурицлава проблемы остались прежними: «Прошли лето и зима, ничего не случилось, и опять не выплачивалось жалованье», поэтому Эймунд принял решение уйти с дружиной к конунгу Вартилаву, который принял их на службу на тех же условиях. Когда Ярицлейв прислал подобно своему брату Бурицлаву «просить деревень и городов, которые лежат возле его владений, у Вартилава конунга», между ними началась война, в которой Эймунду удалось захватить в плен супругу Ярицлейва Инггерд — сообща им удалось заключить мир между братьями. Как сообщает сага, «было объявлено от имени Вартилава конунга, что княгиня будет устраивать мир. Она сказала Ярицлейву конунгу, что он будет держать лучшую часть Гардарики — это Хольмгард, а Вартилава — Кэнугард, другое лучшее княжество с данями и поборами; это — наполовину больше, чем у него было до сих пор. А Палтескью и область, которая сюда принадлежит, получит Эймунд конунг и будет над нею конунгом, и получит все земские поборы целиком, которые сюда принадлежат, “потому что мы не хотим, чтобы он ушел из Гардарики”. Если Эймунд конунг оставит после себя наследников, то будут они после него в том княжестве. Если же он не оставит после себя сына, то [оно] вернется к

тем братьям. Эймунд конунг будет также держать у них оборону страны и во всем Гардарики, а они должны помогать ему военной силой и поддерживать его. Ярицлейв конунг будет над Гардарики. Рёгнвальд ярл будет держать Альдейгьюборг (Ладогу. — Д.Б.) так, как держал до сих пор.

На такой договор и раздел княжеств согласился весь народ в стране и подтвердил его. Эймунд конунг и Ингигерд должны были решать все трудные дела. И все поехали домой по своим княжествам. Вартилав конунг прожил не дольше трех зим, заболел и умер; это был конунг, которого любили как нельзя больше. После него принял власть Ярицлейв и правил с тех пор один обоими княжествами. А Эймунд конунг правил своими и не дожил до старости. Он умер без наследников и умер от болезни, и это была большая потеря для всего народа в стране, потому что не бывало в Гардарики иноземца более мудрого, чем Эймунд конунг, и пока он держал оборону страны у Ярицлейва конунга, не было нападений на Гардарики. Когда Эймунд конунг заболел, он отдал свое княжество Рагнару, побратиму своему, потому что ему больше всего хотелось, чтобы он им пользовался. Это было по разрешению Ярицлейва конунга и Ингигерд»³⁸⁹.

Как полагают исследователи, «на основании всех этих фактических неточностей можно было бы отнести известия Эймундовой саги к вымыслу, способствовавшему возвеличанию скандинавского героя, если бы не особая роль в истории Руси конца X — первой половины XI в. именно Полоцка, наряду с Новгородом и Киевом», — считает В.Я. Петрухин³⁹⁰. Впрочем, это соображение не прибавляет «Эймундовой саге» исторической достоверности.

В последние десятилетия саги воспринимаются как пограничный вид средневековой историографии. «Следствием

эпической природы саг является нерасчлененность, синтетичность правды в сагах. Воспоминания о действительно имевших место событиях сплавлены в сагах со сказочно-фантастическим, причем элементы исторический и фантастический в равной степени принимались за реальность». Все это создает определенные сложности в интерпретации саги, которая «не может быть отнесена ни к одному из жанров средневековой письменности» (Т.Н. Джаксон)³⁹¹.

Трудности возникают, как только мы пытаемся идентифицировать действующих лиц «Пряди об Эймунде» с князьями, известными по древнерусским источникам. «Большинство трудностей с идентификацией этих князей связаны с искажениями в начальной части их имен» (А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский)³⁹². Несмотря на это, можно уверенно утверждать, что под именем «конунга Ярицлейва» в саге фигурирует Ярослав Мудрый, известный под этим именем и в других скандинавских сагах. Меньше уверенности возникает при идентификации «конунга Вартилава», которого обычно отождествляют с племянником Ярослава Брячиславом Полоцким, хотя некоторые историки склонны видеть в нем Мстислава и даже Судислава Владимировичей³⁹³.

Попытка отождествить с кем-то из сыновей Владимира «конунга Бурицлава» вызвала в историографии жаркие споры: в то время как одни исследователи на основании антропонимического сходства пытаются отождествить Бурицлава с князем Борисом Владимировичем, другие считают, что Бурицлав является «собирательным образом» Святополка и Болеслава Храброго. Попытки решения этой проблемы породили большое количество версий и гипотез, поэтому не будем долго интриговать читателя и попытаемся дать исчерпывающий ответ на этот вопрос.

3.2. О ЧЕМ ЖЕ СПОРЯТ ИСТОРИКИ?

«Прядь об Эймунде» (или «Эймундова сага») известна в отечественной историографии с начала XIX в.: на ее сходство с летописями обратил внимание еще Н.М. Карамзин³⁹⁴. Первые переводы саги на русский язык появились в 1834 г.; сразу же она стала объектом полемики, в которой приняли участие О.И. Сенковский (один из первых переводчиков и комментаторов памятника, возводивший его к устным преданиям XI в.), П.М. Строев, М.П. Погодин.

Однако вскоре дискуссия замерла. Лишь в 1926 г. А.И. Лященко предпринял сравнительный анализ «Пряди об Эймунде» с ПВЛ и установил хронологию событий, описанных в саге, датировав их 1016—1019 гг. Этой датировки придерживались Е.А. Рыздзевская, исследовавшая образ Ярослава Мудрого в древнеисландской историографии, и В.В. Мавродин, создавший первую реконструкцию войны за наследство Владимира с использованием всего корпуса русских и иностранных источников. Общей чертой для первых исследователей проблемы, относивши[ся] к известиям «Эймундовой саги» с разной степенью критики, было то, что они видели в «конунге Бурицлаве» собирательный образ Святополка и Болеслава Храброго.

В.В. Мавродин писал: «Интересно отметить, что в Эймундовой саге Святополк именуется Бурислейфом. Нет никакого сомнения в том, что причиной этого недоразумения является то обстоятельство, что наиболее активным лицом в развертывающихся событиях, наиболее сильным и влиятельным был тесть Святополка Болеслав, и его имя (“Бурислейф”) совершенно вытеснило имя Святополка, трудное норманнам для произношения, тогда как с Болеславами, Бориславами и Буриславами они часто сталкивались на Славянском Поморье и привыкли к этому имени».

Следствием подобных умозаключений явилось представление о том, что скандинавская традиция сообщает о реальных обстоятельствах гибели Святополка. «Сага подкупает правдивостью своего рассказа. Перед нами выступают типичные наемные убийцы, договаривающиеся с князем, который, не давая прямого согласия на убийство, в то же самое время развязывает руки убийцам. Летописный же рассказ полон назидательств, нравоучений и фантастических подробностей: душевные переживания Святополка, какая-то мифическая пустыня между Чехией и Польшей.

Мы не можем согласиться с тем, что в летописи о кончине Святополка приводятся только досужие измышления монаха, а сага говорит только правду, но нельзя думать, что летописным рассказом исчерпывается вопрос о смерти Святополка»³⁹⁵.

Принципиально новый подход к проблеме был предложен в книге «Летописная статья 6523 года и ее источник» (1957), где среди прочего показана сюжетная зависимость Борисоглебского цикла от чешских легенд о святом Вацлаве-Вячеславе, послуживших агиографической моделью для «Анонимного сказания», и «Эймундовой саги». Ее автор Н.Н. Ильин скептически относился к древнерусской традиции о Борисе и Глебе, считая, что «перед нами не документальное описание исторических событий, передающее факты так, как они происходили, а тенденциозный исторический роман, где реальные события прошлого переплетаются с созданиями художественного вымысла». В то же время он отмечал: «Сага содержит много сырого исторического материала. Связь ее повествования с русскими событиями 1015—1021 гг. можно проследить на всем протяжении текста саги. Сага не всегда точно передает события и часто неверно их освещает. Как и другие, подобные ей, произведения эпоса,

она сплетает вместе деятельность разных исторических лиц, собирает в одном оптическом фокусе разные исторические события, искажает их реальную перспективу. Всегда склонная преувеличивать храбрость, находчивость, ум и другие подобные качества своих героев, сага разукрашивает их деятельность наивными фантастическими подробностями, долженствующими, по понятиям среды, в которой она слагалась, оттенить их военные доблести. Но основной материал, своеобразно ею переработанный, Эймундова сага черпала из подлинной русской истории»³⁹⁶.

В общих чертах концепция Н.Н. Ильина представляет комплекс из нескольких гипотез. Гипотеза I: после смерти Владимира находившемуся в заключении Святополку удалось захватить власть в Киеве буквально на три месяца. Гипотеза II: «сеча у Любца» (описанная в «Эймундовой саге» как первое сражение Ярицлейва с Бурицлавом) произошла не в 1016 г., а в 1015 г., поскольку ПВЛ, в отличие от НЛМ, именно под этим годом сообщает о сборах Ярослава в поход, хотя само описание битвы помещено также под 1016 г.; потерпев поражение, Святополк бежал в Польшу и вернулся на Русь лишь в 1018 г. Гипотеза III: вместо битвы на Альте, о которой сообщает ПВЛ, между Святополком и Ярославом в 1019 г. произошло столкновение на Днепре, описание которого представлено в НЛМ как битва у Любеча. Гипотеза IV: отказ от летописной хронологии и агиографической интерпретации образа Бориса позволяет предполагать, что в 1016—1018 гг. именно он был соперником Ярослава в борьбе за киевский «стол» и инициатором нашествия кочевников, о котором сообщает «Эймундова сага» и ПВЛ под 1017 г. Гипотеза V: Борис был убит наемниками Эймунда по приказанию Ярослава летом 1018 г. — предания об этом отразились

в сюжете о гибели Бурицлава (Бурислейфа) «Эймундовой саги», а позднее — в «Анонимном сказании».

Пытаясь датировать события, описанные в саге, Н.Н. Ильин первоначально принял хронологию А.И. Лященко, подчеркнув, что «обстоятельства, вызвавшие прибытие варягов в Новгород в 1015 г., ничего общего с тем, что рассказывает сага, не имеют. С другой стороны, в саге находим подробное описание, как Эймунд и его соратники помогли отбить от Киева печенегов, которых привел Бурислейф. Осада Киева печенегами — событие 6525 (1017) г., следовательно, эймундовские варяги поступили на службу к Ярославу ранее 1018 г.». Вместе с тем он отметил, что сага ничего не говорит о походе на Русь Болеслава Храброго, который в 1018 г. в битве на Буге разбил дружину Ярослава и входившие в ее состав варяжские отряды. По его мнению, «бегство с поля боя не могло, конечно, послужить сюжетом для эпопеи, прославляющей подвиги начальника одного из этих отрядов. Поэтому повествование саги не знает о битве на Буге, но оно хорошо запомнило самое имя победителя и роль, которую он играл в событиях, отраженных эпопеей. Бурислейф саги — это Болеслав. Нападения Болеслава в Киеве ожидали начиная с 1016 г. Для борьбы с Болеславом Ярослав нанял и содержал эймундовских варягов: именно Болеслав “требовал от конунга нескольких деревень и торгов, примыкающих к его владениям” (очевидно, Червенские города); Болеслав же в 1017 г. двинул на Киев полчища своих старых союзников — печенегов, которых отбили Эймунд и его соратники; в 1018 г. Болеслав занял, наконец, Киев и на место Ярослава посадил Святополка. Не с этим слабым его ставленником, дважды изгонявшимся из Киева, а с лучшим полководцем своего времени, наносившим тяжкие удары империи, победоносно сражался, по саге, Эймунд, совершая

чудеса храбрости. В таком аспекте эпизоды борьбы Ярослава со Святополком могли, конечно, служить сюжетом эпопеи о подвигах Эймунда. Слабый и малозаметный Святополк поглощен в саге Болеславом, утратив в образе Бурислейфа свое самостоятельное существование. Его отличительные признаки обратились в добавочные атрибуты Бурислейфа, который стал сыном Владимира, братом Ярислейфа, и вступил с последним в ожесточенную, но неудачную, благодаря Эймунду, борьбу»³⁹⁷.

Н.Н. Ильин обратил внимание на то, что обстоятельства гибели Бориса в «Анонимном сказании» частично совпадают с обстоятельствами гибели Бурислейфа в саге, но полагал, что сага рассказывала не о смерти Святополка, а о смерти Бориса, тайно убитого накануне польско-русской войны 1018 г. по приказанию Ярослава, который в 1030-х гг. при содействии Церкви осуществил мистификацию, отразившуюся в памятниках Борисоглебского цикла, где гибель двух братьев была соединена в одно целое³⁹⁸.

Главные выводы Н.Н. Ильина сводились к тому, что сага в основном верно передает обстоятельства, вызвавшие гибель Бориса, что подтверждается всем ходом последующих событий, завершившихся канонизацией обоих братьев; а русские предания, отрывочные и противоречивые, не знали этих обстоятельств, поэтому «Сказание» дает им искусственное объяснение, приписывая организацию убийства братьев Святополку, а выполнение — преданным последнему вышегородцам.

Между тем Н.Н. Ильин нигде не говорит, что в образе Бурицлава отразились какие-либо черты Бориса, так как подобно своим предшественникам рассматривает его как собирательный образ Святополка и Болеслава. Его конечный вывод основан только на аналогиях. Следствием этого

является кардинальная переоценка политической ситуации 1015—1019 гг., когда инициатором междоусобной войны между сыновьями Владимира оказывается Ярослав — амбициозный правитель Новгорода, который сначала организовал тайное убийство соперников в борьбе за власть, а в 30-х гг. XI в. при содействии Церкви осуществил мистификацию, возложив ответственность за свои действия на Святополка.

Характерной чертой концепции Н.Н. Ильина и его последователей стала тенденция к преодолению летописной хронологии, которая открыла путь для многочисленных комбинаций. Это не в последнюю очередь обусловлено существованием в древнерусской историографической традиции различных хронологических систем. К моменту создания концепции Н.Н. Ильина была уже опубликована часть наблюдений Н.Г. Бережкова, которые мы привели выше.

Один из первых критиков концепции Ильина В.Д. Корольюк путем сопоставления ПВЛ с «Хроникой» Титмара Мерзебургского пришел к выводу, что Святополк не мог быть в 1015 г. убийцей Бориса и Глеба. Но, подчеркнул исследователь, «это не значит, конечно, что следует принять малоубедительную и основанную на интерпретации такого сложного памятника, как “Эймундова сага”, гипотезу Н.Н. Ильина, полагавшего, что убийцей Бориса и Глеба был Ярослав Владимирович. Следует иметь в виду, что скандинавские саги — это очень сложный источник, складывавшийся на протяжении длительного времени, и поэтому опираться на их сведения при реконструкции событий политической истории слишком рискованно. Если связывать гибель этих сыновей Владимира с именем Святополка, то следует думать, что убийство их произошло гораздо позже, когда Святополк мог укрепиться с помощью Болеслава Храброго на киевском столе, т. е. в 1018—1019 гг.».

В.Д. Королюк допускал, что «появление двух летописных статей о столкновениях Ярослава и Святополка следует считать результатом сознательного редактирования летописного текста, предпринятого для согласования летописных известий с данными “Жития” Бориса и Глеба, изображавших Святополка убийцей своих братьев. Неслучайно местом битвы 1019 г. оказалась река Альта, где согласно “Житию” погиб Борис. Именно на месте гибели мученика должен был отомстить Ярослав за его смерть. Поэтому же рассказ о действительно имевшем место сражении между Ярославом и Святополком оказался помещенным под 1016 г., так как только таким образом летописец мог наиболее убедительно доказать, что в 1015 г., когда погибли Борис и Глеб, киевским князем и их убийцей был Святополк». Таким образом, по В.Д. Королюку, в битве у Любеча «решалась судьба не Ярослава и Святополка, а Ярослава и какого-то иного его соперника на Руси»³⁹⁹, хотя столь абстрактная аргументация делает подобную точку зрения уязвимой.

Несмотря на слабые места концепции Ильина, она была взята на вооружение, подвергшись незначительным модификациям в ряде научных и популярных работ, хотя вопрос о том, следует ли считать мифотворцем Н.Н. Ильина или киевского князя Ярослава, остается открытым.

Академик В.Л. Янин попытался решить проблему путем применения принципа криминалистики — «отыскивая виновника, ищи того, кому преступление выгодно». А политическая ситуация 1015–1019 гг. сложилась благополучно только для одного участника событий — князя Ярослава Владимировича, ставшего «самовластцем Русской земли»: «Его назвали Мудрым, и поколения читателей летописи поражались его благочестию. Больше всего он лелеял память

о своих невинно загубленных братьях. Именно Ярославу приписывают инициативу причисления их к лику святых в 1021 году. Первые русские святые стали необычайно популярны на Руси. В их честь нарекали княжичей. Им строили белокаменные церкви. Рукой Глеба благословляли князей. Оплакивая братьев, люди воздавали хвалу мудрому Ярославу». Поэтому, задаваясь вопросом, выгодно ли было устранение Бориса Ярославу, историк полагал, что на него ответила вся судьба «самовластца XI века». Вместе с тем ученый подчеркивал, что «свидетельские показания» источников дают возможность предположить, что не только Ярослав, но и Святополк замарал свои руки в крови: «Если один виноват в смерти Глеба, то за смерть Бориса как будто должен ответить другой. Но гибель Святополка открыла для Ярослава блестящую возможность: свалить все на фактического “соучастника”, ставшего навсегда “Окаянным”»⁴⁰⁰.

А.С. Хорошев представил события 1015 г. как следствие борьбы междукняжеских коалиций, в которой Святополк и Борис противостояли Глебу и Ярославу. «Стремление изолировать Святополка от дружины Бориса и ослабить Киев могло толкнуть Ярослава, находившегося с дружиной в августе 1015 г. вблизи столицы, на убийство Бориса. Выбор исполнителей не представлял труда. Варягам и до того поручались дела, сомнительные с точки зрения морали. Так, например, они убили брата Владимира, Ярополка. Сага рисует Ярослава хитрецом, способным в душе на братоубийство и склонным сложить ответственность за него на других. Характеристика эта противоречит традиционному образу благочестивого и просвещенного правдолюбца, но сближается с насмешливой пренебрежительностью к князю со стороны

киевской дружины. Ярослав устраняет ростовского князя и добивается победы над Святополком»⁴⁰¹.

Согласно гипотезе А.Б. Головки, основанной на буквальной интерпретации сообщения Титмара о бегстве Святополка в Польшу после смерти Владимира, в 1015—1017 гг. за власть в Киеве боролись его вероятный преемник Борис и Ярослав. При содействии Болеслава Храброго Борис заручился поддержкой печенегов и «навел» их на Киев. После того как в 1017 г. он был убит варягами, польский князь выдвинул запасного кандидата на киевский стол — своего зятя Святополка, которого поддержали приверженцы Бориса в Киеве, вследствие чего стало возможным его утверждение на киевском «столе» в 1018 г.⁴⁰²

Подобные гипотетические реконструкции на удивление быстро превратились в полноценные исторические факты, которые позволили некоторым из исследователей утверждать примерно следующее: «Как выясняется сегодня путем довольно сложных сопоставлений и сравнений древнерусских источников с иностранными (сагами, хрониками и т.д.), Святополк Окаянный не убивал ни Бориса, ни Глеба; а совершил это убийство (по крайней мере, Бориса) сам Ярослав Мудрый». Особо отмечается тот факт, что «подобное изучение исторического прошлого чрезвычайно полезно, но необходимо помнить, что для людей русского Средневековья, воспитанных на христианских идеях сказаний, которые традиционно описывали трагедию князей “страстотерпцев”, убийство совершил именно Святополк, и притом князья Борис и Глеб вели себя так, как и описано в сказаниях. То, чего не было в “действительности”, как раз было “на самом деле”. Более того, на идеальных примерах князей, погибших, но не совершивших греха клятвопреступления, оставшихся

по-христиански верными, воспитывались поколения князей всего русского Средневековья...» (А.Л. Юрганов)⁴⁰³.

Следует отметить, что авторы всех вышеперечисленных точек зрения в своих рассуждениях просто отдают приоритет одной литературной традиции над другой, нисколько не задумываясь о том, насколько субъективным может быть в каждой из них отражение реальных событий. Поэтому не приходится удивляться тому, что предположение, высказанное Н.Н. Ильиным, в последнее время все чаще воспринимается как аксиома, хотя тождество «конунга Бурицлава» из «Пряди об Эймунде» с князем Борисом русских летописей представляется и возможным, и спорным. А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский полагают, что «если допустить вслед за целым рядом исследователей, что под именем Бурицлав (Burizlafr) скрывается Борис Владимирович, то оказывается, что скандинавы сообщают элементом -слав даже те княжеские антропонимы, которые на русской почве изначально его не содержат»⁴⁰⁴.

Часть историков по-прежнему видит в «конунге Бурицлаве» (Бурицлейве) собирательный образ. «Отождествление Бурицлейва со Святополком не требует никакого насилия над текстами саг или летописей. Чтобы превратить его в Бориса, приходится полностью менять порядок известий. Любечская битва, описанная в Древнейшем своде и в «Пряди» первой, перемещается из 1016 г. в 1019 г., а убийство Бориса — в 1017 г.» — считает Н.И. Милютенко.

Вместе с тем, со ссылкой на европейскую средневековую историографию, она подчеркивает, что для почитателей Бориса и Глеба не имело принципиального значения, кто именно из старших братьев приказал их убить: «Даже если бы Борис и Глеб оказались во главе своих дружин вооруженное со-

противление, они бы все равно в восприятии современников были жертвами преступления, увенчанными мученическими венцами. Св. Олаф Норвежский погиб в бою, св. Вячеслав Чешский дрался со своим братом-противником. Если у сыновей Ярослава теоретически была возможность за неясностью обстоятельств свалить вину на Святополка, то сын Болеслава Жестокého такого сделать не мог. Его отец собственноручно убивал брата в присутствии шести—восьми свидетелей. Тем не менее в правление Болеслава II, своего племянника и сына своего убийцы, св. Вячеслав был канонизован»⁴⁰⁵.

Существуют и компромиссные мнения. В.Я. Петрухин, комментируя сообщение византийской хроники Иоанна Скилицы под 1036 г. о смерти двух русских «архонтов», пишет: «Учитывая те подозрения, которые множатся в историографии в связи с усобицами 1015—1019 гг., реконструируемый путь Ярослава к единовластию приобретает все более криминальный характер»⁴⁰⁶. Однако это отнюдь не мешает ему считать, что «подозрения в отношении Ярослава (в частности, основанные на прямолинейном толковании сюжета Эймундовой саги) не вполне основательны», а «предположение о кощунственном поведении не только самого Ярослава, но и агиографов, свидетельствующих о почитании им убитых братьев, представляется чрезмерным»⁴⁰⁷. Таким образом, с одной стороны, допускается возможность насильственного устранения соперников Ярослава в 1036 г. и в то же время отрицается его гипотетическая причастность к гибели Бориса и Глеба двумя десятилетиями ранее.

Попробуем немного порассуждать на эту тему. Если отождествить «конунга Бурицлава» исландской саги с князем Борисом Владимировичем, известным по памятникам Борисоглебского цикла, то их «этикет поведения» окажется

диаметрально противоположным. Так, в агиографически стилизованной историографии Древней Руси Борис предстает скорее подвижником, стремящимся избежать «мирских сует», чем властолюбивым правителем из «Пряди об Эймунде», требующим от своего брата «волостей и городов», которые «пригодятся ему для поборов». Скорее всего, это связано не с характерными чертами личности Бориса (о которых в действительности мы никогда не узнаем), а с жанровой спецификой литературных традиций.

Оговоримся сразу: у нас нет объективных предпосылок для того, чтобы отдавать предпочтение одной из них. Однако, продолжив сопоставление, нельзя не заметить, что Бурицлав скандинавской саги — это Святополк русских летописей! Если, подобно сторонникам концепции Н. Н. Ильина, видеть в Бурицлаве князя Бориса Владимировича, то на него надо «списать» все грехи «окаянного» Святополка. Для этого (с учетом последних достижений историографии) придется предложить следующий «сценарий» развития событий: Борис, унаследовав киевский «стол» в результате реформы престолонаследия, осуществленной Владимиром, и стремясь к дальнейшему расширению своей власти, с одной стороны, углубил начавшийся конфликт с Новгородом, а с другой — позаботился об устранении как своего родного брата (и вероятного соправителя) Глеба, так и сводного брата Святослава (ибо летописная датировка их гибели обычно сомнению не подвергается), в то время как старший из возможных наследников Владимира, опальный Святополк, которому инкриминируются эти преступления в древнерусской традиции, находился сначала в заключении, а затем в бегах.

Как ни кощунственно это звучит, в данном случае «святой» являлся бы «братоубийцей», и его устранение Ярослав-

лавом с теоретической точки зрения было бы оправданно. Однако подобная перспектива делала бессмысленным создание вокруг потенциального инициатора династического конфликта мученического ореола — не важно, было ли это делом самого Ярослава или его преемников, — поскольку Борисоглебский культ должен был предотвращать повторение аналогичных эксцессов в княжеском роду. Тем более не было необходимости «списывать» все убийства на Святополка. «Почему сыновьям Ярослава в 1072 г. пришлось в голову одного из врагов своего отца причислить к лику святых, а второго объявить его убийцей, никто не объясняет. Если Святополка в июле 1015 г. уже не было в Киеве, а война с Борисом затянулась до 1017 г., то, во-первых, не было смысла выставлять его невинной жертвой, а во-вторых, его убийство было бы проще отнести ко времени после битвы на Буге в 1018 г., когда Святополк заведомо находился у власти» (Н.И. Милютенко)⁴⁰⁸. Таким образом, реконструкция подобного рода с идеологической точки зрения в корне противоречит одной из фундаментальных основ древнерусской культуры.

Одно из наиболее уязвимых мест «Пряди об Эймунде» как исторического источника является датировка описанных в ней событий. В ней нет дат, поэтому установить точное их время можно лишь на основании внутренних указаний текста, сопоставленных с другими источниками: ПВЛ, «Кругом Земным» и хронологически зависимыми от него исландскими анналами. Внутренними указаниями «Пряди об Эймунде» являются: сообщение об объединении Норвегии Олавом Харальдсоном (которое позволяет определить дату изгнания Эймунда), свидетельство о том, что к моменту появления Эймунда на Руси Ярослав был женат на Ингигерд, рассказ о войне между Киевом и Полоцком: эти события,

упоминаемые «Прядью», являются отправной точкой для построения ее хронологической координаты.

Как говорилось выше, во второй четверти XX в. господствовала тенденция к корреляции хронологии «Пряди» с хронологией ПВЛ, вследствие чего первые исследователи полагали, что «Эймундова сага» рассказывает о событиях 1016—1021 гг. После появления концепции Н.Н. Ильина распространилось мнение, что сага повествует о событиях 1015—1021 гг. Однако, если допустить, что заключительные события саги в общих чертах напоминают летописный рассказ о разделе власти между Ярославом и Мстиславом Тмутараканским, можно относить описанные в ней события к 1015—1026 гг. Ситуация осложняется существованием нескольких датировок как объединения Норвегии (между 1014—1016 гг.), так и женитьбы Ярослава на Ингигерд (между 1014—1016 и 1019—1020 гг.).

Последователи Н.Н. Ильина, как правило, выступают за ранние датировки, в то время как «традиционалисты» настаивают на поздних датах. Ключевым в этом «хронологическом треугольнике» является вопрос о том, когда именно дружина Эймунда прибыла на Русь. Как известно, в войне за наследство Владимира Святополк и Мстислав пользовались поддержкой степных кочевников, тогда как скандинавы были постоянными партнерами Ярослава Мудрого. Вследствие этого в начале его политической деятельности регулярно происходили «призвания варягов». Если верить ПВЛ, первое из них имело место в 1014 г. накануне смерти Владимира, хотя, учитывая сюжетную общность статей 1014 и 1015 гг., оно произошло, вероятно, в конце весны или начале лета 1015 г. Поскольку «Прядь» свидетельствует о том, что в момент смерти Владимира Эймунд все еще находился в Норвегии,

значит, попасть на Русь он мог не ранее осени 1015 г. — возможно, уже после того, как восставшие новгородцы перебили ранее прибывших варягов «на Поромоне дворе».

Тем более нет достаточных оснований, чтобы отождествлять отряд Эймунда с тем скандинавским контингентом, с помощью которого Ярослав надеялся обороняться от своего отца: не только потому, что его дружина насчитывала всего 600 человек, хотя даже после трагедии на «на Поромоне дворе» он, по свидетельству НЛМ, сумел выставить против Святополка 1000 варягов, но и потому, что скандинавские саги упоминают о присутствии в это время на Руси по крайней мере двух крупных варяжских отрядов — шведского ярла Рёгнвальда Ульвссона, родственника княгини Ингигерд, и норвежского ярла Свейна Хаконарсона, ставшего еще одной жертвой репрессивной политики Олава Харальдсона⁴⁰⁹, а значит, наемный контингент мог быть сформирован в несколько этапов.

Некоторые исследователи вообще сомневались в том, что варяги играли сколько-нибудь значимую для новгородского князя роль в войне за «Киевское наследство». Как считал, например, В.Т. Пашуто: «Новая вспышка борьбы за власть над Киевом при Ярославе Мудром сопровождалась непродолжительным возрождением роли норманского корпуса в Новгороде. Но и здесь вновь видна его подчиненная роль; стоило варягам вступить в конфликт с местной знатью (своевольно задеть честь “мужатых жен”), как все они были перебиты, видимо, в их гриднице — на Паромоновом дворе. Хотя Ярослав Владимирович и снес головы самовольным новгородцам, но все же в поход на юг (1015 г.) он выступил, имея рать, где новгородцев было 3000, а варягов только 1000»⁴¹⁰.

Существует гипотеза, согласно которой Эймунд с дружиной появился на Руси лишь в 1018 г., когда Ярослав вновь призвал в Новгород варягов после поражения на Буге. В данном случае центр тяжести приходится на датировку брака Ярослава и Ингигерд, которая на основании хронологии исландских анналов и последовательности событий, описанных в «Круге Земном», относится к февралю 1019 г.⁴¹¹ В последнее время получило распространение мнение о том, что это был второй брак Ярослава, так как предполагается, что первая его жена (отождествляемая с княгиней Анной, погребенной в некрополе новгородского Софийского собора) была захвачена в плен при взятии Киева в 1018 г. (о чем сообщает Титмар Мерзебургский) и умерла во время переговоров о ее освобождении (А.В. Назаренко)⁴¹². Таким образом, Эймунд находился на службе Ярослава либо в 1015—1018, либо в 1018—1021 гг., однако и в том и в другом случае он вряд ли мог быть убийцей Бориса, если принимать во внимание, что гибель его относится древнерусской традицией к 24 июля 1015 г.

3.3. МЕЖДУ ЭПОСОМ И ИСТОРИЕЙ. «ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЯ» КАК СТЕРЕОТИП СРЕДНЕ- ВЕКОВОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ

Противники концепции Н.Н. Ильина, как правило, упрекают ее в некритическом отношении к «сырому материалу» «Эймундовой саги», рассматривая ее прежде всего как литературное произведение.

Крупнейший скандинавист современности А.Я. Гуревич, рассуждая об исторической достоверности саг, писал: «При сравнении с дидактической и откровенно тенденциозной

литературой Средневековья саги с присущим им стилем повествования кажутся мыслимым пределом сдержанности и беспристрастности». В то же время критерием достоверности было соответствие описанного в саге факта коллективному мировоззрению: «Индивидуальное сознание, как правило, не обладало такой суверенностью, чтобы противопоставить свою особую точку зрения мнению социума, и истинным были склонны счесть то, что отвечало потребностям и идеям группы. Интеграция в группу была столь сильной, что индивид принимал за истинные и отвечающие действительности только те факты и нормы, которые выражали коллективные представления»⁴¹³. И в этом, по его мнению, заключалась объективность саговой традиции.

Современные исследователи-скандинависты выделяют в саге три «этикетных» уровня, связанные с этикетом миропорядка, этикетом поведения героев, словесным этикетом, определяющим внешнее оформление литературных формул. Этим обусловлена характеристика действующих лиц саги, направленная на возвеличение главного героя и потому не вполне достоверная⁴¹⁴. Мы находим в «Пряди» «обилие мотивов и эпизодов, вызванных к жизни стереотипом образа скандинава-наемника», поэтому интерпретация содержащихся в ней фактов невозможна вне широкого сагового контекста. В скандинавской традиции идеализация образа викинга достигается путем гиперболизации личности, противопоставленной его окружению, который и был использован «Прядью», наделившей Ярослава недостатками, прямо противоположными достоинствам Эймунда (решительность — слабоволие, твердость — непоследовательность, отвага — осторожность, щедрость — скупость и др.). Неудивительно, что в сагах его образ «оказывается резко

противоречащим действительности при сопоставлении с древнерусскими источниками», и даже если «Ярослав действительно обладал какими-то из приписываемых ему сагой негативных качеств, на что как будто указывают некоторые его поступки, упомянутые летописями, то сага подчеркивает и гиперболизирует их». С другой стороны, здесь же присутствуют описания ситуаций, в которых Ярослав действует не в соответствии с заданными ему качествами, что, «возможно, отражает реальные черты его характера». В то же время подчеркивается, что «Прядь» в целом отличается очевидной тенденциозностью: «Уже в ранних устных рассказах участников отряда Эймунда (на основе которых, безусловно, и сложилась сага) неизбежно смещались акценты: скандинавских воинов интересовали не столько события на Руси, сколько их собственная деятельность и удачливость Эймунда, позволившая им “с богатством и славой” вернуться на родину. Отсюда проистекали и естественное внимание к одним событиям и игнорирование других — вне зависимости от их объективного значения, и преувеличение своей и Эймунда роли в этих событиях, и другие неточности в передаче истинного хода событий» (Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова)⁴¹⁵.

Безусловно, при анализе саг следует принимать во внимание «не только их фольклорно-эпическую природу, но и непреодолимую дистанцию между устной и письменной традицией». Поскольку «Прядь об Эймунде» была записана лишь в XIII в., а до этого передавалась в устной традиции, это памятник позднего происхождения, зафиксировавший факты, представлявшиеся скальду тех дней, без гарантии того, что именно такими они были первоначально. Недавно была высказана гипотеза о том, что сюжет «Пряди

об Эймунде» претерпел в процессе своего бытования по крайней мере два этапа изменений, вследствие чего исторические характеристики действующих лиц были сведены к стандартной литературной оппозиции «свой — чужой», «хороший — плохой», в которой Эймунд соответствует стереотипу «хорошего» правителя, противопоставленного, с одной стороны, Олаву Харальдсону (к которому скандинавская историография в целом относилась с пиететом), а с другой — Ярицлейву, «чужому» конунгу, наделенному отрицательными для скандинава чертами правителя (Е.К. Блохин)⁴¹⁶. Таким образом, в историографии сложилось представление о том, что «Эймундова сага» представляет комплекс фольклорных мотивов, что, по мнению некоторых исследователей, является достаточным основанием для того, чтобы «исключить “Прядь об Эймунде” из источников с решающим голосом», при реконструкции династического конфликта 1015—1019 гг., так как «по своему содержанию она является не исторической сагой, а чисто литературным произведением» (А.В. Назаренко)⁴¹⁷.

Основу «Пряди об Эймунде» составляет мотив о трех братьях-правителях, представляющий один из универсальных средневековых стереотипов историописания, восходящих к архаичной фольклорной традиции (В.Я. Петрухин)⁴¹⁸, по которым конструировалась «текстуальная реальность» источника: ее проявления можно наблюдать и в ПВЛ, и в «Хронике» Титмара Мерзебургского, и у византийского хрониста Иоанна Скилицы. Надо думать, что в христианской Европе этот стереотип восходил к библейскому преданию о разделе земли между сыновьями Ноя, по которому строились описания исторических территориальных разделов. В соответствии с этим стереотипом существование трех

наследников Владимира признается всеми источниками, но синтетическая их интерпретация оставляет широкое пространство для моделирования инвариантных реконструкций с участием разных действующих лиц.

Обратим внимание на другие «литературные штампы», свойственные «Пряди об Эймунде». Это не только традиционный «переселенческий» мотив, заставляющий отправляться в странствие главного героя (В.Я. Петрухин), но и мотив конструирования междоусобиц, в которых участвует главный герой, моделирующихся в соответствии со средневековыми представлениями о власти, собственности, чести правителя. Как правило, причина междоусобиц — это борьба за «территориальную юрисдикцию», то есть право взимания дани с земель, за которое боролся Эймунд в «Саге об Ингваре Путешественнике» и которая послужила в «Пряди об Эймунде» причиной войны сначала между Бурицлавом и Ярицлейвом, а затем между Ярицлейвом и Вартилавом.

Это не только одно из общих мест средневековой историографии, но и своеобразный критерий оценки правителя, что, собственно, и объясняет тот факт, что в скандинавских, латинских и древнерусских памятниках в качестве причины междукняжеской войны 1015—1019 гг. везде фигурирует стремление к единовластию. Поскольку эта информация зафиксирована различными культурно-историческими традициями, она отражает объективную политическую закономерность, учитывая, что аналогичные явления, согласно Титмару Мерзбургскому и Козьме Пражскому, на рубеже X и XI вв. имели место в Польше и Чехии или, например, в Скандинавии, где, по свидетельству той же «Пряди об Эймунде», всюду говорилось, что Олав Харальдсон отнял

власть у девяти местных конунгов. Таким образом, для составителя «Пряди», так же как и для древнерусского летописца, знавшего о междоусобии Святославичей в X в., борьба, разыгравшаяся летом 1015 г. за право обладания наследством Владимира, ничего экстраординарного не представляла, и лишь позднее в летописной и агиографической традиции ей была придана негативная тенденция.

Другое дело, как в Скандинавии и на Руси относились к феномену братоубийства. У скандинавов, где дольше сохранялось влияние архаических традиций, убийство брата-соперника даже в XII в. не подрывало легитимности правителя. Косвенным доказательством этого утверждения может служить рассказ об убийстве в 1136 г. норвежского конунга Харальда Гилликриста Сигурдом Слембидьяконом, священником из Исландии, зафиксированный в крупнейшем своде исландских «королевских саг» — «Круге Земном», составление которого приписывается исландскому аристократу XIII столетия Снорри Стурлусону.

Хотя здесь не идет речь о борьбе кровных родственников, следует обратить внимание на тот факт, что обоим в разное время с помощью «Божьего суда» удалось доказать свое происхождение от конунга Магнуса Голоногого, а следовательно, их родство не могло подвергаться сомнению и даже было зафиксировано в висах (песнях) скальдов, что являлось для исландцев самым надежным способом фиксации исторической истины⁴¹⁹. Убийство названного брата не помешало Сигурду, объявленному вне закона, добиться своего провозглашения конунгом Северной Норвегии.

Поскольку Харальд не хотел признавать исландского священника своим братом, Сигурд сначала был вынужден скрываться от людей конунга, затем вошел в доверие к

некоторым из его приближенных и в день святой Люции (13 декабря 1136 г.) организовал убийство Харальда.

Как рассказывает «Сага о сыновьях Магнусе Слепом и Харальде Гилли», «Сигурд Слембидьякон и несколько людей с ним пришли к тому покою, где спал конунг. Они взломали дверь и ворвались в покой с обнаженными мечами. Ивар сын Кольбейна первым нанес удар Харальду конунгу. А конунг лег спать пьяным и спал крепко. Он проснулся только когда его стали разить...». Когда Харальд скончался, Сигурд «...велел позвать людей, которые обещали примкнуть к нему, если ему удастся лишить Харальда конунга жизни. Сигурд пошел к лодке, люди его сели на весла, и они поплыли к заливу под конунговы палаты. Уже начинало светать.

Сигурд встал и обратился к тем, кто стоял на конунговой пристани. Он объявил, что убил Харальда конунга, и потребовал, чтобы они примкнули к нему и провозгласили его конунгом, как ему подобает по рождению. На пристань сбежалось много народу из конунговых палат. Все они как один человек отвечали, что никогда этого не будет, чтобы они подчинились и служили убийце своего брата:

— А если он не был твоим братом, тогда ты не конунг по рождению.

Они бряцали оружием и объявили Сигурда и его людей вне закона. Протрубили в конунгову трубу и созвали всех лендрманнов и дружинников. Тут Сигурд и его люди увидели, что им остается лишь уходить.

Сигурд отправился в северный Хёрдаланд и созвал там бондов на тинг. Они подчинились ему и провозгласили его конунгом. Затем он направился в Согн и созвал там бондов на тинг. Там он тоже был провозглашен конунгом. Затем он

отправился на север во фьорды. Его там хорошо приняли.
Ивар сын Ингимунда говорит так:

Взвели на престол
Сына Магнуса
Хёрды и согнцы
Следом за Харальдом.

Рати на тинге,
Как некогда брату,
Князьему сыну
Клятвы давали»⁴²⁰.

«Сага о сыновьях Харальда Гилли» рассказывает еще об одной междоусобной войне, в которой люди конунга Инги убили его сводного брата и соправителя Эйстейна (1157 г.): «...когда после смерти Сигурда конунга (одного из сыновей Харальда Гилли Сигурда Рота. — Д.Б.) прошло два года, конунги двинули друг против друга войска, Инги с востока страны — у него было восемьдесят кораблей, — а Эйстейн с севера — у него было сорок пять кораблей. У Эйстейна был большой дракон, построенный для конунга Эйстейна сына Магнуса. У обоих было хорошее и большое войско. Инги конунг стоял со своими кораблями к югу от острова Мостр, а Эйстейн конунг — немного севернее, в Грёнингасунде. Эйстейн послал на юг к Инги молодого Аслака сына Иона и Арни Стурлу сына Сэбьёрна. У них был один корабль. Но когда люди Инги увидели их, они напали на них, перебили много их людей и захватили корабль со всем, что на нем было, и все их пожитки. Аслаку и Арни удалось бежать на берег, и они отправились к Эйстейну конунгу и рассказали, как Инги конунг встретил их.

Эйстейн конунг созвал тогда домашний тинг и рассказал людям, как люди Инги нарушили мир, и просил своих воинов следовать за ним:

— Ибо у нас такое большое и хорошее войско, что я ни в коем случае не обращусь в бегство, если только вы будете следовать за мной.

Но его речь не встретила одобрения. Халлькель Сутулый был там, но оба его сына, Симун и Йон, были у Инги. И Халлькель сказал тогда и громко, что многие слышали:

— Пусть твои сундуки с золотом следуют за тобой и защищают твою страну.

Следующей ночью они уплыли потихоньку на многих кораблях, некоторые, чтобы присоединиться к Инги конунгу, другие — в Бьёргюн, еще другие — во фьорды. Утром, когда рассвело, конунг оставался один с десятью кораблями. Он тогда решил бросить большого дракона, ибо тот был слишком тяжел на плаву, и некоторые другие корабли, и они сильно порубили дракона, а также бочонки с пивом, и все, что они не могли с собой взять, они уничтожили. Эйстейн конунг перешел на корабль Эйндриди сына Иона Жирный Нос, и они поплыли на север, вошли в Согн и оттуда отправились сухим путем в Вик.

Инги конунг поплыл на восток в Вик по морю. А к востоку от Фольда расположился Эйстейн, и было у него почти двенадцать сотен людей. Но увидев корабли Инги конунга, они решили, что у них недостаточно войска, чтобы ему противостоять, и они бежали в лес. Они бежали кто куда, так что при конунге остался только один человек.

Люди конунга Инги узнали, где Эйстейн и что люди его разбежались. Они отправились искать его. Симун Ножны

встретил его в то время, как тот выходил из кустарника.

Симун приветствовал его:

— Привет тебе, господин! — говорит он.

Конунг отвечает:

— Наверно, ты считаешь, что теперь ты мой господин.

— Похоже на то, — говорит Симун.

Конунг стал просить, чтобы тот помог ему бежать, и сказал:

— Тебе бы это подошло. Ведь мы долго были друзьями, хотя сейчас дело обстоит иначе.

Симун сказал, что ничего такого не будет. Конунг попросил, чтобы ему дали выслушать мессу. Эту просьбу его уважили. Затем он лег ничком, расставил руки и попросил, чтобы его зарубили ударом накрест между лопаток. Он сказал, что теперь будет видно, выдержит ли он испытание железом, которого требовали друзья Инги. Тут Симун велел тому, кто должен был нанести смертельный удар, делать свое дело. Довольно, как он сказал, конунгу пресмыкаться в вереске. И его зарубили, и все нашли, что он мужественно встретил смерть. Его тело перенесли в Форс и положили на ночь к югу от церкви на пригорке.

Эйстейн конунг был погребен в церкви в Форсе. Его могила находится в середине церковного пола, и на нее положена подстилка. Люди считают его святым. Там, где он был зарублен и где его кровь пролилась на землю, забил родник; а другой родник забил там, где его тело пролежало ночь. Многие люди считают, что вода из этих родников исцелила их.

Люди из Вика рассказывают, что на могиле Эйстейна произошло много чудес до того, как его враги вылили на нее варево из собаки. Симуну Ножны очень не любили из-за его поступка, и все его осуждали. Но рассказывают, что,

когда Эйстейн конунг был схвачен, Симун послал человека к Инги конунгу, а тот сказал, что не хочет, чтобы Эйстейн показывался ему на глаза...»⁴²¹

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что в этом рассказе уже начинает формироваться стереотип «правителя-мученика», подобного Борису и Глебу, который получил развитие в скандинавской историографии под влиянием культа святого Олава.

Хотя эти династические «разборки» среди потомков Харальда Прекрасноволосого, несомненно, имеют свою специфику, следует отметить, что политические убийства 1137 и 1157 гг. не воспринимались исландской традицией в качестве социальных или моральных эксцессов.

Возвращаясь к основной теме исследования, отметим, что «Прядь» называет убийство Бурицлава «великим событием» и «смелым делом», служащим прославлению Эймунда. Само описание убийства также представляет собой комбинацию фольклорных мотивов, которые являются универсальными для раннесредневековой историографии и имеют многочисленные сюжетные параллели. «Убийство при помощи согнутого дерева (деревьев) — мотив, восходящий к античности. Применительно к событиям на Руси он встречается у Саксона Грамматика и у Льва Диакона (смерть князя Игоря)»⁴²². Недавно было высказано предположение, что описание гибели Бурицлава восходит к сюжету о легендарном скандинавском конунге Агни в «Саге об Инглингах», удушенном во время ночлега в лесу с помощью веревки, один конец которой был привязан к дереву, а другой — к золотой гривне на шее конунга (С.М. Михеев)⁴²³.

К числу аналогичных мотивов относится и сюжет с демонстрацией отрубленной головы Бурицлава Ярицлейву,

параллели к которому выявлены в «Саге о Харальде Суровом Правителе», входящей в состав «Круга земного» Снорри Стурлусона. Как рассказывает Снорри, «Асмундом звали человека, о котором рассказывали, что он сын сестры Свейна конунга (датского короля Свена Эстридсена. — Д.Б.) и его воспитанник. Асмунд был очень искусен и красив. Конунг очень его любил. Но когда Асмунд подрос, он стал заносчивым и буйным. Конунгу это не нравилось. Он отпустил его прочь и пожаловал ему богатый лен, так чтобы он мог содержать себя и своих людей.

Как только Асмунд получил богатство от конунга, к нему собралось большое войско. Ему стало не хватать пожалованного конунгом имущества для своего содержания, и тогда он захватил много других богатств, которые принадлежали конунгу. Когда же конунг узнал об этом, он призвал к себе Асмунда. И при встрече их конунг говорит, что Асмунд должен быть в его дружине, а собственного войска не должен иметь, и Асмунд подчинился конунгу. Однако после того как Асмунд провел с конунгом немного времени, ему не понравилось там, и он однажды ночью убежал и возвратился к своим товарищам, и стал чинить еще больше зла, чем прежде. Когда же конунг ездил по стране и приблизился к тому месту, где находился Асмунд, он послал войско захватить Асмунда. Затем конунг приказал заковать его в железо и держать его так некоторое время, надеясь, что тот утихомирится. Но как только Асмунда освободили от оков, он тотчас же убежал и собрал своих людей и боевые корабли. Он начал воевать и за пределами страны и внутри страны и учинил огромное разорение, убил много народу и повсюду грабил. А те люди, которые страдали от этих бесчинств, пришли к конунгу и жаловались на причиненный им ущерб. Он отвечает:

— Почему вы говорите об этом мне? Почему не идете к Хакону сыну Ивара? Он ведь мною назначен защитником страны и должен поэтому охранять бондов и защищать их от викингов. Мне говорили, что Хакон смелый и мужественный человек, но теперь, думается мне, он старается избежать всего, что кажется ему опасным.

Эти слова конунга передали Хакону, многое прибавив. Тогда Хакон отплыл со своим войском на поиски Асмунда. Их корабли встретились. Хакон тотчас вступил в бой. И был это жестокий и жаркий бой. Хакон взошел на корабль Асмунда и очистил его от бойцов. И так вышло, что они вступили с Асмундом в рукопашный бой, нанося друг другу удары. Тут пал Асмунд. Хакон отрубил ему голову. Затем Хакон поспешил к Свейну конунгу и прибыл к нему в то время, когда конунг сидел за столом. Хакон подошел к столу, положил голову Асмунда перед конунгом и спросил, узнает ли он ее. Конунг не отвечал, но густо покраснел. Затем Хакон удалился. Немного погодя конунг послал к нему своих людей и отпустил его прочь.

— Скажите ему, что я не намерен причинять ему никакого зла, но я не могу поручиться за всех моих сородичей». Поскольку этот сюжет содержит сюжетные совпадения с «Прядью об Эймунде» (демонстрация головы Бурислефа Ярицлейву), исследователи не исключают, что этот эпизод в «Пряди» строился по образцу «Саги о Харальде Суровом Правителе» с использованием ее топики и фразеологии⁴²⁴.

Однако «Прядь об Эймунде» порицает Ярослава отнюдь не за пособничество в убийстве брата, а за скупость, которая становится причиной постоянных конфликтов с наемниками, которые «не хотят трудиться за одну только пищу» и требуют выплаты полагающегося им жалованья из захваченных ко-

нунгом богатств. Как отмечал А.Я. Гуревич, исследовавший «идеал государя» в «Круге земном», «щедрость — одно из самых главных качеств вождя, привлекавшее к нему дружинников». В справедливости этого утверждения можно убедиться, обратившись к «Саге об Инглингах», где рассказывается о легендарном норвежском конунге Хальвдане, люди которого «получали столько золотых монет, сколько у других конунгов люди получают серебряных, но жили впроголодь. Он был очень воинственен, часто ходил в викингские походы и добывал богатство».

Скандинавская традиция создает различные типы «скупых» конунгов: еще об одном легендарном персонаже, шведском конунге Хуглейке Альвссоне, говорится: «Хуглейк конунг не был воинственен. Он любил мирно сидеть дома. Он был очень богат, но скуп». Итак, перед нами два типа «скупого» конунга: «Прядь об Эймунде» относит Ярослава ко второму из них: не скупающийся на пиры и постройки, он тем не менее жаден к деньгам. Отрицательное в понимании скандинавов качество должно было подчеркнуть его недалекость, отсутствие мудрости⁴²⁵.

Именно в этом ключе необходимо подходить к оценке сообщения «Пряди», относящей убийство Бурислефа к числу заслуг Эймунда и порицанию Ярицлейва. Князь порицается здесь не за преступление, приписываемое в летописях Святополку Окаянному и противоречащее христианским канонам (приведенные выше примеры убеждают нас в том, что скандинавская традиция отнюдь не рассматривала его как таковое), а за нерешительность и недовольство «поспешно сделанным делом», хотя и отвечающим его интересам, то есть демонстрацию качеств, противоречащих «идеальному типу» конунга.

Подобно памятникам Борисоглебского цикла, «Прядь об Эймунде» обладает ярко выраженной «культурной субъективностью», однако есть основания полагать, что среди литературных «штампов» она скрывает реальные исторические факты — например, упоминание о ранении, полученном Ярославом во время битвы с кочевниками, которое могло иметь место во время осады Киева печенегами, упоминаемой в Новгородской IV и Софийской I летописях под 1017 г., а также в «Хронике» Титмара Мерзебургского⁴²⁶.

Как показало анатомическое исследование останков Ярослава Д.Г. Рохлиным и В.В. Гинзбургом, примерно в возрасте 40 лет он получил перелом голени, осложнивший врожденную хромоту, которой, по свидетельству летописей, попрекали его противники. По мнению некоторых историков, физической патологией Ярослава были обусловлены негативные черты его характера, зафиксированные в скандинавских сагах (Е.В. Пчёллов). Однако это отнюдь не мешало летописцам восхвалять другие его достоинства. Например, Новгородская IV летопись дает Ярославу следующую характеристику: «И беше хромоног, но ум беше добр в нем, и храбор на рати, и крестьян беаше, и чтяше книги»⁴²⁷.

Историческая достоверность «Эймундовой саги» является неоднозначной. Хотя древнерусская традиция также достаточно тенденциозна, в определенной степени она представляется более надежным источником. Хотя бы потому, что формирование ее началось уже в XI в., тогда как письменная традиция исландских «королевских саг» сложилась на рубеже XII—XIII столетий. Поэтому аргументы исследователей, приписывающих Ярославу убийство Бориса-Бурицлава на основании сравнительного анализа древнерусских и скандинавских источников, с культурологической точки зрения

некорректны, так как они пытаются экстраполировать негативный образ Ярицлейва, обусловленный литературными стереотипами скандинавской традиции, за пределы сформировавшей их культуры, что в конечном счете ведет либо к полному отрицанию, либо к значительной модернизации представлений древнерусской традиции, имеющих не меньшую самооценку. Необходимо признать, что между «беззаконным» поведением «окаянного» Святополка и поведением Ярицлейва в «Эймундовой саге» существует значительная культурная дистанция. Итак, характеристики главных героев «Пряди об Эймунде» — это результат влияния литературных стереотипов. Однако можем ли мы признать эти стереотипы характерной чертой одной лишь скандинавской традиции?

Стереотипность является характерной чертой средневекового историописания в целом: можно смело сказать, что ему были присущи универсальные идеологические константы, в соответствии с которыми формировался идеальный тип правителя, — соответственно модифицировалась и репрезентация его деятельности. Для того чтобы продемонстрировать универсальность этого стереотипа, обратимся к польской историографической традиции, тяготевшей к распространению в средневековой Европе жанру *Gesta* («Деяний»), историзм которого ориентирован в первую очередь на формирование определенного образа в «памяти потомства», ради чего хронисты легко пренебрегали, а то и вовсе жертвовали фактами, опуская «многие славные деяния», как выражается Галл Аноним.

Если верить польским хроникам, характерная черта идеального правителя — воинская доблесть, гарантирующая расширение владений: эта черта присуща и одному из легендарных польских князей Земовиту, и первому историческому

князю Мешко I, который, по словам Галла Анонима, «достигнув княжеской власти, начал укреплять свои духовные и физические силы и стал чаще нападать на народы, живущие вокруг». Образцом для польских историографов служил его сын Болеслав Храбрый, чья характеристика на протяжении веков не претерпела значительных изменений.

«Кто же способен достойно рассказать о его славных подвигах или битвах с соседними народами, не говоря уже о том, чтобы описать это и передать потомству? Разве не он подчинил Моравию и Чехию, занял в Праге княжеский престол и отдал его своим наместникам. Кто, как не он, часто побеждал в сражении венгров и всю страну их вплоть до Дуная захватил под свою власть? Неукротимых же саксов он подчинил с такой доблестью, что определил границы Польши железными столбами по реке Сале в центре их страны. Нужно ли перечислять победы и триумфы над языческими народами, которых, как известно, он как бы попираля ногами?» — вопрошал читателя начала XII в. Галл Аноним.

«Опасаюсь я, что не смогу постичь деяний Болеслава, перед которыми и немой становится красноречивым, а красноречие славнейших немеет. Ибо все его богатство возросло из духовных дарований и блистало доблестью оружия», — признавался столетием позже краковский епископ Винцентий Кадлубек. Эту тенденцию в XV в. продолжил Ян Длугош, писавший о Болеславе: «Он, не довольствуясь границами, унаследованными от отца, дедов и прадедов, покорил и войной подчинил Чехию, Моравию, Русь, подавив их многочисленными битвами, а также ослеплением чешского князя Болеслава и другими кровопролитными поражениями»⁴²⁸.

Итак, идеальный правитель — это доблестный воин, способный силой оружия укрепить свой «международный авторитет», обеспечив экономическую и политическую стабильность взиманием дани. В справедливости этого утверждения убеждает характеристика, данная сыну и преемнику Болеслава I Мешко II. «Этот Мешко был достойным воином и совершил много военных подвигов, о которых долго здесь рассказывать. Из-за зависти к его отцу и он был ненавистен всем соседям; и не был богат, как его отец, и не имел ни жизненного опыта, ни доброго нрава», — сообщает Галл Аноним.

Автор «Великой хроники поляков или лехитов» добавляет: «Он только о себе и заботился, отнюдь не о государстве. В его время чужеземные народы отказались ему повиноваться и, наблюдая его беспечность, отказались выплачивать ему подати, которые обычно выплачивали его отцу. Мало того, начальники крепостей отобрали себе и передали навечно своим потомкам крепости, некогда построенные его отцом Болеславом, как было упомянуто выше, на крайних границах королевства, в особенности по реке Лабе»⁴²⁹.

Контраст между Болеславом I и Мешко II в польских источниках очевиден. Скептическое отношение к нему во многом продиктовано тем, что он не сумел сохранить приобретения своего отца. Поэтому в начале XII в. Галл Аноним имел все основания написать: «По уходе короля Болеслава из мирской жизни золотой век сменился свинцовым»⁴³⁰. Гипертрофированные представления о внешнеполитических его успехах служили своеобразным руководством к действию для его преемников, среди которых выделяется его правнук Болеслав II. По утверждению «Великой хроники», «начал он помышлять об отваге своего прадеда, короля Польши Болеслава Великого, намереваясь проявить такую же военную

доблесть; он заботился не о выгоде и покое, но о восстановлении польских границ, которые определил вышеназванный Болеслав, а его преемники, короли Польши, к его времени утеряли»⁴³¹. Но не только стремление к внешнеполитической экспансии объединяло образы Болеслава I и Болеслава II в польской средневековой историографии.

Как писал о Болеславе I Галл Аноним, «Всемогущий Господь наградил короля Болеслава такой великой доблестью, мощью и победой, какую увидел в нем доброту и справедливость по отношению к себе самому и к людям. Такая слава и изобилие во всем, такая радость настолько сопутствовали Болеславу, насколько заслуживали этого его доблесть и щедрость», и «хотя король Болеслав имел большие богатства и много доблестных рыцарей, как уже было сказано, больше, чем какой-нибудь другой король, он, однако, всегда жаловался, что ему не хватает именно только одних рыцарей. И всякий храбрый новичок во время прохождения у него военной службы получал одобрение и назывался не рыцарем, а сыном короля; и если он слышал, что какой-нибудь из рыцарей не имеет коня или чего-нибудь другого, он давал ему великое множество подарков, а с присутствующими шутил так: “Если бы я мог спасти от смерти храброго рыцаря своим богатством так, как я могу преодолеть его бедность и помочь в его несчастье своими средствами, я бы эту самую алчную смерть задарил всяким богатством, чтобы сохранить в воинстве такого храбреца”».

Итак, в историописании средневековой Европы щедрость, прежде всего по отношению к своему непосредственному окружению — дружине, — наряду с доблестью была универсальной «этикетной» чертой «идеального образа» правителя. «Вот поэтому преемники должны подражать своими до-

блестными поступками столь великому мужу для того, чтобы возвыситься до такой же славы и могущества. Кто желает приобрести подобную славу после смерти, пусть при жизни добивается пальмы первенства своими добродетелями. Если кто-либо пожелает сравнить свое имя с добрым именем Болеслава, пусть постарается свою жизнь провести по образцу его жизни, достойной подражания», — утверждал хронист.

В тех же категориях Галл Аноним описывал Болеслава II, или Болеслава Щедрого, как он предпочитал именовать его на страницах своей «Хроники». Согласно «этикетной» характеристике хрониста, «король Болеслав II был смелым и решительным воином, гостеприимным хозяином, благотворителем щедрейшим из щедрых»⁴³². Однако, читая ее, не стоит забывать, что, когда в 1073 г. Изяслав Ярославич (муж его тетки по отцу и двоюродный брат по матери) бежал из Киева с «имением многим», Болеслав отобрал у изгнанника его имущество и «показал ему путь от себя», хотя польские авторы об этом поступке Болеслава «Щедрого» и «Смелого», естественно, умалчивают⁴³³.

Обратившись непосредственно к Начальной летописи, мы можем углубить наблюдения над «идеальным типом» древнерусского правителя. Известен летописный эпизод, очевидно восходящий к эпическому преданию, когда в ответ на ропот дружины, вынужденной есть на пиру деревянными, а не серебряными ложками, Владимир Святославич велел ископать серебряные ложки со словами: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра». Как подчеркивает летописец, Владимир любил дружину и с нею совещался «о строем земленем, и о ратех, и об уставе земленем»⁴³⁴. Именно перед дружиной отчитывались эмиссары

Владимира, которых князь посылал в Волжскую Болгарию, Рим и Константинополь для «испытания вер». Дружиной дорожил его сын, победитель при Листвене Мстислав Владимирович, который «любил дружину без меры, имения для нее не щадил». Напротив, порицанию в летописи подвергались Святослав Ярославич, стремившийся к накоплению богатств, а не к увеличению дружины, и его младший брат Всеволод, который в старости поступал согласно советам молодых, отвергнув «старшую» свою дружину. С дружиной советовались на «снечах» внуки Ярослава (в свете этого совещания Ярослава с Эймундом, о которых рассказывает скандинавская «Прядь», представляются менее экстраординарными явлениями, учитывая тот факт, что скандинавские наемники составляли часть дружины новгородского князя).

Можно ли утверждать вслед за некоторыми исследователями, что и «Ярослав не был “дружинным” князем, как Владимир» (Е.В. Пчёллов)?⁴³⁵ Несмотря на то что летописи не дают прямого ответа на этот вопрос, можно попытаться ответить на него на основании косвенных свидетельств. ПВЛ подчеркивает, что в последний период войны за наследство Владимира Святославича Ярослав пользовался полной поддержкой своих «мужей». Военный авторитет князя также был достаточно высок: подобно своему брату Мстиславу, он был «храбор на рати», организовал полтора десятка военных кампаний и участвовал по крайней мере в пяти крупных сражениях, — все эти факты не дают достаточно оснований для того, чтобы считать его исключением.

Таким образом, в ПВЛ мы наблюдаем такую же «этикетную» стереотипность в изображениях правителей, какая свойственна и скандинавским, и польским памятникам. Правда, и в русских летописях, и в польских хрониках, испы-

тавших, в отличие от исландских саг, сильное клерикальное влияние, присутствовал еще стереотип «князя — защитника церкви». В остальном же идеологические константы всех трех историографических традиций совпадали. Вследствие этого можно утверждать, что «образ монарха» в средневековой Европе складывался из определенных категорий, по крайней мере две из которых можно действительно считать универсальными: этому образу присуща целенаправленная эпическая стилизация, достигавшаяся путем тенденциозного отбора и интерпретации исторического материала, отчего достоверность нередко приносилась в жертву литературному стереотипу.

3.4. БРАТОУБИЙСТВО В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ. ПРЕЦЕДЕНТЫ В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ (X—XI ВВ.)

Наш труд окажется неполным, если мы не коснемся, хотя бы поверхностно, проблемы братоубийства в контексте исторического развития славянских государств, где отношение к этому феномену во многом сложилось под влиянием чешской агиографии, центральной темой которой являлся конфликт между сыновьями князя Вратислава I — старший из них, Вацлав, был убит своим братом Болеславом. Об этом рассказывает цикл легенд, получивших распространение в X и XI вв. на западе и на востоке Европы в латинской и славянской языковых традициях.

В латинский корпус легенд входят: *Crescente fide*, которую часть исследователей считают древнейшим памятником цикла (970-е гг.); «Легенда Гумпольда» (нач. 980-х гг.), составленная епископом Мантуанским по распоряжению

императора Оттона II; чешская «Легенда Кристиана» (990-е гг.) и итальянская «Легенда Лаврентия» (ок. 1040 г.). К славянскому корпусу легенд относятся: «Востоковская легенда» (опубликована в 1827 г. академиком А.Х. Востоковым), которая считается древнейшей наряду с *Crescente fide*; «Легенда Никольского» (открыта в 1904 г. академиком Н.М. Никольским), частично сходная с *Crescente fide*, частично — с «Легендой Гумпольда» и датируемая концом X в. Сюда же примыкают Проложное и «Минейная редакция жития святого Вячеслава» возникшие в средневековой Руси. В этой книге мы ограничимся рассмотрением славянских легенд.

Агиографические памятники Святовацлавского цикла предлагают различные интерпретации конфликта, возникшего в княжеском роду Пржемысловичей, неизменно рассматривая его в широком контексте противостояния христианства и язычества. Согласно латинской *Crescente fide*, организатором убийства Вацлава стал его брат Болеслав, тогда как, по версии «Востоковской легенды», он всего лишь являлся орудием в руках представителей аристократии. «Если учесть, что Вацлав не имел потомков и Чехией после его смерти правил (до 973 г.) его убийца — Болеслав I, а затем сын убийцы — Болеслав II, то цель появления версии, отраженной в старославянском житии (и отчасти — в «Легенде Лаврентия»), станет совсем понятной. Она должна была насколько возможно смягчить обвинения основателя правящей династии в братоубийстве, возложив ответственность за происходящее на злых советников», — пишет по этому поводу Б.Н. Флоря⁴³⁶.

В первом обобщающем труде по истории раннесредневековой Чехии — «Хронике» Козьмы Пражского, составленной в первой четверти XII в., братоубийство подвергается

категоричному порицанию. Хронист пишет: «О том, как Болеслав, недостойный называться братом этого мужа, обманом заманил брата своего на пир, как задумал убить его, чтобы овладеть княжеством, и каким образом ему удалось скрывать братоубийство перед народом, но не перед Богом, достаточно, как я полагаю, рассказано в житии святого мужа [Вацлава]. После короткой жизни [Вацлава] Болеслав, этот второй Каин, став на путь преступления, добился княжения».

Показательно, что Козьма сравнивает Болеслава Жестокоего — «братоубийцу, достойного проклятия», — с Каином. Иными словами, в представлении чешского хрониста он является столь же «окаянным», как и Святополк в представлении его русских собратьев по перу, — и это при том, что ни в одном из житий Вацлава история Каина и Авеля не привлекается для пояснения смысла излагаемых событий. Таким образом, подобное сопоставление является «творческой инициативой» пражского каноника.

Конечно, соблазнительно было бы предположить, что на представления Козьмы оказал влияние Борисоглебский цикл, тем более что как раз к этому времени относятся свидетельства о почитании Бориса и Глеба в Сазавском монастыре, где в 1095 г. была захоронена часть их мощей. Однако единственно приемлемым будет предположение о том, что для славянской историографии этого периода характерно соотнесение локальных явлений с их библейским «протографом» как оригинальная и в определенном смысле универсальная черта историко-культурного восприятия эпохи.

С другой стороны, Козьма сравнивает братоубийцу с наиболее отрицательными в средневековом представлении правителями Античности: «Князь Болеслав, — если, ко-

нечно, можно назвать князем того, кто был таким безбожником и мучителем, — по своей жестокости превосходил Ирода, по кровожадности — Нерона, по бесчеловечности своих преступлений — Деция, а по беспощадности — Диоклетиана, за что, как говорят, получил прозвище Болеслав Жестокий»⁴³⁷.

В этом принципиальное отличие пражского хрониста от древнерусских коллег, отождествлявших Святополка преимущественно с библейскими персонажами. Образ Болеслава Жестокоего в чешской историографии сформирован из комплекса черт, как сближающих, так и разделяющих его со Святополком Окаянным. Общей, безусловно, является морально-этическая предпосылка эксцессов, происшедших в Чехии и на Руси, — внушенное дьяволом честолюбивое стремление к власти, которое приводит к братоубийству. Болеслав в итоге осознал тяжесть своего преступления и, «испоредавшись Господу Богу [в том], сколько сотворил он грехов, помолился Богу и всем святым и, послав слуг, принес тело своего брата Вячеслава из города Болеслава в славный город Прагу, говоря: “Я согрешил, мой грех и мои беззакония я знаю”», — сообщает «Востоковская легенда»⁴³⁸.

Согласно утверждению Козьмы Пращского, «...тело мученика св. Вацлава вследствие ненависти завистливого брата было перенесено из града Болеслава в город Прагу. Брат [Вацлава] Болеслав вел себя со дня на день все хуже и хуже. Он не чувствовал никакого раскаяния в своем поступке. Полный гордой спеси, он не мог более сносить того, что Бог за заслуги своего мученика Вацлава совершал бесчисленные чудеса над его могилой, и тайно приказал своим верным слугам перенести [тело Вацлава] в город Прагу и похоронить в церкви

св. Вита; он сделал это для того, чтобы чудеса, которые совершал Бог во славу своего мученика, приписывались заслугам не Вацлава, а св. Вита»⁴³⁹. Этот достаточно тенденциозный пассаж демонстрирует эволюцию представлений чешской историографии в X — начале XII в.

Характерно, что почти во всех славянских легендах Святовацлавского цикла перенесение тела Вацлава-Вячеслава в Прагу представляется как акт покаяния Болеслава, хотя *Crescente fide* приписывает его почитателям Вацлава, утверждая, что его брат так и не раскаялся в своем преступлении. Козьма Пражский интерпретирует эту процедуру как целенаправленную акцию по дискредитации нового святого. Эта точка зрения сближает его с составителем «Легенды Никольского», где говорится, что Болеслав «устрашился не божьего страха, а стыдясь людей», тайно приказал священникам перезахоронить прах брата⁴⁴⁰. Противоречия памятников Святовацлавского цикла в интерпретации этих событий настолько велики, что было предложено выделить в чешской историографии X—XI вв. «княжескую» и «церковную» версии.

Характеристика Болеслава в «Чешской хронике» является весьма противоречивой. Козьма Пражский сообщает, что «князь Болеслав, сознавая содеянное им преступление, боясь мучений в тартаре и постоянно думая над тем, как ему умилоствитивить Бога», посвятил служению церкви своего сына Страхкваса⁴⁴¹. Согласно гипотезе Б.Н. Флори, противоречие возникло потому, что Козьма в данном случае обратился к «княжеской» традиции. «В Хронике Козьмы, несмотря на приведенный выше эпизод, образ Болеслава в целом выдержан в последовательно отрицательных тонах». Более того, исследователь полагает, что хронист полемизировал с «кня-

жеской» версией событий⁴⁴². С другой стороны, противоречие пражского хрониста согласуется с агиографической традицией Святовацлавского цикла, за исключением «Легенды Никольского», где создан демонический образ Болеслава, одержимого бесами, сближающий его с летописным образом Святополка⁴⁴³.

Прямая параллель между Болеславом и Святополком была проведена в «Минейной редакции Жития Вячеслава»: «В то же время дьявол, который издавна ненавидел человеческий род, посеял лукавую мысль в сердце Болеслава и настроил его против брата, так же как и окаянного Святополка, который, задумав злое против своих братьев в своем сердце, перебил своих братьев и один овладел властью в Русской земле, не зная об отомщении Божьем, так как слуги Божии не зря носят меч, но на погибель нечестивым»⁴⁴⁴.

Отличие, однако, состоит в том, что в Святовацлавской агиографической традиции осознание Болеславом совершённого преступления ведет к его искуплению, и, таким образом, исключается мотив божественного возмездия или мести. В памятниках Борисоглебского цикла, особенно в «Анонимном сказании», упорствующий в своей гордости Святополк, напротив, усугубляет убийство Бориса убийством Глеба и Святослава, что делает необходимым их отмщение. Логично будет предложить объяснение этого феномена, исходя из политических условий формирования культов: если в Чехии власть осталась в руках прямых потомков Болеслава Жестокого, то на Руси в результате междукняжеской войны 1015—1019 гг. власть перешла от старшей ветви Святославичей к младшей, что и потребовало привлечения дополнительных аргументов для его объяснения.

Интересно, что во II книге своей «Хроники» о «безбожном Болеславе», убившем «своего брата Венцислава, князя Чехии, верного Богу и королю», упоминает и Титмар Мерзебургский⁴⁴⁵. Но, кроме упомянутого замечания, епископ (как, впрочем, и его предшественник, саксонский хронист Видукинд) не сделал никаких заключений, вероятно, считая его вполне естественным для «неправедного», «безбожного», правителя. Индифферентность имперской историографии X—XI вв. к феномену братоубийства можно объяснить лишь исходя из того обстоятельства, что в политической истории Германского королевства, наполненной междоусобными войнами, он не имел прецедентов.

Разумеется, противоборство между сыновьями Вратислава I было для рода Пржемысловичей отнюдь не единственным. По свидетельству Титмара, внук Болеслава Жестокого Болеслав Рыжий (999—1003) «оскопил брата Яромира и пытался удушить в бане младшего Ульриха [Ольдржиха], после чего изгнал их с матерью из отечества». Хронист мотивировал его поступок тем, что «власть соправителей и наследников всегда вызывает страх». Если верить дальнейшему повествованию, «правя один, как достойный кары василиск, он [Болеслав] стал сверх меры притеснять народ. Тот, не имея возможности долее терпеть тяжесть подобного преступления, тайно призвал из Польши Владивоя, чье имя переводится как “власть войска”, ядовитого аспида, обходившегося со своими, невзирая на законы, и, низложив того василиска, то есть Болеслава, поставил его на место последнего, единодушно избрав по причине родственных связей и благочестия». Об этом благочестивом правителе мерзебургский епископ рассказывает «одну невероятную вещь, которой не следует

подражать никому из христиан, а именно: он и часу не мог провести без выпивки», которая ярко демонстрирует его политическую тенденциозность.

Союзником Болеслава Рыжего в борьбе за власть стал его двоюродный брат, польский князь Болеслав Храбрый, которому, по словам Титмара, его чешский кузен был равен в преступлениях, но не равен в талантах⁴⁴⁶. Болеслав Храбрый вернул родственнику власть в Праге, однако уже через несколько месяцев вероломно захватил его в ходе визита в Краков. Тотчас, во время трапезы, были нарушены и мир, и доверие, и закон гостеприимства: «... князь Болеслав был схвачен и ослеплен; людей, сопровождавших его, посадили в темницу», — рассказывает Козьма Пражский⁴⁴⁷. После этого почти все чешское княжество было оккупировано Польшей, однако и после реставрации Пржемысловичей в 1004 г. междоусобия не прекратились: в борьбе за власть князь Яромир был ослеплен младшим братом Ольдржихом. Аналогичный инцидент с Васильком Ростиславичем имел место и на Руси. Таким образом, можно утверждать, что в Чехии X — начала XI в., а на Руси в течение XI в. произошла определенная «гуманизация» методов междукняжеской борьбы — от братоубийства к ослеплению.

* * *

Феномен братоубийства в славянском мире не ограничивался одной только Чехией. В этом отношении весьма колоритный пример представляет история Балканского региона, где в 1014 г. (за несколько месяцев до аналогичных событий на Руси!) в условиях войны между Болгарией и Византией имел место захват власти с помощью братоубийства. Как

сообщает южнославянская «Летопись попа Дуклянина», относящаяся ко второй половине XII в., после смерти болгарского царя Самуила (976—1014) царство наследовал его сын Радомир: «От природы он был сильный и храбрый, и учинял многочисленные войны с греками во времена греческого царя Василия и занял всю землю до Константинополя (Царьграда). Но царь Василий, опасаясь, как бы не потерять царство, послал тайно послов к Владиславу, двоюродному брату Радомира, говоря: “Почему не отомстишь кровь отца своего? Возьми от меня золота и серебра, сколько хочешь, и будь с нами в мире, да и возьми королевство Самуила, который убил отца твоего и брата своего. И, если сможешь, убей его сына Радомира, который теперь правит”. Когда это выслушал Владислав, согласился и один раз, когда Радомир был на охоте и он сам с ним ехал верхом, ударил его и убил. И так умер Радомир, и после него правил Владислав, который его убил».

Следующей жертвой Владислава стал дуклянский князь Владимир, женатый на его двоюродной сестре Косаре, дочери царя Самуила. «Взяв царство, он послал к королю Владимиру послов, чтобы прибыл к нему, — продолжает хронист. — Когда это услышала королева Косара, сдерживала его, говоря: “Мой господин, не иди, чтобы тебе — пусть тебя это минует! — не случилось, как моему брату, но пусти меня, пусть я пойду и пусть увижу и услышу, что там с королем. Если желает меня погубить, пусть погубит, лишь бы ты не погиб”. Итак, королева пошла с согласия своего мужа к своему двоюродному брату; он ее принял пышно, но не искренне. После отправил второй раз послов к королю, дал ему золотой крест и слово гарантии, говоря: “Почему мешкаешь прийти? Вот жена твоя у меня и ничего злого не случилось, ведь я и мои с ней достой-

но себя ведем. Прими присягу на крест и приходи, чтобы я тебя увидел и чтобы ты потом хорошо и с дарами вернулся со своею женою на место свое". Ему ответил король: "Знаем, что Господь наш Иисус Христос, который терпел за нас, не был распят на золотом или серебряном кресте, но на деревянном; так что, если твоя клятва искренняя и твои слова истинны, пошли мне с духовными людьми деревянный крест, тогда я верой и силой Господа нашего Иисуса Христа приду, возлагая надежду на животворящий крест и драгоценное древо". Тогда он позвал двух епископов и одного пустынника, лукавя перед ними злобно свою искренность, дал им деревянный крест и послал их к королю. Эти пришли и поздравили короля, заверив в присяге, вручили крест. Король взял крест, низко до земли поклонился, поцеловал его и сунул за пазуху; и взяв несколько человек, пошёл к царю.

Тем временем царь приказал, чтобы ему на дороге поставили засады, когда он будет проходить, чтобы напали с противоположной стороны и убили его. Но всемогущий Бог, что берег своего слугу с детства, не хотел дремать над людскими делами. Так что послал своих ангелов, чтобы защищали его. И когда проходил околицей, где были засады, увидели разбойники, что короля провожают воины, которые имеют какие-то крылья, а в руках несут победоносные стяги: как узнали, что это ангелы Божьи, перепугались и убежали каждый в свою сторону. Король же прибыл к царскому двору, в местности, что зовется Преспа, и, только вошел, начал по своему обычаю молиться Богу небесному. Когда царь узнал, что король прибыл, охватил его великий гнев. Он ведь в своем сердце помышлял, что будет в дороге скорее убит, чем дойдет к нему, чтобы не казалось, что он соучастник в его гибели или что ее одобряет, ведь присяга была, и дал в

руки епископов и пустынника крест; ради того поставил на него засаду на дороге. Но, когда уже увидел, что его темное дело вышло на дневной свет, когда сидел за обедом, послал палачей, чтобы ему отрубили голову. Пока король молился, воины окружили его. Когда же король увидел это, позвал епископов и пустынника, которые там были, и говорит: “Что это, господа мои? Что вы сделали? Почему вы меня так обманули? Почему умираю без вины, веря вашим словам и уверениям?” Они же от стыда не отважились посмотреть ему в лицо. Тогда король помолился и исповедовался, принял тело и кровь Господни и, держа в руке тот крест, который получил от царя, сказал: “Молитесь за меня, господа мои, и этот честный крест пусть будет вместе с вами свидетелем в день Господень, что умираю невинным”. После этого поцеловал крест, попрощался в мире с епископами, и когда все плакали, вышел из церкви и воины убили его прямо перед церковными дверями; отрублено ему голову 22-го мая. Епископы же взяли его тело в ту самую церковь и похоронили с гимнами и славословиями».

Нетрудно заметить, что репрезентация болгарских событий 1014 г. в «Летописи попа Дуклянина» аналогична описанию чешских событий 935 г. в Святовацлавском цикле и русских событий 1015 г. — в Борисоглебском. При этом «этикет поведения» Владислава в большей степени соответствует «этикету поведения» Святополка, чем Болеслава Жестокого, а «этикет поведения» Владимира — «этикету поведения» святого Вацлава-Вячеслава и святого Бориса.

По словам летописца, «чтобы Господь Бог открыл заслуги блаженного мученика Владимира, многие люди, мучимые разными болезнями, выздоравливали, когда входили в цер-

ковь и молились над его гробом. Ночью же все видели там божественный свет и казалось, что горит множество свечей. Жена же блаженного Владимира много дней плакала так горько, что этого нельзя выразить. Видя чудесные дела, что их Бог совершил, царь покаялся, очень устрасился и решил своей двоюродной сестре взять тело его и достойно похоронить, где только захочет. Наконец она забрала его тело и отнесла в местность, именуемую Крайна, где был его двор, и похоронила его в церкви святой Марии».

Как отмечают исследователи, «жизнеописание Владимира по жанру и стилю стоит в Летописи особняком, представляет собой целостное законченное произведение и имеет схожие стилистические черты с агиографическими текстами более раннего, чем сама Летопись, времени». Предполагается, что первоначальная его редакция была составлена в княжение сербского правителя Стефана Воислава (1034—1042).

Агиографическая стилизация затронула не только описание гибели Владимира Дуклянского, но и описание гибели его убийцы. «В то время когда переносили тело блаженного Владимира из Преспы в Крайну, царь Владислав собрал войско и прибыл, чтобы занять землю блаженного Владимира и город Диррахий, как это ему обещал царь Василий за убийство, которое он совершил. Когда в один день он ужинал и отдыхал возле Диррахия, неожиданно явился ему вооруженный воин в образе святого Владимира. Напуганный, он начал кричать во весь голос: “Быстрее сюда, мои воины, быстрее и защитите меня, потому что Владимир хочет убить меня”. И сказав это, встал с места, где сидел, чтобы убежать. Но ангел сразу его ударил, и он свалился на землю и умер телом и душой. Тогда князь и его воины и весь

народ, пораженные великим страхом и боязнью, разжегши огонь в лагере, поубегали той же ночью в разные стороны. И так случилось то, что отвратительнейший убийца, который, за обедом сидя, велел отрубить голову Владимиру и сделал его мучеником, сам был убит во время ужина, чтобы стать ангелом сатаны»⁴⁴⁸.

По мнению О.А. Акимовой, «жизнеописание Владимира построено на антитезе его святости коварству болгарского царя Иоанна Владислава, действовавшего по указу византийского императора и православных священников, соответственно, на антитезе Западной церкви — Восточной. Владислав именуется “слугой сатаны”, “последним убийцей”; в образе же Владимира явственны аллюзии на Христа». Помимо «Дуклянской хроники» об этих же событиях с некоторыми модификациями сообщает и византийский хронист Иоанн Скилица, называющий соучастником Владислава митрополита Охридского⁴⁴⁹. Митрополитом (точнее, патриархом Охриды) в рассматриваемый период был Иоанн I. Не исключено, что с его именем может быть связан один из парадоксов истории, так как, согласно гипотезе М.Д. Присёлкова, этот церковный иерарх после византийской оккупации Болгарии в 1018 г. отправился на Русь, где в качестве киевского митрополита стал... организатором прославления убитых при сходных обстоятельствах Бориса и Глеба⁴⁵⁰.

Исходя из этой гипотезы, М.Д. Присёлков считал, что предполагаемый наследник Владимира Борис стремился к продолжению проболгарской церковной политики отца, якобы принявшего христианство не от византийских, а от болгарских священников, в то время как Святополк через

своего польского тестя Болеслава I склонялся к сближению с Римом. По его мнению, этим «нужно объяснить ту ужасную характеристику, которую он получил в летописи и агиологической литературе, и тот наивно-печальный конец его жизни, который рисует ненавидящая его за это западное увлечение греческующая рука монаха-летописца»⁴⁵¹.

Конечно, это всего лишь версия, основанная не столько на историческом, сколько на историографическом факте, к тому же далеко не бесспорном⁴⁵², которая тем не менее может рассматриваться как иллюстрация того, что формирование культа правителя-мученика во многом зависело от политической конъюнктуры, существовавшей в каждом отдельно взятом регионе; в зависимости от нее находилось формирование моральных, этических, религиозных и, как следствие, исторических воззрений, которые определяли само отношение общества, точнее, образованной его части, так называемых средневековых интеллектуалов, к восприятию феномена братоубийства в борьбе за власть.

В культурно-исторической традиции славянского мира, будь то *Slavia Orthodoxa* или *Slavia Latina*, отношение к этому феномену было определено негативным; причем при движении с запада на восток по карте Европы степень негативности последовательно возрастала, найдя крайние свои формы в агиографии Древней Руси, максимально приближенной к библейской истории о Каине и Авеле, что делает ее уникальной даже для славянской культуры, где, как мы показали, существовали общие описательные стереотипы, в соответствии с которыми создавался «этикет поведения» действовавших лиц. Разумеется, эта агиографическая модель кардинальным образом отличалась

от той, которая существовала в скандинавской традиции, сформировавшейся под влиянием фольклорно-эпических, а не религиозных стереотипов. Однако детальное выявление их различий — это уже задача литературоведения. Поэтому, завершая эту книгу, мы отказались от написания «Заключения», учитывая тот факт, что проведенное нами сопоставление древнерусской и европейской литературных традиций, несмотря на кажущуюся репрезентативность, отнюдь не является исчерпывающим и еще не раз потребует обращения к данной теме.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОВЕСТЬ ОБ УБИЕНИИ БОРИСА*

<...> Святополк сел в Киеве по смерти отца своего, и созвал киевлян, и стал давать им дары. Они же брали, но сердце их не лежало к нему, потому что братья их были с Борисом. Когда Борис уже возвратился с войском назад, не найдя печенегов, пришла к нему весть: «Отец у тебя умер». И плакался по отце горько, потому что любим был отцом больше всех, и остановился, дойдя до Альты. Сказала же ему дружина отцовская: «Вот у тебя отцовская дружина и войско. Пойди, сядь в Киеве на отцовском столе». Он же отвечал: «Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца». Услышав это, воины разошлись от него. Борис же остался стоять с одними своими отроками. Между тем Святополк, исполнившись беззакония, воспринял мысль Каинову и послал сказать Борису: «Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к полученному от отца владению», но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить. Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно

* Из летописи статьи 1015 г.

призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: «Преданы ли вы мне всем сердцем?» Отвечали же Путша с вышгородцами: «Согласны головы свои сложить за тебя». Тогда он сказал им: «Не говоря никому, ступайте и убейте брата моего Бориса». Те же обещали ему немедленно исполнить это. О таких сказал Соломон: «Спешат они на несправедное пролитие крови. Ибо принимают они участие в пролитии крови и навлекают на себя несчастья. Таковы пути всех, совершающих беззаконие, ибо нечестием изымают свою душу». Посланные же пришли на Альту ночью, и когда подступили ближе, то услышали, что Борис поет заутреню, так как пришла ему уже весть, что собираются погубить его. И, встав, начал он петь: «Господи! За что умножились враги мои! Многие восстают на меня»; и еще: «Ибо стрелы твои вонзились в меня; ибо я готов к бедам, и скорбь моя предо мною»; и еще говорил он: «Господи! Услышь молитву мою и не входи в суд с рабом Твоим, потому что не оправдается пред Тобой никто из живущих, так как преследует враг душу мою». И, окончив шестопсалмие и увидев, что пришли посланные убить его, начал петь псалмы: «Обступили меня тельцы гучные... Скопище злых обступило меня»; «Господи, Боже мой, на Тебя уповаю, спаси меня и от всех гонителей моих избавь меня». Затем начал он петь канон. А затем, кончив заутреню, помолился и сказал так, смотря на икону, на образ Владыки: «Господи Иисусе Христе! Как Ты в этом образе явился на землю ради нашего спасения, собственною волею дав пригвоздить руки свои на кресте, и принял страдание за наши грехи, так и меня сподобь принять страдание. Я же не от врагов принимаю это страдание, но от своего же брата, и не вмени ему, Господи, это в грех». И, помолившись Богу, возлег на постель свою. И вот напали на него, как звери дикие, об-

ступив шатер, и проткнули его копьями, и пронзили Бориса и слугу его, прикрывшего его своим телом, пронзили. Был же он любим Борисом. Был отрок этот родом венгр, по имени Георгий; Борис его сильно любил, и возложил он на него гривну золотую большую, в которой он и служил ему. Убили они и многих других отроков Бориса. С Георгия же с этого не могли они быстро снять гривну с шеи, и отсекли голову его, и только тогда сняли гривну, а голову отбросили прочь; поэтому-то впоследствии и не обрели тела его среди трупов. Убив же Бориса, окаянные завернули его в шатер, положив на телегу, повезли, еще дышавшего. Святополк же окаянный, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его. Когда те пришли и увидели, что он еще жив, то один из них извлек меч и пронзил его в сердце. И так скончался блаженный Борис, приняв с другими праведниками венец вечной жизни от Христа Бога, сравнившись с пророками и апостолами, пребывая с сонмом мучеников, почивая на лоне Авраама, видя неизреченную радость, распевая с ангелами и в веселии пребывая со всеми святыми. И положили тело его в церкви Василия, тайно принеся его в Вышгород. Окаянные же те убийцы пришли к Святополку, точно хвалу заслужившие, беззаконники. Вот имена этих законопреступников: Путша, Талец, Еловит, Ляшко, а отец им всем сатана. Ибо такие слуги подобны бесам: бесы ведь посылаются на злое, ангелы же посылаются для добрых дел. Ангелы ведь не творят человеку зла, но добра ему желают постоянно, особенно же помогают христианам и защищают их от супостата-дьявола; а бесы побуждают человека на зло, завидуя ему; и так как видят, что человек от Бога в чести, — потому и завидуют и скоры на совершение зла. Злой человек, усердствуя злomu делу, хуже беса, ибо бесы Бога боятся, а злой человек ни Бога

не боится, ни людей не стыдится; бесы ведь и креста Господня боятся, а человек злой и креста не боится.

Святополк же окаянный стал думать: «Вот убил я Бориса; как бы убить Глеба?» И, замыслив Каиново дело, послал, обманывая, гонца к Глебу, говоря так: «Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет: сильно он болен». Глеб тотчас же сел на коня и отправился с малою дружиною, потому что был послушлив отцу. И когда пришел он на Волгу, то в поле споткнулся конь его на рытвине, и повредил Глеб себе немного ногу. И пришел в Смоленск, и отошел от Смоленска недалеко, и стал на Смядыне в насаде. В это же время пришла от Предславы весть к Ярославу о смерти отца и послал Ярослав сказать Глебу: «Не ходи: отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком». Услыхав это, Глеб громко возопил со слезами, плачась по отце, но еще больше по брате, и стал молиться со слезами, говоря так: «Увы мне, Господи! Лучше было бы мне умереть с братом, нежели жить на свете этом. Если бы видел я, брат мой, лицо твое ангельское, то умер бы с тобою: ныне же зачем остался я один? Где речи твои, что говорил ты мне, брат мой любимый? Ныне уже не услышу тихого твоего наставления. Если доходят молитвы твои к Богу, то помолись обо мне, чтобы и я принял ту же мученическую кончину. Лучше бы было мне умереть с тобою, чем жить на этом полном лжи свете». И когда он так молился со слезами, внезапно пришли посланные Святополком погубить Глеба. И тут вдруг захватили посланные корабль Глебов, и обнажили оружие. Отроки же Глебовы пали духом. Окаянный же Горясер, один из посланных, велел тотчас же зарезать Глеба. Повар же Глеба, именем Торчин, вынув нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка. Так был принесен он в жертву Богу, вместо благоуханного фимиама жертва разумная, и принял венец царствия Божия, войдя в небесные

обитатели, и увидел там желанного брата своего, и радовался с ним неизреченною радостью, которой удостоились они за свое братолюбие. «Как хорошо и как прекрасно жить братьям вместе!» Окаянные же возвратились назад, как сказал Давид: «Да возвратятся грешники в ад». Когда же они пришли, сказали Святополку: «Сделали приказанное тобою». Он же, услышав это, возгордился еще больше, не ведая, что Давид сказал: «Что хвалишься злодейством, сильный? Весь день беззаконие... умышляет язык твой».

Итак, Глеб был убит, и был он брошен на берегу между двумя колодами, затем же, взяв его, увезли и положили его рядом с братом его Борисом в церкви Святого Василия.

И соединились они телами, а сверх того и душами, пребывая у Владыки, Царя всех, в радости бесконечной, в свете неизреченном и подавая дары исцеления Русской земле и всех приходящих с верою из иных стран исцеляя: хромым давая ходить, слепым давая прозрение, болящим выздоровление, закованным освобождение, темницам отвержение, печальным утешение, гонимым избавление. Заступники они за Русскую землю, светильники сияющие и вечно молящиеся Владыке о своих людях. Вот почему и мы должны достойно восхвалять страстотерпцев этих Христовых, прилежно молясь им со словами: «Радуйтесь, страстотерпцы Христовы, заступники Русской земли, подающие исцеление приходящим к вам с верою и любовью. Радуйтесь, небесные обитатели, были вы ангелами во плоти, единомысленными служителями Богу, единообразной четой, святым единомушной; поэтому и подаете вы исцеление всем страждущим. Радуйтесь, Борис и Глеб богомудрые, источаете вы как бы струи из колодца живоносной воды исцеления, истекают они верным людям на выздоровление. Радуйтесь, поправшие коварного змея, явившиеся подобно лучам светозарным, как светила, озаряю-

щие всю Русскую землю, всегда тьму отгоняющие верою непреклонною. Радуйтесь, заслужившие недреманное око, души свои к исполнению святых Божьих заповедей в сердцах своих склонившие, блаженные. Радуйтесь, братья, вместе пребывающие в местах светозарных, в селениях небесных, в неувядаемой славе, обладания которой удостоились. Радуйтесь, явно для всех осиянные божественным светом, весь мир обошедшие, бесов отгоняющие, недуги исцеляющие, светильники добрые, заступники теплые, с Богом пребывающие, божественными лучами всегда озаряемые, мужественные страстотерпцы, просвещающие души верным людям. Возвысила вас светоносная небесная любовь; через нее вы и наследовали все красоты небесного жития, славу и райскую пищу, и свет разума, прекрасные радости. Радуйтесь, потому что напоете вы все сердца, горести и болезни отгоняете, страсти злые исцеляете; каплями крови своей святой обагрили вы багряницу, прославленные, ибо, ее нося прекрасно, с Христом царствуете всегда, молясь за новых христианских людей и сродников своих. Благословилась земля Русская кровью вашею и мощами, покоящимися в церкви, просвещаете вы церковь эту духом божественным, в ней же с мучениками, как мученики, молитесь вы за людей своих. Радуйтесь, светлые звезды, утром восходящие! Христоролюбивые же страстотерпцы и заступники наши! Покорите поганых под ноги князьям нашим, молясь владыке Богу нашему, чтобы пребывали они в мире, в единении и в здоровье, избавляя их от усобных войн и от пронырства дьявола, удостоите и нас того же, поющих вам и почитающих ваше славное торжество, во вся веки до скончания мира».

Святополк же окаянный и злой убил Святослава, послав к нему к горе Угорской, когда тот бежал в Угры. И стал Святополк думать: «Перебью всех своих братьев и стану один вла-

деть Русскою землею». Так думал он в гордости своей, не зная, что «Бог дает власть кому хочет, ибо поставляет Всевышний цесаря и князя, каких захочет дать». Если же какая-нибудь страна станет угодной Богу, то ставит ей Бог цесаря или князя праведного, любящего справедливость и закон, и дарует властителя и судью, судящего суд. Ибо если князья справедливы в стране, то много согрешений прощается стране той; если же злы и лживы, то еще большее зло насыляет Бог на страну ту, потому что князь — глава земли. Ибо так сказал Исаия: «Согрешили от головы и до ног, то есть от цесаря и до простых людей». «Горе городу тому, в котором князь юн», любящий пить вино под звуки гуслей вместе с молодыми советниками. Таких князей дает Бог за грехи, а старых и мудрых отнимает, как сказал Исаия: «Отнимет Господь у Иерусалима крепкого исполина и храброго мужа, и судью, и пророка, и смиренного старца, и дивного советника, и мудрого художника, и разумного, живущего по закону. И дам им юношу князя, и обидчика поставлю обладать ими» <...>.

СКАЗАНИЕ И СТРАДАНИЕ И ПОХВАЛА СВЯТЫМ МУЧЕНИКАМ БОРИСУ И ГЛЕБУ*

Господи, благослови, отче! «Род праведных благословится, — говорит пророк, — и потомки их благословенны будут». Так и свершилось незадолго до наших дней при самодержце всей Русской земли Владимире, сыне Святославовом, внуке Игоревом, просветившем святым крещением всю землю Русскую. О прочих его добродетелях в другом месте поведаем, ныне же не время. О том же, что начали, будем рассказывать

* Анонимное сказание.

по порядку. Владимир имел 12 сыновей, и не от одной жены: матери у них были разные. Старший сын — Вышеслав, после Изяслав, третий — Святополк, который и замыслил это злое убийство. Мать его гречанка, прежде была монахиней. Брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев. Поэтому и не любил его Владимир, ибо не от него был он. А от Рогнеды Владимир имел четырех сыновей: Изяслава, и Мстислава, и Ярослава, и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки — Борис и Глеб. И посадил их всех Владимир по разным землям на княжение, о чем в другом месте скажем, здесь же расскажем про тех, о ком сия повесть.

Посадил Владимир окаянного Святополка на княжение в Пинске, а Ярослава — в Новгороде, а Бориса — в Ростове, а Глеба — в Муроме. Не стану, однако, много толковать, чтобы во многословии не забыть о главном, но, о ком начал, поведаем вот что. Протекло много времени, и, когда минуло 28 лет после святого крещения, подошли к концу дни Владимира — впал он в тяжкий недуг. В это же время пришел из Ростова Борис, а печенеги вновь двинулись ратью на Русь, и великая скорбь охватила Владимира, так как не мог он выступить против них, и это сильно печалило его. Призвал он тогда к себе Бориса, нареченного в святом крещении Романом, блаженного и скоропослушливого, и, дав ему под начало много воинов, послал его против безбожных печенегов. Борис же с радостью пошел, говоря: «Готов я пред очами твоими свершить, что велит воля сердца твоего». О таких

Приточник говорил: «Был сын отцу послушный и любимый матерью своею».

Когда Борис, выступив в поход и не встретив врага, возвращался обратно, прибыл к нему вестник и поведал ему о смерти отца. Рассказал он, как преставился отец его Василий (этим именем назван был Владимир в святом крещении) и как Святополк, утаив смерть отца своего, ночью разобрал помост в Берестове и, завернув тело в ковер, спустил его на веревках на землю, отвез на санях и поставил в церкви Святой Богородицы. И как услышал это святой Борис, стал телом слабеть и все лицо его намокло от слез, обливаясь слезами, не в силах был говорить. Лишь в сердце своем так размышлял: «Увы мне, светочей моих, сияние и заря лица моего, узда юности моей, наставник неопытности моей! Увы мне, отец и господин мой! К кому прибегну, к кому обращу взор свой? Где еще найду такую мудрость и как обойдусь без наставлений разума твоего? Увы мне, увывы мне! Как же ты зашло, солнце мое, а меня не было там! Был бы я там, то сам бы своими руками честное тело твое убрал и могиле предал. Но не нес я доблестное тело твое, не сподобился целовать твои прекрасные седины. О блаженный, помяни меня в месте упокоения твоего! Сердце мое горит, душа моя разум смущает, и не знаю, к кому обратиться, кому поведать эту горькую печаль? Брату, которого я почитал как отца? Но тот, чувствую я, о мирской суете печется и убийство мое замышляет. Если он кровь мою прольет и на убийство мое решится, буду мучеником перед Господом моим. Не воспротивлюсь я, ибо написано: “Бог гордым противится, а смиренным дает благодать”. И в послании апостола сказано: “Кто говорит: “Я люблю Бога”, а брата своего ненавидит, тот лжец». И еще: “В любви нет страха, совершенная любовь изгоняет страх”.

Поэтому, что я скажу, что сделаю? Вот пойду к брату моему и скажу: “Будь мне отцом — ведь ты брат мой старший. Что повелишь мне, господин мой?”»

И помышляя так в уме своем, пошел к брату своему и говорил в сердце своем: «Увижу ли я хотя бы братца моего младшего Глеба, как Иосиф Вениамина?» И решил в сердце своем: «Да будет воля Твоя, Господи!» Про себя же думал: «Если пойду в дом отца своего, то многие люди станут угрожать мне прогнать брата, как поступал, ради славы и княжения в мире этом, отец мой до святого крещения. А все это преходящее и непрочное, как паутина. Куда я приду по отшествии своем из мира этого? Где окажусь тогда? Какой получу ответ? Где скрою множество грехов своих? Что приобрели братья отца моего или отец мой? Где их жизнь и слава мира сего, и багряницы, и пиры, серебро и золото, вина и меды, яства обильные, и резвые кони, и хоромы изукрашенные, и великие, и богатства многие, и дани и почести бесчисленные, и похвальба боярами своими. Всего этого будто и не было: все с ними исчезло, и ни от чего нет подспорья — ни от богатства, ни от множества рабов, ни от славы мира сего. Так и Соломон, все испытал, все видел, всем овладев и все собрав, говорил обо всем: “Суета сует — все суета!” Спасение только в добрых делах, в истинной вере и в нелицемерной любви».

Идя же путем своим, думал Борис о красоте и молодости своей и весь обливался слезами. И хотел сдержаться, но не мог. И все видевшие его тоже оплакивали юность его и его красоту телесную и духовную. И каждый в душе своей стонал от горести сердечной, и все были охвачены печалью.

Кто же не восплачется, представив перед очами сердца своего эту пагубную смерть?

Весь облик его был уныл, и сердце его святое было сокрушено, ибо был блаженный правдив и щедр, тих, кроток, смирен, всех он жалел и всем помогал.

Так помышлял в сердце своем богоблаженный Борис и говорил: «Знал я, что брата злые люди подстрекают на убийство мое и погубит он меня, и когда прольет кровь мою, то буду я мучеником перед Господом моим, и примет душу Мою владыка». Затем, забыв смертную скорбь, стал утешать он сердце свое божьим словом: «Тот, кто пожертвует душой своей ради Меня и Моего учения, обретет и сохранит ее в жизни вечной». И пошел с радостным сердцем, говоря: «Господи премилостивый, не отринь меня, на Тебя уповающего, но спаси душу мою!»

Святополк же, сев на княжение в Киеве после смерти отца, призвал к себе киевлян и, щедро одарив их, отпустил. К Борису же послал такую весть: «Брат, хочу жить с тобой в любви и к полученному от отца владению добавлю еще». Но не было правды в его словах. Святополк, придя ночью в Вышгород, тайно призвал к себе Путилу и вышгородских мужей и сказал им: «Признайтесь мне без утайки — преданы ли вы мне?» Путила ответил: «Все мы готовы головы свои положить за тебя».

Когда увидел дьявол, исконный враг всего доброго в людях, что святой Борис всю надежду свою возложил на Бога, то стал строить козни и, как в древние времена Каина, замышлявшего братоубийство, уловил Святополка. Угадал он помыслы Святополка, поистине второго Каина: ведь хотел он перебить всех наследников отца своего, чтобы одному захватить всю власть.

Тогда призвал к себе окаянный треклятый Святополк сообщников злодеяния и зачинщиков всей неправды, отверз

свои прескверные уста и вскричал злобным голосом Пушьиной дружине: «Раз вы обещали положить за меня свои головы, то идите тайно, братья мои, и где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его». И они обещали ему сделать это.

О таких пророк говорил: «Скоры они на подлое убийство. Оскверненные кровопролитием, они навлекают на себя несчастия. Таковы пути всех, совершающих беззаконие, — нечестием губят душу свою».

Блаженный же Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте. И сказала ему дружина: «Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол — ведь все воины в твоих руках». Он же им отвечал: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старейшего, которого чту я как отца». Услышав это, воины разошлись, и остался он только с отроками своими. И был день субботний. В тоске и печали, с удрученным сердцем вошел он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но с душой просветленной, жалобно восклицая: «Не отвергай слез моих, Владыка, ибо уповаю я на Тебя! Пусть удостоюсь участи рабов Твоих и разделю жребий со всеми Твоими святыми, Ты Бог милостивый, и славу Тебе возносим вовеки! Аминь».

Вспомнил он о мучении и страданиях святого мученика Никиты и святого Вячеслава, которые были убиты так же, и о том, как убийцей святой Варвары был ее родной отец. И вспомнил слова премудрого Соломона: «Праведники вечно живут, и от Господа им награда и украшение им от Всевышнего». И только этими словами утешался и радовался.

Между тем наступил вечер, и Борис повелел петь вечерню, а сам вошел в шатер свой и стал творить вечернюю молитву со слезами горькими, частым воздыханием и

непрерывными стенаниями. Потом лег спать, и сон его тревожили тоскливые мысли и печаль горькая, и тяжелая, и страшная; как претерпеть мучение и страдание, и окончить жизнь, и веру сохранить, и приуроченный венец принять из рук Вседержителя. И, проснувшись рано, увидел, что время уже утреннее. А был воскресный день. Сказал он священнику своему: «Вставай, начинай заутреню». Сам же, обувшись и умыв лицо свое, начал молиться к Господу Богу.

Посланные же Святополком пришли на Альту ночью, и подошли близко, и услышали голос блаженного страсто-терпца, поющего на заутреню Псалтырь. И получил он уже весть о готовящемся убиении его. И начал петь: «Господи! Как умножились враги мои! Многие восстают на меня» — и остальные псалмы до конца. И, начавши петь по Псалтыри: «Окружили меня скопища псов и тельцы тучные обступили меня», продолжил: «Господи Боже мой! На Тебя я уповаю, спаси меня!» И после этого пропел канон. И когда окончил заутреню, стал молиться, взирая на икону Господню и говоря: «Господи Иисусе Христе! Как Ты, в этом образе явившийся на землю и собственною волею давший пригвоздить себя к кресту и принять страдание за грехи наши, сподобь и меня так принять страдание!»

И когда услышал он зловеший шепот около шатра, то затрепетал, и потекли слезы из глаз его, и промолвил: «Слава Тебе, Господи, за все, ибо удостоил меня зависти ради принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям твоим. Не захотел ты сам избегнуть мук, ничего не пожелал себе, последуй заповедям апостола: “Любовь долготерпелива, всему верит, не завидует и не превозносится”. И еще: “В любви нет страха, ибо истинная любовь изгоняет

страх". Поэтому, Владыка, душа моя в руках Твоих всегда, ибо не забыл я Твоей заповеди. Как Господу угодно — так и будет». И когда увидели священник Борисов и отрок, прислуживающий князю, господина своего, объятого скорбью и печалью, то заплакали горько и сказали: «Милостивый и дорогой господин наш! Какой благодати исполнен ты, что не восхотел ради любви Христовой воспротивиться брату, а ведь сколько воинов держал под рукой своей!» И, сказав это, опечалилась.

И вдруг увидел устремившихся к шатру, блеск оружия, обнаженные мечи. И без жалости пронзено было честное и многомилостивое тело святого и блаженного Христова страстотерпца Бориса. Поразили его копьями окаянные: Путьша, Талец, Елович, Ляшко. Видя это, отрок его прикрыл собою тело блаженного, воскликнув: «Да не оставлю тебя, господин мой любимый, — где увядает красота тела твоего, тут и я сподоблюсь окончить жизнь свою!»

Был же он родом венгр, по имени Георгий, и наградил его князь золотой гривной, и был любим Борисом безмерно. Тут и его пронзили, и, раненный, выскочил он в оторопи из шатра. И заговорили стоящие около шатра: «Что стоите и смотрите! Начав, завершим повеленное нам». Услышав это, блаженный стал молиться и просить их, говоря: «Братья мои милые и любимые! Погодите немного, дайте помолиться богу». И возрев на небо со слезами, и вознося вздохи горе, начал молиться такими словами: «Господи Боже мой многомилостивый и милостивый и премилостивый! Слава Тебе, что сподобил меня уйти от обольщений этой обманчивой жизни! Слава Тебе, щедрый дарователь жизни, что сподобил меня подвига достойного святых мучеников! Слава Тебе, Владыка-человеколюбец, что сподобил меня свершить

сокровенное желание сердца моего! Слава Тебе, Христос, слава безмерному, Твоему милосердию, ибо направил Ты стоны мои на правый путь! Взгляни с высоты святости Твоей и узри боль сердца моего, которую претерпел я от родственника моего — ведь ради Тебя умерщвляют меня в день сей. Меня уравнили с овном, уготованным на убой. Ведь Ты знаешь, Господь, не противлюсь я, не перечу и, имев под своей рукой, всех воинов отца моего и всех, кого любил отец мой, ничего не замышлял против брата моего. Он же сколько мог воздвиг против меня. “Если бы враг поносил меня — это я стерпел бы; если бы ненавистник мой клеветал на меня, — укрылся бы от него”. Но Ты, Господи, будь Свидетель и сверши суд между мною и братом моим и не осуждай их, Господи, за грех этот, но прими с миром душу мою. Аминь».

И, возрев на своих убийц горестным взглядом, с осунувшимся лицом, весь обливаясь слезами, промолвил: «Братья, приступивши — заканчивайте порученное вам. И да будет мир брату моему и вам, братья!»

И все, кто слышал слова его, не могли вымолвить ни слова от страха и печали горькой и слез обильных. С горькими вздыханиями жалобно сетовали и плакали, и каждый в душе своей стenal: «Увы нам, князь наш милостивый и блаженный, поводырь слепым, одежда нагим, посох старцам, наставник неразумным! Кто теперь их всех направит? Не восхотел славы мира сего, не восхотел веселиться с вельможами честными, не восхотел величия в жизни сей. Кто не поразится столь великому смирению, кто не смирится сам, видя и слыша его смирение?»

И так почил Борис, предав душу свою в руки Бога живого в 24-й день месяца июля, за 9 дней до календ августовских.

Перебили и отроков многих. С Георгия же не могли снять гривны и, отрубив голову ему, отшвырнули ее прочь. Поэтому и не смогли опознать тела его.

Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И когда ехали бором, начал приподнимать он святую голову свою. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце. И так скончался, восприняв неувядаемый венец. И, принеши тело его, положили в Вышгороде и погребли в земле у церкви Святого Василия.

И не остановился на этом убийстве окаянный Святополк, но в неистовстве своем стал готовиться на большее преступление. И, увидев осуществление заветного желания своего, не думал о злодейском своем убийстве и о тяжести греха, и нимало не раскаивался в содеянном. И тогда вошел в сердце его сатана, начав подстрекать на еще большие злодеяния и новые убийства. Так говорил в душе своей окаянный: «Что сделаю? Если остановлюсь на этом убийстве, то две участи ожидают меня: когда узнают о случившемся братья мои, то, подстеревши меня, воздадут мне горше содеянного мною. А если и не тая, то изгонят меня и лишусь престола отца моего, и сожаление по утраченной земле моей изложет меня, и поношения поносящих обрушатся на меня, и княжение мое захватит другой, и в жилищах моих не останется живой души. Ибо я погубил возлюбленного Господом и к болезни добавил новую язву, добавлю же к беззаконию беззаконие. Ведь и грех матери моей не простится, и с праведниками я не буду вписан, но изымется имя мое из книг жизни». Так и случилось, о чем после поведаем. Сейчас же еще не время, а вернемся к нашему рассказу.

И, замыслив это, злой дьявола сообщник послал за блаженным Глебом, говоря: «Приходи немедля. Отец зовет тебя, тяжело болен он».

Глеб быстро собрался, сел на коня и отправился с небольшой дружиной. И когда пришли на Волгу, в поле оступился под ним конь в яме и повредил слегка ногу. А как пришел Глеб в Смоленск, отошел от Смоленска недалеко и стал на Смядыни, в ладе. А в это время пришла весть от Предслады к Ярославу о смерти отца. И Ярослав прислал к Глебу, говоря: «Не ходи, брат. Отец твой умер, а брат твой убит Святополком».

И, услышав это, блаженный возопил с плачем горьким и сердечной печалью, и так говорил: «О, увы мне, Господи! Вдвойне плачу и стенаю, вдвойне сетую и тужу. Увы мне, увы мне! Плачу горько по отце, а еще горше плачу и горюю по тебе, брат и господин мой, Борис. Как пронзен был, как без жалости убит, как не от врага, но от своего брата смерть воспринял? Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежели одинокому и осиротевшему без тебя жить на этом свете. Я-то думал, что скоро увижу лицо твое ангельское, а вот какая беда постигла меня, лучше бы мне с тобой умереть, господин мой! Что же я буду делать теперь, несчастный, лишенный твоей доброты и многомудрия отца моего? О милый мой брат и господин! Если твои молитвы доходят до Господа, — помолись о моей печали, чтобы и я сподобился такое же мучение воспринять и быть вместе с тобою, а не на этом суетном свете».

И когда он так стонал и плакал, орошая слезами землю и призывая Бога с частыми вздохами, внезапно появились посланные Святополком злые слуги его, безжалостные

кровопийцы, лютые братоненавистники, свирепые звери, исторгающие душу.

Святой же плыл в это время в ладье, и они встретили его в устье Смядыни. И когда увидел их святой, то возрадовался душою, а они, увидев его, помрачнели и стали грести к нему, и подумал он — приветствовать его хотят. И, когда поплыли рядом, начали злодеи перескакивать в ладью его с блещущими, как вода, обнаженными мечами в руках. И сразу у всех весла из рук выпали, и все помертвели от страха. Увидев это, блаженный понял, что хотят убить его. И, глядя на убийц кротким взором, омывая лицо свое слезами, смирившись, в сердечном сокрушении, трепетно вздыхая, заливаясь слезами и ослабев телом, стал жалостно умолять: «Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, никакого зла вам не причинившего! Пощадите, братья и повелители мои, пощадите! Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и повелители мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему и к брату моему и господину. Пожалейте юность мою, смилуйтесь, повелители мои! Будьте господами моими, а я буду вашим рабом. Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срежьте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и отдаюсь на вашу милость. Побойтесь сказавшего устами апостола: “Не будьте детьми умом: на дело злое будьте как младенцы, а по уму совершеннoлетни будьте”. Я же, братья, и делом и возрастом молод еще. Это не убийство, но живодерство! Какое зло сотворил я, скажите мне, и не буду тогда жаловаться. Если же кровью моей насытиться хотите, то я, братья, в руках ваших и брата моего, а вашего князя». И ни единое слово не устыдило их, но как свирепые звери напали на него. Он же, видя, что не

внемлют словам его, стал говорить: «Да избавятся от вечных мук и любимый отец мой, и господин Василий, и мать госпожа моя, и ты, брат Борис, — наставник юности моей, и ты, брат и пособник Ярослав, и ты, брат и враг Святополк, и все вы, братья и дружина, пусть все спасутся! Уже не увижу вас в жизни сей, ибо разлучают меня с вами насильно». И говорил, плача: «Василий, Василий, отец мой и господин! Преклони слух свой и услышь глас мой, посмотри и узри случившееся с сыном твоим, как ни за что убивают меня. Увы мне, увy мне! Услышь, небо, и внемли, земля! И ты, Борис, брат, услышь глас мой. Отца моего Василия призвал, и не внял он мне, неужели и ты не хочешь услышать меня? Погляди на скорбь сердца моего и боль души моей, погляди на потоки слез моих, текущих как река! И никто не внемлет мне, но ты помяни меня и помолись обо мне перед Владыкой всех, ибо ты угоден Ему и предстоишь пред престолом Его».

И, преклонив колени, стал молиться: «Прещедрый и премилостивый Господь! Не презри слез моих, смилуйся над моей печалью. Воззри на сокрушение сердца моего: убивают меня неведомо за что, неизвестно, за какую вину. Ты знаешь, Господи Боже мой! Помню слова, сказанные Тобою своим апостолам: “За имя Мое, Меня ради поднимут на вас руки, и преданы будете родичами и друзьями, и брат брата предаст на смерть, и умертвят вас ради имени Моего”. И еще: “Терпением укрепляйте души свои”. Смотри, Господи, и суди: вот готова моя душа предстать пред Тобою, Господи! И Тебе славу возносим, отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Потом взглянул на убийц и промолвил жалобным и прерывающимся голосом: «Раз уж начали, приступивши, свершите то, на что посланы!»

Тогда окаянный Горясер приказал резать его без промедления. Повар же Глебов, по имени Торчин, взял нож и, схватив блаженного, заклал его, как агнца непорочного и невинного, месяца сентября в 5-й день, в понедельник.

И была принесена жертва Господу чистая и благоуханная, и поднялся в небесные обители к Господу, и свиделся с любимым братом, и восприняли оба венец небесный, к которому стремились, и возрадовались радостью великой и неизреченной, которую и получили.

Окаянные же убийцы возвратились к пославшему их, как говорил Давид: «Возвратятся нечестивые во ад и все забывающие Бога». И еще: «Обнажают меч нечестивые и натягивают лук свой, чтобы поразить идущих прямым путем, но меч их войдет в их же сердце, и луки их сокрушатся, а нечестивые погибнут». И когда сказали Святополку, что «исполнили повеление твое», то, услышав это, вознесся он сердцем, и сбылось сказанное псалмопевцем Давидом: «Что хвалишься злодейством сильным? Беззаконие в сей день, неправду замыслил язык твой. Ты возлюбил зло больше добра, больше ложь, нежели говорить правду. Ты возлюбил всякие гибельные речи, и язык твой льстивый. Поэтому Бог сокрушит тебя до конца, изринет и исторгнет тебя из жилища твоего и род твой из земли живых».

Когда убили Глеба, то бросили его в пустынном месте между двух колод. Но Господь, не оставляющий своих рабов, — как сказал Давид, — «хранит все кости их, и ни одна из них не сокрушится».

И этого святого, лежавшего долгое время, не оставил Бог в неведении и пренебрежении, но сохранил невредимым и явлениями ознаменовал: проходившие мимо этого места купцы, охотники и пастухи иногда видели огненный

столп, иногда горящие свечи или слышали ангельское пение. И ни единому, видевшему и слышавшему это, не пришло на ум поискать тело святого, пока Ярослав, не стерпев сего злого убийства, не двинулся на братоубийцу окаянного Святополка и не начал с ним жестоко воевать. И всегда соизволением Божиим и помощью святых побеждал в битвах Ярослав, а окаянный бежал посрамлен и возвращался побежденным.

И вот однажды этот треклятый пришел со множеством печенегов, и Ярослав, собрав войско, вышел навстречу ему на Альту и стал в том месте, где был убит святой Борис. И, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего, как прежде Авелева, вопиет к тебе, Владыка. И Ты отомсти за него и, как братоубийцу Каина, повергни Святополка в ужас и трепет. Молю Тебя, Господи, — да будут отмщены братья мои! Если телом вы и отошли отсюда, то благодатию живы и предстоите перед Господом и своей молитвой поможете мне!»

После этих слов сошлись противники друг с другом, и открылось поле Альтское множеством воинов. И на восходе солнца вступили в бой, и была сеча зла, трижды вступали в схватку и так бились целый день, и лишь к вечеру одолел Ярослав, а окаянный Святополк обратился в бегство. И обуяло его безумие, и так ослабели суставы его, что не мог сидеть на коне, и несли его на носилках. Прибежали с ним к Берестью. Он же говорит: «Бежим, ведь гонятся за нами!» И послали разведать, и не было ни преследующих, ни едущих по следам его. А он, лежа в бессилии и приподнимаясь, восклицал: «Бежим дальше, гонятся! Горе мне!» Невыносимо ему было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый гневом Божиим. И побежал в

пустынное место между Чехией и Польшей и тут бесчестно скончался. И принял отмщение от Господа: довел Святополка до гибели охвативший его недуг, и по смерти — муку вечную. И так потерял обе жизни: здесь не только княжения, но и жизни лишился, а там не только царства небесного и с ангелами пребывания не получил, но мукам и огню был предан. И сохранилась могила его до наших дней, и исходит от нее ужасный смрад в назидание всем людям. Если кто-нибудь поступит так же, зная об этом, то поплатится еще горше. Каин, не ведая об отмщении, единую кару принял, а Ламех, знавший о судьбе Каина, в семьдесят раз тяжелее наказан был. Такова месть творящим зло: вот Юлиан кесарь — пролил он много крови святых мучеников, и постигла его страшная и бесчеловечная смерть: неведомо кем пронзен был копьем в сердце. Так же и этот — неизвестно от кого бегая, позорной смертью скончался.

И с тех пор прекратились усобицы в Русской земле, а Ярослав принял всю землю Русскую. И начал он расспрашивать о телах святых — как и где похоронены? И о святом Борисе поведали ему, что похоронен в Вышгороде. А о святом Глебе не все знали, что у Смоленска был убит. И тогда рассказали Ярославу, что слышали от проходящих оттуда: как видели свет и свечи в пустынном месте. И, услышав это, Ярослав послал к Смоленску священников разузнать, в чем дело, говоря: «Это брат мой». И нашли его, где были видения, и, придя туда с крестами, и свечами многими, и с кадилами, торжественно положили Глеба в ладью и, возвратившись, похоронили его в Вышгороде, где лежит тело преблаженного Бориса: раскопав землю, тут и Глеба положили с подобающим почетом.

И вот что чудесно и дивно и памяти достойно: столько лет лежало тело святого Глеба и оставалось невредимым, не тронутым ни хищным зверем, ни червями, даже не почернело, как обычно случается с телами мертвых, но оставалось светлым и красивым, целым и благоуханным. Так Бог сохранил тело своего страстотерпца.

И не знали многие о лежащих тут мощах святых страстотерпцев. Но как говорил Господь: «Не может укрыться город, стоящий наверху горы, и, зажегши свечу, не ставят ее под спудом, но на подсвечнике выставляют, чтобы светила всем». Так и этих святых поставил Бог светить в мире, многочисленными чудесами сиять в великой Русской земле, где многие страждущие исцеляются: слепые прозревают, хромые бегают быстрее серны, горбатые выпрямляются.

Невозможно описать или рассказать о творимых чудесах, воистину весь мир не может их вместить, ибо дивных чудес больше песка морского. И не только здесь, но и в других странах, и по всем землям они проходят, отгоняя болезни и недуги, навещая заключенных в темницах и закованных в оковы. И в тех местах, где были увенчаны они мученическими венцами, созданы были церкви в их имя. И много чудес совершается с приходящими сюда.

Не знаю поэтому, какую похвалу воздать вам, и недоумеваю, и не могу решить, что сказать? Нарек бы вас ангелами, ибо без промедления являетесь всем скорбящим, но жили вы на земле среди других людей во плоти человеческой. Если же назову вас людьми, то ведь своими бесчисленными чудесами и помощью немощным превосходите вы разум человеческий. Провозглашу ли вас кесарями или князьями, но самых про-

стых и смиренных людей превзошли вы своим смирением, это и привело вас в горячие места и жилища.

Воистину вы кесари кесарям и князья князьям, ибо вашей помощью и защитой князья наши всех противников побеждают и вашей помощью гордятся. Вы наше оружие, земли Русской защита и опора, мечи обоюдоострые, ими дерзость поганых низвергаем и дьявольские козни на земле попираем. Воистину и без сомнений могу сказать: вы небесные люди и земные ангелы, столпы и опора земли нашей! Защищаете свое отечество и помогаете так же, как и великий Дмитрий [Солунский] своему отечеству. Он сказал: «Как был с ними в радости, так и в погибели их с ними умру». Но если великий и милосердный Дмитрий об одном лишь городе так сказал, то вы не о едином граде, не о двух, не о каком-то селении печетесь и молитесь, но о всей земле Русской!

О блаженны гробы, принявшие ваши честные тела как сокровище многоценное! Блаженна церковь, в коей поставлены ваши гробницы святые, хранящие в себе блаженные тела ваши, о Христовы угодники! Поистине блажен и величественнее всех городов русских и высший город, имеющий такое сокровище. Нет равного ему во всем мире. По праву назван Вышгородом — выше и превыше всех городов: второй Солунь явился в Русской земле, исцеляющий безвозмездно, с Божьей помощью, не только наш единый народ, но всей земле спасение приносящий. Приходящие из всех земель даром получают исцеление, как в святых евангелиях Господь говорил святым апостолам: «Даром получили, даром давайте». О таких и сам Господь говорил:

«Верующий в Меня, в дела, которые я творю, сотворит сам их, и больше сих сотворит».

Но, о блаженные страстотерпцы Христовы, не забывайте отечества, где прожили свою земную жизнь, никогда не оставляйте его. Так же и в молитвах всегда молитесь за нас, да не постигнет нас беда и болезни да не коснутся тела рабов ваших. Вам дана благодать, молитесь за нас, вас ведь Бог поставил перед собой заступниками и ходатаями за нас. Поэтому и прибегаем к вам, и, припадая со слезами, молимся, да не окажемся мы под пятой вражеской, и рука нечестивых да не погубит нас, пусть никакая пагуба не коснется нас, голод и озлобление удалите от нас, и избавьте нас от неприятельского меча и межусобных раздоров, и от всякой беды и нападения защитите нас, на вас уповающих. И к Господу Богу молитву нашу с усердием принесите, ибо грешим мы сильно, и много в нас беззакония, и бесчинствуем с излишеством и без меры. Но, на ваши молитвы надеясь, возопием к Спасителю, говоря: «Владыко, единый без греха! Возри со святых небес Своих на нас, убогих, и хотя согрешили, но Ты прости, и, хотя беззаконие творим, помилуй, и впавших в заблуждение, как блудницу, простя нас и, как мытаря, оправдай».

Да снизойдет на нас милость Твоя! Да прольется на нас человеколюбие Твое! И не допусти нас погибнуть из-за грехов наших, не дай уснуть и умереть горькою смертью, но избавь нас от царящего в мире зла и дай нам время покаяться, ибо много беззаконий наших пред Тобою, Господи! Рассуди нас по милости Твоей, Господи, ибо имя Твое нарицается в нас, помилуй нас и спаси и защити молитвами преславных страстотерпцев Твоих. И не предай нас в поругание, а излей

милость Твою на овец стада твоего, ведь Ты Бог наш и Тебе славу воссылаем, отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

О БОРИСЕ, КАКОВ БЫЛ ВИДОМ

Сей благоверный Борис был благого корени, послушен отцу, покоряся во всем отцу. Телом был красив, высок, лицом кругл, плечи широкие, тонок в талии, глазами добр, весел лицом, возрастом мал и ус молодой еще был, сиял по-царски, крепок был, всем был украшен — точно цвел он в юности своей, на ратях храбр, в советах мудр и разумен во всем, и благодать Божия цвела в нем.

ПРИМЕЧАНИЯ*

От автора

1. Каравашкин, Юрганов 2003. С. 292.
2. Там же. С. 121.
3. Пиккио 2003. С. 485.
4. Блок 1986. С. 9.
5. Каравашкин, Юрганов 2003. С. 17.

Часть 1.

1.1. Междукняжеская война Святославичей и ее последствия

6. Константин Багрянородный. С. 45, 311–312.
7. Костомаров 2005. Т. 12. С. 10.
8. Сахаров 1982. С. 141.
9. Петрухин 2000. С. 163–166.
10. Ключевский 1987. Т. 1. С. 180.
11. Соловьев 1996. С. 25.
12. Назаренко 2000. С. 504, 505. Эту гипотезу следует отличать от представлений о «коллективном сюзеренитете» русских князей в Поднепровье, который, по мнению ряда исследователей (Л.В. Черепнин, Б.А. Рыбаков и др.), сложился во второй половине XI в.
13. Карпов 1997. С. 87–88. Свердлов 2003. С. 243–244. Милютенко 2008. С. 126–128.

* Здесь и далее представлены примечания с упоминанием авторов книги, которые указаны в библиографии.

14. ПСРЛ 1. Стб. 75–76. ПЛДР 1978. С. 91.
15. ПСРЛ 1. Стб. 300–301.
16. ПСРЛ 1. Стб. 74–78. ПЛДР 1978. С. 91, 93.
17. ПСРЛ 1. Стб. 79. ПЛДР 1978. С. 93.
18. Фроянов 1995. С. 56–57.
19. Милютенко 2008. С. 138.
20. Сендерович 2000. С. 487. Примеч. 12.
21. Абрамович 1916. С. 27–28. ПЛДР. 1978. С. 279.
22. Бугославский 2007. С. 253.
23. Данилевский 2004. С. 67, 178.
24. Удальцова 1988. С. 326.

1.2. Реформы Владимира. «Заговор обойденных» и его участники

25. ПСРЛ 1. Стб. 67.
26. Там же. Стб. 79. ПЛДР 1978. С. 95.
27. Карпов 1997. С. 142–250. Назаренко 2001. С. 390–434. Петрухин 2002. С. 60–89. Милютенко 2008. С. 212–320.
28. ПСРЛ 1. Стб. 121. ПЛДР 1978. С. 137.
29. Пресняков 1993. С. 28. Петрухин 2000. С. 169–170. Горский 2004. С. 88–95.
30. Татищев 2003. Т. II. С. 65–66, 614, 628. Критика татищевского известия: Толочко 2005. С. 445–457.
31. Соловьев 1996. С. 31.
32. ПСРЛ 15. С. 73. Не менее спорной представляется попытка объявить Бориса и Глеба сыновьями волжской болгарыни, на которой Владимир якобы женился во время похода 985 г. (Пчёлков 2001. С. 201–202), так как в этом случае непонятно, почему из всех сыновей Владимира именно они представляли опасность для Святополка.

33. Соловьев 1988. Кн. 1. С. 194–195.
34. Пресняков 1993. С. 32–33. Поппэ 1997. С. 115. Петрухин 2000. С. 177. Назаренко 2000. С. 512–513. Присёлков 2002. С. 38. Свердлов 2003. С. 316–324. Милютенко 2006. С. 82–88.
35. Абрамович 1916. С. 136–137.
36. Карпов 1997. С. 330.
37. Поппэ 2003. С. 308–315.
38. Пчёллов 2001. С. 155–157.
39. Титмар Мерзебургский (Пер. И.В. Дьяконова). С. 162, 163. Назаренко 1993. С. 140–141, 166–167.
40. Парамонова 1999. С. 42.
41. Титмар. С. 68. Боровков 2008. С. 173.
42. Титмар. С. 128, 162–163.
43. Корольюк 1964. С. 212–232. Пашуто 1968. С. 35–36. Головки 1988. С. 20–22. Назаренко 1993. С. 151–154, 168–170. Пчёллов 2001. С. 183–187. Свердлов 2003. С. 301. Милютенко 2008. С. 362–364.
44. Татищев 2003. Т. II. С. 64–65.
45. ПСРЛ 1. Стб. 126. ПСРЛ 9. С. 68.
46. Татищев 2003. Т. II. С. 627. Примеч. 211.
47. Назаренко 2001. С. 454.
48. Тихомиров 1969. С. 232.
49. Щавелева 2004. С. 235–236.
50. Милютенко 2006. С. 87.
51. ПСРЛ 1. Стб. 150–151.
52. Греков 1953. С. 347–348.
53. Милютенко 2006. С. 88.
54. Хорошев 1986. С. 30.
55. Горский 2004. С. 108.

56. Фроянов 2001. С. 377.
57. Соловьев 1988. Кн. 1. С. 197.
58. Назаренко 2000. С. 512–513.
59. Боровков 2008. С. 178.
60. *Annales Quedlinburgenses* // MGH. SS. T. 3. S. 90 (Пер. Д.А. Боровкова). См. также: *Wiponus. Gesta Chuonradi imperatoris* // MGH. SS. T. 61. S. 31–32.
61. Галл Аноним. С. 34.
62. Янин 1970. С. 38. Петрухин 2000. С. 173–174, 188. Свердлов 2003. С. 293–296, 301–302.
63. Свердлов 2003. С. 295.
64. Петрухин 2000. С. 174. Свердлов 2003. С. 306–307. Филюшкин 2006. С. 19–24.
65. Литаврин 2001. С. 473–474.
66. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 288–292.
67. Горский 2004. С. 55–59.
68. Там же. С. 116–121. Перхавко 2005. С. 205–208.
69. Милютенко 2008. С. 379.
70. Свердлов 2003. С. 312.
71. Шахматов 2003. С. 528–554.

1.3. С чего началось Начальное летописание?

72. Гиппиус 2007. С. 20.
73. Шахматов 2002. С. 80–81.
74. Милютенко 2006. С. 166–170.
75. Шахматов 2002. С. 312–325.
76. ПСРЛ 1. Стб. 75, 155.

77. Лихачев 1947. С. 58–76. Черепнин 1948. С. 331–333. Будовниц 1960. С. 36–46. Творогов 1976. С. 20–24, 46–73. Тихомиров 1979. С. 46–66. Толочко 2003. С. 10–30.

78. Шахматов 2002. С. 125, 279–283. Шахматов 2003. С. 168–169, 175.

79. Будовниц 1960. С. 31–34.

80. Поппэ 1968, 1969. Щапов 1989. С. 23–28.

81. Юрганов 1998. С. 317. Данилевский 2004. С. 196–197.

82. Щапов 1989. С. 28.

83. ПСРЛ 1. Стб. 155. ПСРЛ 2. Стб. 143.

84. Шахматов 2002. С. 124, 308, 347–348.

85. Данилевский 2004. С. 104.

86. Лихачев 1947. С. 70, 75. Кузьмин 1977. С. 208. Мюллер 2000. С. 147–148. Поппэ 2008. С. 78–80.

87. Насонов 1969. С. 35–36. Насонов 2002. С. 32.

88. Милютенко 2006а. С. 162–166.

89. ПСРЛ 1. Стб. 153. ПЛДР 1978. С. 167.

90. Петрухин 2000. С. 184.

91. Шахматов 2002. С. 132–134.

92. Милютенко 2006а. С. 167.

93. Шахматов 2002. С. 284–312.

94. Петрухин 2008. С. 174–179.

95. Кузьмин 1977. С. 177–200. Толочко 2003. С. 53–54.

96. ПСРЛ 15. С. 128.

1.4. Повесть «Об убиении Борисове» и «Летописец Ярослава»

97. ПСРЛ 1. Стб. 130. Абрамович 1916. С. 29. Шахматов 2002. С. 67–68.

98. ПСРЛ 1. Стб. 132, 134. ПЛДР 1978. С. 149.
99. Шахматов 2002. С. 81.
100. Михеев 2005. С. 28–42. Михеев 2007. С. 3–18.
101. ПСРЛ 1. Стб. 135–137. ПЛДР 1978. С. 151, 153.
102. Поппэ 1995. С. 22. Бугославский 2007. С. 223–224.
103. Насонов 1969. С. 46–47. Шахматов 2002. С. 48, 319.
104. Соловьев 1988. Кн. 2. С. 104.
105. ПСРЛ 1. Стб. 130–131, 139–141. ПЛДР 1978. С. 145, 155, 157.
106. Шахматов 2002. С. 71–72, 76, 185–186.
107. ПСРЛ 1. Стб. 132, 140. ПЛДР 1978. С. 147, 155. Соловьев 1988. Кн. 2. С. 104.
108. Мюллер 2000. С. 141–160.
109. ПЛДР 1994. С. 594, 612.
110. ПСРЛ 1. Стб. 130–131. ПЛДР 1978. С. 147.
111. Гиппиус 2006. С. 74–79.
112. Карамзин 1989. С. 180.
- 1.5. Первый раунд борьбы за Киев: Святополк и Ярослав**
113. Парамонова 2003. С. 348. Свердлов 2003. С. 318–319.
114. Янин 1970. С. 34–41. Петрухин 2002. С. 103–106. Свердлов 2003. С. 311–312, 317–318, 324–325, 340–341. Милютенко 2006. С. 73.
115. Свердлов 2003. С. 324.
116. Шахматов 2003. С. 32–70, 380–412, 428–464. Гиппиус 2006. С. 56–92.
117. Алешковский 1971. Кузьмин 1977. С. 85–110. Зиборов 1995. С. 99–129. Петрухин 2008. С. 170–171.
118. ПСРЛ 3. С. 175 (Пер. Д.А. Боровкова).

119. Бережков 1963. С. 9, 224–225.

120. ПСРЛ 1. Стб. 142. ПСРЛ 2. Стб. 130.

121. ПСРЛ 6. Стб. 129.

122. Парамонова 2003. С. 348–349.

123. Карпов 2001. С. 14–16. Пчёллов 2001. С. 169–170. Толочко 2008. С. 8–14.

124. Толочко 2008. С. 11.

125. Боровков 2008. С. 176.

1.6. Раунд второй. На арену выходит Болеслав Храбрый

126. Назаренко 1993. С. 140.

127. Назаренко 2001. С. 466. Пользуясь случаем, обращаем внимание на то, что в одной из предшествующих публикаций (Боровков 2008. С. 176, 177) гипотеза А.В. Назаренко об антипольском союзе между императором Генрихом II и Ярославом Мудрым в 1016–1017 гг. была подвергнута критике исключительно по причине текстологического недоразумения в использованном нами издании «Хроники» Титмара Мерзебургского, поэтому мы приносим ее автору свои глубочайшие извинения.

128. Назаренко 2001. С. 498. Мельникова 2008. С. 100–103.

129. ПСРЛ 1. Стб. 142–143. ПЛДР 1978. С. 157, 159.

130. Головки 1988. С. 31.

131. Кузьмин 1977. С. 204.

132. Титмар. С. 177.

133. Королюк 1964. С. 248

134. Вопрос о времени пребывания Иоанна I на киевской кафедре остается спорным: по традиции оно датируется 1008–1035 или

1039 г. (Мюллер, 1995. Присёлков, 2003. С. 28–47), приверженцы альтернативной точки зрения относят его к середине 1040 – началу 1050-х гг. (Милютенко 2006. С. 49–56).

135. Мавродин 1945. С. 354, 366.

136. Назаренко 1993. С. 189.

137. Шахматов 2002. С. 296–297.

138. Галл Аноним. С. 36 (Пер. Л.М. Поповой). Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. М., 1987 (Пер. Л.М. Поповой). С. 68.

139. Галл Аноним. С. 34.

140. ПСРЛ 4. М. 2000. С. 108 (Пер. Д.А. Боровкова).

141. Титмар. С. 177.

142. Королук 1957. С. 161. Королук 1964. С. 260. Свердлов 2003. С. 336–340.

143. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 331.

144. Галл Аноним. С. 36.

145. Королук 1964. С. 253–260.

146. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 270–274.

147. Там же. С. 325–326.

148. ПСРЛ 1. Стб. 144–146. ПЛДР 1978. С. 159, 161.

149. Лихачев 1947. С. 92.

1.7. Миф истории или миф историков. А был ли Святополк «окаянным»?

150. Милютенко 2006. С. 131–132.

151. ПСРЛ 3. С. 175.

152. Петрухин 2008. С. 170–172.

153. Данилевский 1998. С. 336–354. Петрухин 2005. С. 186. Примеч. 16.

154. Данилевский 2004. С. 63–72, 177–178.
155. Данилевский 1998. С. 353–354.
156. Юрганов 2006. С. 59, 62.
157. Там же. С. 65–66.
158. Срезневский 2003. Т. II. Стб. 640.
159. Успенский 2000. С. 33–35.
160. Карамзин 1991. С. 14. Данилевский 1998. С. 348.
161. Данилевский 2004. С. 102–103.
162. Там же. С. 173.
163. Данилевский 1998. С. 354
164. Карпов 2001. С. 477.
165. Шайкин 2003. С. 342–359.
166. Успенский 2000. С. 30–31.

1.8. Братоубийство в библейском контексте.

Паримийные чтения Борису и Глебу

167. Там же. С. 22.
168. Данилевский 2004. С. 197–204.
169. ПСРЛ 1. Стб. 80. ПЛДР 1978. С. 95.
170. Невзорова 2004.
171. Бугославский 2007. С. 7. Подскальски 1996. С. 378, 379.
172. Милютенко 2006. С. 222.
173. ПСРЛ 1. Стб. 150.
174. Парамонова 2003. С. 351. Милютенко 2006. С. 219.
175. Абрамович 1916. С. 116–121. Милютенко 2006. С. 347–351.
176. ПСРЛ 4. С. 111 (Пер. Д.А. Боровкова).
177. Щавелева 2004. С. 245.

1.9. Союз Берестья, Полоцка и Тмутаракани.

Факты и гипотезы

178. ПСРЛ 1. Стб. 146. ПЛДР 1978. С. 161.

179. ПСРЛ 3. С. 15, 180. Шахматов 2002. С. 164–165.

180. Ильин 1957. С. 121.

181. ПСРЛ 2. Стб. 132. Головки 1988. С. 34. Назаренко 2001.
С. 466–471.

182. Милютенко 2006. С. 124–131.

183. Шахматов 2002. С. 43, 44.

184. Шахматов 2002. С. 69.

1.10. Борис, Глеб и Святополк в «Анонимном сказании»

185. Ильин 1957. С. 53–54.

186. Абрамович 1916. С. 28. Шахматов 2002. С. 45. Примеч. 1.

187. Милютенко 2006. С. 83–84.

188. Соловьев 1988. Кн. 1. С. 197.

189. Милютенко 2006. С. 161.

190. Парамонова 2003. С. 328–329.

191. Абрамович 1916. С. 29–32. ПЛДР 1978. С. 283.

192. Петрухин 2000. С. 176.

193. Пресняков 1993. С. 33. Примеч. 52.

194. Пиккио 2003. С. 64.

195. ПЛДР 1980. С. 339–344.

196. Абрамович 1916. С. 38–39. ПЛДР 1978. С. 291.

197. Ужанков 2008. С. 298–299.

198. Абрамович 1916. С. 44. ПЛДР 1978. С. 297.

199. Там же. С. 47.

200. Литаврин 2001. С. 472. Ведюшкина 2006. С. 606.

201. Петрухин 2002. С. 113.

202. ПСРЛ 9. С. 76. ПСРЛ 22. С. 368.

203. Шахматов 2002. С. 58.

1.11. Концепция Нестора

204. Бугославский 2007. С. 285–286. Черепнин 1948. С. 311–312.

Кузьмин 1977. С. 155.

205. Шахматов 2002. С. 48.

206. Там же. С. 80–81, 317–319.

207. Там же. С. 76–77, 185–186.

208. Зиборов 1995. С. 128–156.

209. Адрианова-Перетц 1964. С. 41–71.

210. Ревелли 1998. С. 81.

211. Абрамович 1916. С. 7. Милютенко 2006. С. 365.

212. Бугославский 2007. С. 306.

213. По мнению Е.В. Пчёллова, Борис мог быть женат на сестре датского короля Кнуда I Эстред, которая, по сообщению Адама Бременского, некоторое время была замужем за «сыном короля Руси» (Пчёллов 2001. С. 210–212), хотя подобное предположение не бесспорно (Назаренко 2001. С. 476–488).

214. Зиборов 1995. С. 89–90.

215. Милютенко 2006. С. 77–79.

216. Абрамович 1916. С. 13, 14. Милютенко 2006. С. 377.

217. ПСРЛ 1. Стб. 146. ПЛДР 1978. С. 163.

1.12. Почему боролся за Киев Мстислав Тмутараканский?

218. Татищев 2003. Т. II. С. 73.

219. Петрухин 2002. С. 114.

220. Данилевский 2004. С. 176.
221. Милютенко 2006. С. 167. Шахматов 2002. С. 286–287. Петрухин 2008. С. 175–177.
222. Котляр 2000. С. 35–39.
223. Насонов 2002. С. 28, 30.
224. ПСРЛ 1. Стб. 148. ПЛДР 1978. С. 163.
225. Михеев 2008. С. 27–29.
226. ПСРЛ 1. Стб. 148–149. ПЛДР 1978. С. 163
227. Толочко 1987. С. 79.
228. Щавелев 2008. С. 76–77.
229. ПСРЛ 1. Стб. 151. ПЛДР 1978. С. 161.
230. Щапов 1989. С. 38. Присёлков 2003. С. 50.
231. Петрухин 2002. С. 115–116. Назаренко 2007. С. 88–90.
232. ПСРЛ 9. С. 79.
233. ПСРЛ 1. Стб. 149–150. ПЛДР 1978. С. 165.
234. Wiponus. Gesta Chuonradi imperatoris // MGH. SS. T. 61. S. 48–49 (Пер. Д.А. Боровкова).
235. Головки 1988. С. 34–37.
236. Annalista Saxo // MGH. SS. T. 6. S. 678–679 (Пер. И.В. Дьяконова).
237. Там же. S. 683.
238. Пашуто 1968. С. 39–40, 43. Котляр 2003. С. 49.
239. Щавелева 2004. С. 253.
240. ПСРЛ 1. Стб. 143, 145. ПЛДР 1978. С. 169.
241. Назаренко 2002. С. 278.
242. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 348–358. Карпов 2001. С. 374–385. Джаксон 2000. С. 73–76, 100–102, 119–127.
243. Щавелева 2004. С. 256, 390. Назаренко 2005. С. 167–175.

244. Брюсова 1968. С. 128–135.

245. ПСРЛ 1. Стб. 240. ПЛДР 1978. С. 392.

246. Котляр 2003. С. 45–46.

247. Поппэ 2003. С. 318.

1.13. Так был ли «самовластцем» Ярослав?

248. ПСРЛ 1. Стб. 151. ПЛДР 1978. С. 165, 167.

249. Карпов 2001. С. 303–304.

250. Костомаров 2005. Т. 12. С. 15.

251. Черепнин 1972. С. 360. Петрухин 2000. С. 189.

252. Свердлов 2003. С. 355, 419–428.

253. Щапов 1989. С. 173–174.

254. Котляр 2003. С. 48.

255. ПСРЛ 2. Стб. 520.

256. ПСРЛ 3. С. 67, 68, 70, 273, 274, 278.

257. ПСРЛ 3. С. 176–180. ПСРЛ 6. Стб. 131–172.

258. Зимин 1999. С. 31–64. Петров 2003. С. 63–87.

259. ПСРЛ 3. С. 175–176.

260. ПСРЛ 4. С. 114 (Пер. Д.А. Боровкова).

261. Черепнин 1965. С. 159.

262. Петрухин 2008. С. 170.

263. ПСРЛ 1. Стб. 161–162. ПЛДР 1978. С. 175.

264. Соловьев 1996. С. 36–38.

265. Шахматов 2002. С. 308.

266. Петрухин 2000. С. 193.

267. Ключевский 1987. С. 183. Критика этого положения: Пресняков 1993. С. 41.

268. Янин 1961. С. 114–115.

269. Назаренко 2000. С. 500–519. Петрухин 2000. С. 189–191.
Свердлов 2003. С. 434–441. Назаренко 2008. С. 30–54.

270. Хотя некоторые исследователи видели типологическое сходство «ряда» Ярослава с «завещаниями» Бржетислава I (1055) в Чехии и Болеслава III (11138) в Польше (Пресняков 1993. С. 35–41), в настоящее время, как показывают исследования А.В. Назаренко, оно представляется не столь очевидным.

271. Козьма Пражский. С. 123 (Пер. Э.Г. Санчука).

272. Там же. С. 121.

273. Назаренко 2008. С. 39.

274. Козьма Пражский. С. 123–124.

275. Назаренко 2008. С. 45.

276. ПСРЛ 9. С. 77.

Часть 2

2.1. Династические традиции Рюриковичей

277. Макарий 1995. С. 54–55.

278. Шахматов 2002. С. 58. Примеч. 3.

279. Мюллер 1995. С. 11. Примеч. 24.

280. Абрамович 1916. С. 53–54. Милотенко 2006. С. 323, 325.

281. Хорошев 1986. С.17–23.

282. Алешковский 1971. С. 86–92. Поппэ 1973. Парамонова 2003.
С. 242–245. Милотенко 2006. С. 43–44.

283. Рогов, Флоря 1991. С. 212.

284. Ревелли 1998. С. 83.

285 Литвина, Успенский 2006. С. 11–13.

286. Литвина, Успенский 2008. С. 16–17.
287. Петрухин 2000. С. 177.
288. Мюллер 1995. С. 12.
289. Назаренко 2001. С. 566–574.
290. Поппэ 1997. С. 115–116. Поппэ 2003. С. 316–319.
291. ПСРЛ 2. Стб. 143. Розов 1993. С. 90. Ужанков 1994. С. 76–
104. Мюллер 2000. С. 99. Поппэ 2003. С. 304–305.
292. Сендерович 2000. С. 486.
293. Петрухин 2000. С. 177, 178 (Примеч. 33). Литвина, Ус-
пенский 2006. С. 292–293.
294. Лимонов 1987. С. 104.
295. ПСРЛ 1. Стб. 400–401 (Пер. Д.А. Боровкова).
296. ПСРЛ 3. С. 58. ПЛДР 1981. С. 129.
297. Насонов 2002. С. 31.

2.2. Культ Бориса и Глеба в политике «триумвирата» Яросла- вичей

298. Пресняков 1993. С. 35–43.
299. ПСРЛ 1. Стб. 162–171. ПСРЛ 2. Стб. 155–162.
300. Галл Аноним. С. 54.
301. Великая хроника. С. 71.
302. ПСРЛ 1. Стб. 174. ПЛДР 1978. С. 187.
303. Черепнин 1972. С. 360.
304. ПЛДР 1978. С. 322–327.
305. Назаренко 2002. С. 285.
306. Назаренко 2001. С. 520–522, 528–529.
307. ПСРЛ 1. Стб. 181–182. ПЛДР 1978. С. 195.
308. Шахматов 2002. С. 294, 307. Ужанков 2000. С. 36.

309. Мюллер 1995. Милютенко 2006. С. 49–56.
310. Ильин 1957. С. 170–188. Алешковский 1971. С. 83–91. Поппэ 1973, 1995. Хорошев 1986. С. 32–33. Щапов 1989. С. 177–178.
311. Абрамович 1916. С. 53.
312. Поппэ 1995. С. 55–56.
313. Милютенко 2006. С. 52.
314. Абрамович 1916. С. 21–22. Милютенко 2006. С. 389, 391.
315. Кузьмин 1977. С. 192.
316. Ужанков 2000. С. 39–43.
317. Абрамович 1916. С. 55–56. Милютенко 2006. С. 325, 327.
318. ПСРЛ 1. Стб. 193.
319. Назаренко 2007. С. 100–103.
320. Ужанков 2000. С. 39.
321. Поппэ 1995. С. 35–38. Милютенко 2006. С. 55.
322. ПСРЛ 1. Стб. 182–183. ПЛДР 1978. С. 195, 197.
323. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 360.

2.3. Распад «триумvirата» и борьба за «Черниговское наследство»

324. ПСРЛ 1. Стб. 199, 247. ПЛДР 1978. С. 211, 403. Головки 1988. С. 54. Назаренко 2001. С. 531–534.
325. *Lamperti Hersfeldensis annales* // MGH SS. T. 38. S. 202 (Цит. по: Назаренко 2001. С. 509).
326. ПСРЛ 1. Стб. 198–199. ПЛДР 1978. С. 211.
327. *Lamperti Hersfeldensis annales*. S. 300. Назаренко 2001. С. 529.
328. Рамм 1959. С. 67–68. Пашуто 1968. С. 124–125, 129–130. Головки 1988. С. 55. Назаренко 2001. С. 534–537.

329. Свердлов 2003. С. 459.
330. Грушевский 1991. С. 80.
331. Тагищев 2003. Т. II. С. 90.
332. Рапов 1977. С. 102.
333. ПСРЛ 1. Стб. 204. ПСРЛ 3. С. 18, 161.
334. ПСРЛ 1. Стб. 247.
335. Рапов 1977. С. 46.
336. Грушевский 1991. С. 80–81. Примеч. 4. Зайцев 1975. С. 76–77. Примеч. 96.
337. ПСРЛ 1. Стб. 217. ПЛДР 1978. С. 227, 229.
338. Кузьмин 1977. С. 196.
339. Лихачев 1947. С. 81.
340. Насонов 1969. С. 54.
341. Присёлков 2003. С. 103–104.
342. ПСРЛ 1. Стб. 199, 202, 216.
343. Толочко 1987. С. 91.
344. Мавродин 2002. С. 230.
345. ПСРЛ 1. Стб. 200–201. ПЛДР 1978. С. 213.
346. Фроянов, Дворниченко 1988. С. 88. Свердлов 2003. С. 466.
347. ПСРЛ 1. Стб. 248. ПЛДР 1978. С. 405.
348. Абрамович 1916. С. 60.
349. Петрухин 2000. С. 193–194. Котляр 2008. С. 204–205.
350. ПСРЛ 1. Стб. 217–218. ПЛДР 1978. С. 227.
351. ПСРЛ 1. Стб. 226. ПЛДР 1978. С. 235, 237.
352. ПСРЛ 1. Стб. 249. ПЛДР 1978. С. 405.
353. Назаренко 2006. С. 281.
354. Мавродин 2002. С. 252–259.

355. ПСРЛ 1. Стб. 238. ПЛДР 1978. С. 247.

356. ПСРЛ 1. Стб. 257–258. ПЛДР 1978. С. 249.

357. Черепнин 1948. С. 322–323.

358. Греков 1953. С. 499–500. Пашуто 1965. С. 21. Черепнин 1965. С. 202. Черепнин 1972. С. 361. Рыбаков 1982. С. 449. Петрухин 2000. С. 193–195. Свердлов 2003. С. 474–475.

359. Фроянов, Дворниченко 1988. С. 91, 92.

360. Назаренко 2006. С. 281–284.

361. Алешковский 1971. С. 32–53.

2.4. Ослепление Василько Ростиславича и династический конфликт 1097–1100 гг. Предпосылки и последствия

362. ПСРЛ 1. Стб. 257, 258. ПЛДР 1978. С. 249, 251.

363. Назаренко 2001. С. 526–528.

364. ПСРЛ 1. Стб. 205–206. Пашуто 1968. С. 43–44. Головки 1988. С. 58–59. Свердлов 2003. С. 468–469.

365. ПСРЛ 1. Стб. 266. ПЛДР 1978. С. 259.

366. ПСРЛ 1. Стб. 258. ПЛДР 1978. С. 251

367. ПСРЛ 1. Стб. 263. ПЛДР 1978. С. 255.

368. Пашуто 1968. С. 44–46. Головки 1988. С. 61–62.

369. ПСРЛ 1. Стб. 257–273. ПСРЛ 2. Стб. 231–248.

370. ПСРЛ 1. Стб. 273–274. ПЛДР 1978. С. 265, 267.

371. Абрамович 1916. С. 62–63.

2.5. Междукняжеское соперничество вокруг культа Бориса и Глеба в конце XI – начале XII в.

372. Петрухин 2000. С. 203.

373. Назаренко 2006. С. 280, 284.
374. Сендерович 2000. С. 481–483.
375. Там же. С. 491–492.
376. Абрамович 1916. С. 64. Милютенко 2006. С. 339.
377. ПСРЛ 2. Стб. 280. ПВЛ 1999. С. 266.
378. Лихачев 1947. С. 177–180. Присёлков 1996. С. 81–84. Шахматов 2003. С. 528–534, 551–554.
379. ПСРЛ 2. Стб. 290 (Пер. Д.А. Боровкова).
380. Абрамович 1916. С. 65–66. Милютенко 2006. С. 339, 341.
381. ПСРЛ 2. Стб. 290. ПВЛ 1999. С. 266–267.
382. Абрамович 1916. С. 66. Милютенко 2006. С. 337.
383. Воронин 1957. С. 20–21, 50–55.
384. ПСРЛ 1. Стб. 291, 294–295. ПСРЛ 2. Стб. 285.
385. ПЛДР 1980. С. 340.
386. Петрухин 2000. С. 254–255.
387. Глазырина 2002. С. 250–252.

Часть 3

3.1. Скандинавские версии русских событий

388. Мельникова 1978. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 503–506.
389. Джаксон 1994. С. 104–119 (Пер. Е.А. Рыдзевской).
390. Петрухин 2000. С. 124.
391. Джаксон 1978. С. 282.
392. Литвина, Успенский 2006. С. 52.
393. Джаксон 1994. С. 162. Никитин 2001. С. 294.
394. Карамзин 1991. С. 15–16.

3.2. О чем же спорят историки?

395. Мавродин 1945. С. 351, 355.
396. Ильин 1957. С. 44, 92–93.
397. Там же. С. 93–95.
398. Там же. С. 156–169.
399. Королюк 1964. С. 238–240.
400. Янин 1969.
401. Хорошев 1986. С. 30–31.
402. Головкин 1988. С. 24–25.
403. Юрганов 1998. С. 9.
404. Литвина, Успенский. 2006. С. 52. Примеч. 39
405. Милютенко 2006. С. 11, 90, 127–128.
406. Петружин 2000. С. 183 (Прим. 36).
407. Там же. С. 177.
408. Милютенко 2006. С. 127–128.
409. Джаксон 1994. С. 43, 51, 71, 73–75 и др.
410. Пашуто 1968. С. 26–27.
411. Джаксон 2000. С. 59–65. Назаренко 2001. С. 494–496. Мельникова 2008. С. 98–100.
412. Назаренко 2001. С. 490–491.
413. Гуревич 2005. С. 170–171.

3.3. Между эпосом и историей. «Образ правителя» как стереотип средневекового историописания

414. Джаксон 1978. С. 283–288.
415. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 500–518.
416. Блохин 2006. С. 148–157.

417. Назаренко 2001. С. 453–454
418. Петрухин 2000. С. 124–127.
419. Гуревич 2005. С. 172–174.
420. Снорри Стурлусон. С. 513–514 (Пер. М.И. Стеблин-Каменского).
421. Там же. С. 536–537.
422. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 520.
423. Михеев 2005. С. 33–38.
424. Снорри Стурлусон. С. 430. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 521–522.
425. Снорри Стурлусон. С. 22, 36. Гуревич 2006. С. 63. Блохин 2006. С. 155.
426. ПСРЛ 4. С. 108. ПСРЛ 6. Ч. 1. С. 129. Титмар. С. 177.
427. ПСРЛ 4. С. 114.
428. Галл Аноним. С. 32, 33. Щавелева 1990. С. 97. Щавелева 2004. С. 249. Боровков 2008. С. 170–171.
429. Галл Аноним. С. 49. Великая хроника. С. 68–69.
430. Галл Аноним. С. 47. Боровков 2008. С. 177–178.
431. Великая хроника. С. 71.
432. Галл Аноним. С. 39, 45–46, 54.
433. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 380.
434. ПСРЛ 1. Стб. 126. ПЛДР 1978. С. 141.
435. Пчелов 2001. С. 170–171.
436. Флоря 2002. С. 196.

3.4. Братоубийство в борьбе за власть. Прецеденты в славянском мире

437. Козьма Пражский. С. 59, 61.
438. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М. 1970. С. 39, 55 (Пер. А.И. Рогова).

439. Козьма Пражский. С. 60–61.
440. Сказания о начале Чешского государства. С. 98.
441. Козьма Пражский. С. 59.
442. Флоря 2002. С. 196–197.
443. Сказания о начале Чешского государства. С. 79–82.
444. Там же. С. 62, 66.
445. Титмар. С. 18.
446. Там же. С. 84.
447. Козьма Пражский. С. 80.
448. Ljetopis pora Dukljanina. S. 78–85 (Электронная версия в пер.
О. Ковалишина: www.vostlit.info/Texts/rus6/Dukljanin/frametext.htm).
449. Акимова 2002. С. 333–335.
450. Присёлков 2003. С. 28–32, 40–47.
451. Там же. С. 37.
452. Тихомиров 1969. С. 123. Милютенко 2008. С. 323–324.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамович 1916 — *Абрамович Д.И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Памятники древнерусской литературы. Вып. 2. Пг.

Адрианова-Перетц 1964 — *Адрианова-Перетц В.П.* Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 20. Л.

Акимова 2002 — *Акимова О.А.* Христианство в далматских, хорватских и сербских землях в X — XI вв. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М.

Алешковский 1971 — *Алешковский М.Х.* Повесть Временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М.

Бережков 1963 — *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М.

Блок 1986 — *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М.

Блохин 2006 — *Блохин Е.К.* Образ конунга в древнесеверной литературе: к вопросу о поиске мировоззренческих стереотипов // Гуманитарная мысль Юга России. 2006. №1.

Боровков 2008 — *Боровков Д.А.* Болеслав I Пяст и его внешняя политика в освещении источников // Зеркало истории. Коллективный и индивидуальный портрет личности в истории. Вып. 5. М.

Брюсова 1968 — *Брюсова В.Г.* К вопросу о происхождении Владимира Мономаха // *Византийский временник*. Т. 28. М.

Бугославский 2007 — *Бугославский С.А.* Текстология Древней Руси. Т. 2. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. М.

Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). М.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. М., 1987.

Ведюшкина 2006 — *Ведюшкина И.В.* Историческая память домонгольской Руси: религиозные аспекты // *История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени*. М.

Воронин 1957 — *Воронин Н.Н.* «Анонимное сказание» о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор // *Труды отдела древнерусской литературы*. Т. 13. Л.

Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М. 1961.

Гедеонов 2004 — *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. М.

Гиппиус 2006 — *Гиппиус А.А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // *Вереница литер.* Сб. ст. к 60-летию В.М. Живова. М.

Гиппиус 2007 — *Гиппиус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет // *Славяноведение*. №5.

Глазырина 2002 — *Глазырина Г.В.* Сага об Ингваре Путешественнике. Текст. Перевод. Комментарий. М.

Головко 1988 — *Головко А.Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII вв. Киев.

Горский 2004 — *Горский А.А.* Русь. От славянского расселения до Московского царства. М.

Греков 1953 — *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.

Грушевский 1991 — *Грушевський М.С.* Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. Київ.

Гуревич 2005 — *Гуревич А.Я.* История — нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет.

Гуревич 2006 — *Гуревич А.Я.* История и сага // Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб.

Данилевский 1998 — *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XI в.). М.

Данилевский 2004 — *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.

Джаксон 1978 — *Джаксон Т.Н.* Скандинавский конунг на Руси (к методике анализа известий исландских королевских саг) // Восточная Европа в древности и Средневековье. М.

Джаксон 1994 — *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Первая треть XI в. Тексты, перевод, комментарий. М.

Джаксон 2000 — *Джаксон Т.Н.* Четыре скандинавских конунга на Руси. Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X — первой половины XI в. М.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.

Зайцев 1975 — *Зайцев А.К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. М.

Зиборов 1995 — *Зиборов В.К.* О летописи Нестора. Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб.

Зимин 1999 — *Зимин А.А.* Правда Русская. М.

Ильин 1957 — *Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. М.

Каравашкин, Юрганов 2003 — *Каравашкин А.В., Юрганов А.Л.* Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М.

Карамзин 1989, 1991 — *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. I, II—III. М.

Карпов 1997 — *Карпов А.Ю.* Владимир Святой. М.

Карпов 2001 — *Карпов А.Ю.* Ярослав Мудрый. М.

Ключевский 1987 — *Ключевский В.О.* Сочинения в 9 томах. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М.

Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962.

Константин Багрянородный — *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. М., 1989.

Королюк 1957 — *Королюк В.Д.* Древнепольское государство. М.

Королюк 1964 — *Королюк В.Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М.

Костомаров 2005 — *Костомаров Н.И.* Начало единого государства в Древней Руси // История Руси Великой. Сочинения Н.И. Костомарова в 12 томах. Т. 12. Истоки русского единого государства. М.

Котляр 2000 — *Котляр Н.Ф.* Князь окаянный? Был ли Святополк убийцей своих братьев Бориса и Глеба? // Родина. №12.

Котляр 2003 — *Котляр Н.Ф.* Дипломатия Южной Руси. СПб.

Котляр 2008 — *Котляр Н.Ф.* Ярослав и его время в общественном сознании второй половины XI—XIII в. // Ярослав Мудрый и его эпоха. М.

Кузьмин 1977 — *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы русского летописания. М.

Лимонов 1987 — *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.

Литаврин 2001 — *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб.

Литвина, Успенский 2006 — *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропониимики. М.

Литвина, Успенский 2008 — *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Младшие сыновья и старшие внуки Ярослава Мудрого (из истории имянаречения у Рюриковичей) // Ярослав Мудрый и его эпоха. М.

Лихачев 1947 — *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. Л.

Лихачев 1979 — *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М.

Лихачев 2001 — *Лихачев Д.С.* (при участии А.А. Алексеева и А.Г. Боброва). Текстология (на материале древнерусской литературы X—XVII вв.). СПб.

Мавродин 1945 — *Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства. Л.

Мавродин 2002 — *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). СПб.

Макарий (Булгаков) 1995. История русской церкви. Кн. II. М.

Мельникова 1978 — *Мельникова Е.А.* «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в войске Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и Средневековье. М.

Мельникова 2008 — *Мельникова Е.А.* Балтийская политика Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый и его эпоха. М.

Милютенко 2006 — *Милютенко Н.И.* Святые князья-мученики Борис и Глеб. Исследование и подготовка текстов. СПб.

Милютенко 2006а — *Милютенко Н.И.* Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод) // *Rossica Antiqua*. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб.

Милютенко 2008 — *Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и Крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб.

Михеев 2005 — *Михеев С.М.* Золотая гривна Бориса и родовое проклятие Инглингов: к проблеме варяжских источников древнерусских текстов // *Славяноведение*. №2.

Михеев 2007 — *Михеев С.М.* Различия в описаниях событий и взаимоотношения текстов Борисоглебского цикла // *Славяноведение*. №5.

Михеев 2008 — *Михеев С.М.* Варяжские князья Якун, Африкан и Шимон: литературные сюжеты, трансформация имен и исторический контекст // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. №2(32).

Мюллер 1995 — *Мюллер Л.* О времени канонизации святых Бориса и Глеба // *Russia Medievalis*. Т. VIII. Munchen.

Мюллер 2000 — *Мюллер Л.* Понять Россию. Историко-культурные исследования. М.

Назаренко 1993 — *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. Тексты. Перевод. Комментарий. М.

Назаренко 2000 — *Назаренко А.В.* Порядок престолонаследия на Руси X—XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // *Из истории русской культуры*. Т. 1. Древняя Русь. М.

Назаренко 2001 — *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII вв. М.

Назаренко 2002 — *Назаренко А.В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — середина XIII в.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований // *Из истории русской культуры*. Т. II. Кн. I. Киевская и Московская Русь. М.

Назаренко 2005 — *Назаренко А.В.* Племянники венгерского короля Иштвана I на Руси // *Ad fontem / У источника.* Сборник статей в честь С.М. Каштанова. М.

Назаренко 2006 — *Назаренко А.В.* Владимир Мономах и киевское столонаследие: традиция и попытка реформы // *Древнейшие государства Восточной Европы 2004.* Политические институты Древней Руси. М.

Назаренко 2007 — *Назаренко А.В.* Митрополии Ярославичей во второй половине XI в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* №1(27).

Назаренко 2008 — *Назаренко А.В.* Древнерусское династическое старейшинство по «ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели — реальные и мнимые // *Ярослав Мудрый и его эпоха.* М.

Насонов 1969 — *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М.

Насонов 2002 — *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб.

Невзорова 2004 — *Невзорова Н.Н.* Паримии Борису и Глебу. Опыт прочтения // *Труды отдела древнерусской литературы.* Т. 56. СПб.

Никитин 2001 — *Никитин А.Л.* Основания русской истории: Мифологемы и факты. М.

Никитин 2003 — *Никитин А.Л.* Инок Иларион и начало русского летописания. Исследование и тексты. М.

Парамонова 1999 — *Парамонова М.Ю.* Славянский восток в хронике Титмара Мерзбургского: образ «иноного» на пересечении идеологии и риторики // *Одиссей.* 1998. М.

Парамонова 2003 — *Парамонова М.Ю.* Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: Сравнительный анализ Вацлавского и Борисоглебского культов. М.

Пашуто 1968 — *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М.

ПВЛ 1999 — Повесть временных лет. СПб.

Перхавко 2005 — *Перхавко В.Б.* Этнические, политические и конфессиональные особенности «империи Рюриковичей» // Ad fontem / У источника. Сборник статей в честь С.М. Каштанова. М.

Петров 2003 — *Петров А.В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы. К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб.

Петрухин 2000 — *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. М.

Петрухин 2002 — *Петрухин В.Я.* Начало христианства на Руси во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М.

Петрухин 2005 — *Петрухин В.Я.* Традиция и исторический факт в средневековой историографии: мотивы и числа (историографические заметки) // Древнейшие государства Восточной Европы 2003. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М.

Петрухин 2008 — *Петрухин В.Я.* Ярослав Мудрый, Ярославичи и начальное летописание // Ярослав Мудрый и его эпоха. М.

Пиккио 2002 — *Пиккио Р.* Древнерусская литература. М.

Пиккио 2003 — *Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М.

ПЛДР 1978 — Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. М.

ПЛДР 1980 — Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.

ПЛДР 1981 — Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.

ПЛДР 1994 — Памятники литературы Древней Руси. XVII век.

Кн. 3. М.

Подскальски 1996 — *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси. *Byzantinoslavica*. Т. 1. СПб.

Поппэ 1968, 1969 — *Поппэ А.В.* Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // *Византийский временник*. Т. 28, 29. М.

Поппэ 1973 — *Поппэ А.В.* О времени зарождения культа Бориса и Глеба // *Russia Medievalis*. Т. I. Munchen.

Поппэ 1995 — *Поппэ А.В.* О зарождении культа Бориса и Глеба и посвященных им произведениях // *Russia Medievalis*. Т. VIII. Munchen.

Поппэ 1997 — *Поппэ А.В.* Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. Вып. 6(16). СПб.

Поппэ 2003 — *Поппэ А.В.* Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба // *Труды отдела древнерусской литературы*. Т. 54. СПб.

Поппэ 2008 — *Поппэ А.В.* А.А. Шахматов и спорные начала русского летописания // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. №3(33).

Пресняков 1993 — *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.

Присёлков 1996 — *Присёлков М.Д.* История русского летописания XI—XV вв. СПб.

Присёлков 2003 — *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб.

ПСРЛ 1 — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. М., 2001.

ПСРЛ 2 — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2000.

ПСРЛ 3 — Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

ПСРЛ 4 — Полное собрание русских летописей. Т. 4. Новгородская Четвертая летопись. М., 2000.

ПСРЛ 6 — Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. Софийская Первая летопись старшего извода. М., 2000.

ПСРЛ 9 — Полное собрание русских летописей. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

ПСРЛ 15 — Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.

ПСРЛ 22 — Полное собрание русских летописей. Т. 22. Русский Хронограф. М., 2005.

Пчёллов 2001 — *Пчёллов Е.В.* Генеалогия древнерусских князей. М.

Рамм 1959 — *Рамм Б.Я.* Папство и Русь в X—XV веках. М. Л.

Ревелли 1998 — *Ревелли Дж.* Старославянские легенды святого Вячеслава и древнерусские княжеские жития // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М.

Розов 1993 — *Розов Н.Н.* «В начале было Слово...» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 48. СПб.

Рогов, Флоря 1991 — *Рогов А.И., Флоря Б.Н.* Образование государства и формирование общественно-политической идеологии в славянских странах // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне). М.

Сахаров 1982 — *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М.

Свердлов 2003 — *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб.

Сендерович 2000 — *Сендерович С.Я.* Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историо-

графии // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. М.

Сказания о начале чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970.

Снорри Стурлусон. Круг Ремной. М. 1980.

Соловьев 1988 — *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 1—4 // *Соловьев С.М.* Сочинения в 18 книгах. Кн. 1—2. М.

Соловьев 1996 — *Соловьев С.М.* История отношений между князьями Рюрикава дома // *Соловьев С.М.* Сочинения в 18 книгах. Кн. 19 (дополнительная). Работы разных лет. М.

Срезневский 2003 — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. М.

Татищев 2003 — *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 2. М.

Творогов 1976 — *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л.

Титмар — *Титмар Мерзебургский*. Хроника в восьми книгах. М., 2005.

Тихомиров 1969 — *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М.

Тихомиров 1979 — *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М.

Толочко 1987 — *Толочко П.П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев.

Толочко 2003 — *Толочко П.П.* Русские летописи и летописцы X—XIII вв. СПб.

Толочко 2005 — *Толочко А.П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М. — Киев.

Толочко 2008 — *Толочко П.П.* О происхождении Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый и его эпоха. М.

Удальцова 1988 — *Удальцова З.В.* Киев и Константинополь — культурные связи до XIII века // Как была крещена Русь. М.

Ужанков 1994 — *Ужанков А.Н.* Когда и где было прочитано Иларионом «Слово о законе и благодати» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. Ч. 1.

Ужанков 2000, 2001 — *Ужанков А.Н.* Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. №2, 1(3).

Ужанков 2008 — *Ужанков А.Н.* Стадиальное развитие русской литературы XI — первой трети XVIII века. Теория литературных формаций. М.

Успенский 2000 — *Успенский Б.А.* Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М.

Флоря 2002 — *Флоря Б.Н.* Христианство в Древнепольском и Древнечешском государстве во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М.

Фроянов 1995 — *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. М. — СПб.

Фроянов 2001 — *Фроянов И.Я.* Начала русской истории. Избранное. М.

Фроянов, Дворниченко 1988 — *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л.

Хорошев 1986 — *Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации (XI—XVI в.). М.

Черепнин 1948 — *Черепнин Л.В.* Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. Т. 25. М.

Черепнин 1965 — *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М.

Черепнин 1972 — *Черепнин Л.В.* К вопросу о характере и форме древнерусского государства X — начала XIII в. // Исторические записки. Т. 89. М.

Шайкин 2003 — *Шайкин А.А.* «Оставим все как есть» (по поводу современных интерпретаций убийства Бориса и Глеба) // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 54. СПб.

Шахматов 2002 — *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.

Шахматов 2003 — *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2. Раннее русское летописание XI—XII вв. СПб.

Щавелев 2008 — *Щавелев А.С.* К вопросу о первом съезде князей Рюриковичей // Ярослав Мудрый и его эпоха. М.

Щавелева 1990 — *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. Текст. Перевод. Комментарий. М.

Щавелева 2004 — *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. Текст. Перевод. Комментарий (Книги I—VI). М.

Щапов 1989 — *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М.

Юрганов 1998 — *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М.

Юрганов 2006 — *Юрганов А.Л.* Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени. М.

Янин 1961 — *Янин В.Л.* Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 16. Л.

Янин 1969 — Янин В.Л. Тайнственный XI век // Знание — сила.
№3.

Янин 1970 — Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв.
Т. 1. М.

Annales Qudlinburgenses // Monumenta Germaniae Historica.
Scriptories rerum Germanicarum (in folio). Т. 3. Hannover, 1839.

Annalista Saxo // Monumenta Germaniae Historica. Scriptories
rerum Germanicarum (in folio). Т. 6. Hannover, 1844.

Lamperti Hersfeldensis annales // Monumenta Germaniae Historica.
Scriptories rerum Germanicarum (Nuova series). Т. 38. Leipzig, 1894.

Ljetopis popa Dukljanina. Zagreb, 1950.

Wiponus. Gesta Chuonradi imperatoris // Monumenta Germaniae
Historica. Scriptories rerum Germanicarum (Nuova series). Т. 61.
Hannover, Leipzig, 1915.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
Часть 1. Война за наследство князя Владимира.	
Древнерусские «сценарии» событий	8
1.1. Междукняжеская война Святославичей и ее последствия	8
1.2. Реформы Владимира. «Заговор обойденных» и его участники	16
1.3. С чего началось Начальное летописание?	36
1.4. Повесть «Об убиении Борисове» и «Летописец Ярослава»	49
1.5. Первый раунд борьбы за Киев. Святополк и Ярослав	60
1.6. Раунд второй. На арену выходит Болеслав Храбрый	67
1.7. Миф истории или миф историка. А был ли Святополк «окаянным»?	76
1.8. Братоубийство в библейском контексте. Паримийные чтения Борису и Глебу	84
1.9. Союз Берестья, Полоцка и Тмутаракани. Факты и гипотезы	91
1.10. Борис, Глеб и Святополк в «Анонимном сказании»	95
1.11. Концепция Нестора	105
1.12. Почему боролся за Киев Мстислав Тмутараканский?	111
1.13. Так был ли «самовластцем» Ярослав?	122
Часть 2. Культ Бориса и Глеба и междукняжеские войны на Руси в последней трети XI века	130
2.1. Династические традиции Рюриковичей	130
2.2. Культ Бориса и Глеба в политике «триумvirата» Ярославичей	144

2.3. Распад «триумvirата» и борьба за «Черниговское наследство»	156
2.4. Слепление Василько Ростиславича и династический конфликт 1097—1100 гг. Предпосылки и последствия	173
2.5. Междукняжеское соперничество вокруг культа Бориса и Глеба в конце XI — начале XII в.	181
Часть 3. Конфликт интерпретаций. О чем молчат летописи и говорят саги?	190
3.1. Скандинавские версии русских событий	190
3.2. О чем же спорят историки?	204
3.3. Между эпосом и историей. «Образ правителя» как стереотип средневекового историописания	219
3.4. Братоубийство в борьбе за власть. Прецеденты в славянском мире (X—XI вв.)	240
ПРИЛОЖЕНИЯ	255
Повесть об убиении Бориса	255
Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу	261
О Борисе, каков был видом	280
ПРИМЕЧАНИЯ	281
БИБЛИОГРАФИЯ	303

Научно-популярное издание

От Руси к империи

Боровков Дмитрий Александрович

ТАЙНА ГИБЕЛИ БОРИСА И ГЛЕБА

Выпускающий редактор *А.А. Скороход*

Корректор *О.Б. Бубликова*

Верстка *А.Ю. Киселев*

Художественное оформление *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 28.01.2014. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «PetersburgС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 10. Тираж 1500 экз. Заказ № 2066.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

**ВНИМАНИЮ
ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!**

Книги издательства «Вече»
вы можете приобрести в наших филиалах
и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва, 2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79.
www.labyrinth-shop.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, ул. Леся Курбаса, д. 2б.
Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.
E-mail: info@ariy.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «Вече»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва»,
ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Новый книжный».

Среди загадок русской истории особое место занимает тайна гибели двух сыновей крестителя Руси Владимира Святославича – Бориса и Глеба, убитых по приказу старшего брата Святополка, получившего в древнерусской литературе прозвище Окаянный. После изгнания Святополка началось почитание князей в княжеском роду. Память об этих страдальцах осталась для России священной. Русские люди, и преимущественно княжеский род, видели в них своих заступников и молитвенников. Летописи содержат много рассказов о чудесах исцеления, происходивших у их гроба, о победах, одержанных их именем и с их помощью, о паломничестве князей к их гробу и т.д. Сохранившиеся исторические свидетельства о гибели двух князей порождают круг непростых вопросов. На них отвечает в своей книге историк Д.А. Боровков.

ISBN 978-5-4444-1877-2

